КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXII.

1898 г.

СЕНТЯБРЬ.

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 8 сентября 1898 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Вниманію господъ ЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫМЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

МАЛОРУССКАЯ И ДРУГІЯ БУРЛЕСКНЫЯ

(ШУТЛИВЫЯ [1])

ЭНЕИДЫ [2]).

I.

Новѣйшую украинскую литературу съ широкимъ кругозоромъ народнаго пошиба, смѣнившую собою литературу схоластическую, богословско-учительную и риторическую, а также поэзію старинныхъ апокрифовъ, легендъ, псальмъ, кантовъ, виршъ, элегій, пѣсенъ и интерлюдій, начинаютъ обыкновенно съ „Енеиды, на малороссійскій языкъ перелиціованной И. Котляревскимъ“, [3]) съ выхода которой въ свѣтъ путемъ печати исполнилось въ настоящемъ году ровно сто лѣтъ.

Въ свое время появленіе малорусской Энеиды было крупнымъ литературнымъ событіемъ, и авторъ этой поэмы пріобрѣлъ весьма скоро почетную извѣстность не только въ средѣ своихъ ближайшихъ земляковъ, но и въ предѣлахъ всей широкой Россіи. Какъ сочинитель Энеиды, И. П. Котляревскій удосто-

---

[1]) Такъ назвалъ свою Энеиду Осиповъ въ заглавіи „Овидіевыхъ любовныхъ твореній“, напечатанныхъ въ 1803 г.

[2]) Настоящая статья получена была въ редакціи, когда еще не выходила изъ печати книга журнала *іюль-августъ*, вслѣдствіе чего авторъ ея не касается статьи И. Стешенка „Осиповъ и Котляревскій въ ихъ взаимоотношеніи“. *Ред.*

[3]) Въ изданіи 1809 г., выпущенномъ въ свѣтъ самимъ И. П. Котляревскимъ, согласно общей тенденціи, замѣчающейся въ томъ текстѣ, къ сближенію съ общерусскою литературною рѣчью, заглавіе нѣсколько видоизмѣнено: „Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ *переложенная* И. Котляревскимъ“.

ился въ 1816 г. лестнаго вниманія со стороны вел. кн. Николая Павловича [1]), ставшаго потомъ императоромъ, въ царствованіе котораго малорусская литература очень долго—до конца 40-хъ годовъ—не подвергалась оффиціальнымъ преслѣдованіямъ [2]) и, напротивъ, впервые достигла значительнаго развитія и подъема.

Энеиду Котляревскаго при импер. Александрѣ и Николаѣ Павловичѣ „читали съ удовольстіемъ какъ умную шалость», по выраженію Н. Полеваго [3]), не только малороссы, но и великороссы [4])

Потомъ, какъ нерѣдко бываетъ, въ средѣ самихъ малороссовъ восторгъ смѣнился нѣкоторымъ равнодушіемъ и даже приниженіемъ Энеиды, во главѣ котораго въ началѣ 60-хъ годовъ стоялъ Кулишъ [5]).

Теперь уже цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ момента появленія Энеиды, и порождавшій рѣзкіе отзывы задоръ 60-хъ годовъ, сопряженный съ энтузіазмомъ поры обновленія и ре-

---

[1]) См. нашъ отзывъ о сочиненіи г. Петрова: „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“ въ „Отчетѣ о XXIX присужденіи наградъ графа Уварова“ (1888 г.), стр. 1—2.

[2]) Да и дѣло о Шевченкѣ, Костомаровѣ и др. не привело тогда къ общимъ репрессивнымъ мѣрамъ.

[3]) Очерки русской литературы, ч. II, стр. 489.

[4]) Кромѣ приведеннаго только что свидѣтельства Полеваго (1838—1839 г.) см. еще въ предисловіи Основьяненка (1833 г.) къ повѣсти „Салдацькій патретъ“ („Супплика до пана издателя“): „Хыба жъ не жыво вчыстывъ панъ Котляревськый Енея? Эге! объ нимъ и доси Москва товче и перетовкуе, и зъ якого боку ни зайде, сплесне рукамы, та й кае: „ну такъ, славно!“ См. еще въ ст. Милюкова: „Вопросъ о малоросійской литературѣ“ („Эпоха“ 1864 г.), стр. 80: „Экземпляры хохлацкой Энеиды не только распространились на югѣ, но проникли и во внутреннюю Россію и зачастую встрѣчались въ чисторусскихъ семействахъ“.

[5]) См. уже въ его „Хатѣ“ „Передне слово до громады. Поглядъ на украинську словесность“, стр. VII—VIII: „Охотнійше почалы наши хлопята слухаты *бурлацьке юродство* Котляревського, анижъ чепуркувату Карамзинщину“. Начало не вполнѣ благопріятнаго отношенія къ Энеидѣ Котляревскаго, какъ сейчасъ увидимъ, замѣчается уже въ юношеской статьѣ А. А. Котляревскаго (1856 г.) Ранѣе галичанинъ Вагилевичъ, хотя и усматривалъ въ Энеидѣ *„стремленіе представленія лихого въ звычаяхъ и обычаяхъ своихъ краянъ“*, полагалъ однако, что она „для многихъ отличныхъ, наветь рѣдкихъ красотъ будетъ всегда оздобою литературы, особенно що ся залицаетъ невымушенымъ гуморомъ и гладкою сплавностью“ (Русск. Библ., III, 153).

формъ, отошелъ уже въ область прошлаго, хотя все еще весьма близкаго и родного намъ, а съ другой стороны и увлеченіе чарующими созданіями поэзіи Шевченка, произведеніями Квитки и другихъ малороссійскихъ писателей, заглушившихъ громкую славу Котляревскаго, также лишилось первоначальной свѣжести и уже не можетъ подавлять голоса исторической справедливости. Время потому провѣрить обстоятельнѣе, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ, сужденія объ Энеидѣ и поставить вопросъ: сохранитъ ли она значеніе, помимо чисто историческаго, и теперь, когда малорусская литература уже не бѣдна талантами въ Россіи и также въ Галичинѣ, имѣющей такого писателя какъ Франко, и находится на пути къ выработкѣ изъ себя литературы, не только удовлетворяющей требованіямъ ограниченной среды и чисто народнаго вкуса, но и достигающей высокаго эстетическаго и соціальнаго подъема и становящейся всенародною, что видимъ въ Галичинѣ и отчасти въ Буковинѣ?

Съ перваго взгляда могутъ возникать нѣкоторыя сомнѣнія, удержитъ ли Энеида Котляревскаго непреходящее значеніе и въ наступающій второй вѣкъ ея литературнаго существованія; могутъ одолѣвать колебанія, не былъ ли близокъ къ правдѣ Кулишъ, ставившій Энеиду Котляревскаго довольно низко на литературномъ горизонтѣ?

Какъ показываетъ уже самое заглавіе поэмы Котляревскаго, послѣдняя—произведеніе не оригинальнаго содержанія; мало того, она—памятникъ т. наз. бурлескнаго жанра, о которомъ отзываются съ пренебреженіемъ нѣкоторые авторитеты литературы. Этотъ родъ творчества подвергся рѣшительному осужденію не только со стороны строгаго французскаго законодателя классическаго Парнасса XVII в.—Боало, но и со стороны двухъ корифеевъ новѣйшей поэзіи, Шиллера [1]) и Гёте, хотя послѣдній въ молодости былъ не прочь иногда отъ этого жанра въ своей поэтической дѣятельности. Неблагосклонно относятся иные къ бурлеску и травестіи и теперь [2]).

[1]) См. въ его статьѣ „О наивной и сентиментальной поэзіи“.

[2]) См. напр. въ „Beilage zur Allgem. Zeitung“ 1893, № 67, въ статьѣ о Блюмауэрѣ: „birgt doch dieses poetische Genre zu wenig lautern Goldes, um die

Такимъ образомъ, уже литературная правоспособность самаго содержанія Энеиды Котляревскаго возбуждала сомнѣнія. „Взглядъ автора, имѣющій цѣлью смѣшить своихъ читателей во что бы ни стало, выставлять потѣхи ради, во очію міра, все съ смѣшной стороны—совершенно противенъ кореннымъ чертамъ украинскаго характера“, писалъ А. А. Котляревскій въ своей юношеской статьѣ, уже выказавшей, впрочемъ, въ немъ талантъ замѣчательнаго литературнаго критика. „Въ сферѣ пародіи едва-ли возможно истинно народное развитіе украинской словесности“, читаемъ тамъ далѣе [3]).

Нѣкоторые были настолько подавляемы неудержимымъ безшабашнымъ смѣхотворствомъ Энеиды Котляревскаго, что потому именно и ставили ее совсѣмъ невысоко въ ряду произведеній украинскаго слова.

Ея значеніе, казалось бы, должно умалиться еще въ силу того, что за авторомъ ея иные готовы признавать совсѣмъ слабую степень самостоятельности. Уже въ половинѣ 50-хъ годовъ былъ поднятъ вопросъ объ отношеніи перелицірованной Энеиды Котляревскаго къ „Энеидѣ, вывороченной на изнанку Н. Осиповымъ“. А. А. Котляревскій писалъ тогда: „Осиповъ первый, сколько извѣстно, выворотилъ на изнанку Энеиду, и это не замедлило отозваться на противоположномъ концѣ русскаго міра, въ Малороссіи: и тамъ явилась перелицірованная Энеида, первое *литературное* произведеніе на малороссійскомъ языкѣ. Всякій согласимся, что перелицірованная Энеида уже никоимъ образомъ

Krone der Unsterblichkeit zu verleihen“. Парижскій профессоръ Petit de Julleville говоритъ въ Histoire de la Langue et de la Littérature française des Origines à 1900, t. IV, p. 79: „Le goût de dénicher le grotesque au fond de toutes les tragédies et de toutes les épopées humaines peut se justifier, j'y consens: mais c'est à condition qu'il s'exprime et se satisfasse brièvement, par un trait, par une page au plus; mais non dans des poèmes entiers, dont la lecture devient écoeurante avant la fin du premier feuillet“. Morillot тамъ же называетъ „le burlesque“—„sorte de monstre littéraire“ (p. 448), „genre outré, monstrueux éphémère, voué à un fatal et prompt discrédit“ (p. 453).

[3]) Сочиненія *А. А. Котляревскаго*, т. I, Спб. 1893, По поводу сочиненія г. Данилевскаго объ Основьяненкѣ 1856, стр. 14 и 15.

не могла быть вызвана потребностями украинскаго общества, вовсе не причастнаго литературному движенію русскаго сѣвера; напротивъ, она была плодомъ современнаго направленія собственно русской словесности, а для самаго автора не болѣе, какъ литературною шуткою, забавою" [1]).

Лѣтъ 13 назадъ этимъ вопросомъ занимался г. Минскій, пришедшій къ неопровержимому, по его словамъ, выводу, что первенство по времени принадлежитъ поэмѣ Осипова, которому несомнѣнно подражаетъ Котляревскій [2]).

Въ своемъ отзывѣ о книгѣ г. Петрова мы высказали требованіе осторожности въ приговорѣ по этому вопросу и указали на необходимость болѣе тщательнаго сличенія Энеидъ Котляревскаго и Осипова съ иностранными, котораго, къ сожалѣнію, мы не могли выполнить сами, потому что не имѣли тогда необходимаго времени для того, чтобы отдаться этому спеціальному разысканію.

Годъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ упомянутаго нашего отзыва о книгѣ г. Петрова, проф. А. И. Соболевскій помѣстилъ замѣтку, въ которой, между проч., повторилъ тезисъ г. Минскаго, давъ гораздо болѣе узкую постановку его развитію. По словамъ А. И. Соболевскаго, «Котляревскій пользовался только трудомъ Осипова... передѣлываетъ строфу Осипова за строфою, удержиживая ихъ порядокъ, и ограничивается измѣненіемъ по преи-

[1]) *Геннади*, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, т. 1, Берл. 1876, указываетъ на замѣтку въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1855 г. № 46, о томъ, что Энеида Котляревскаго написана прежде передѣлки Осипова, хотя напечатана позднѣе. Мы, къ сожалѣнію, не могли добыть этой замѣтки, но думаемъ, что она тождественна съ тою, которую авторъ статьи объ И. П. Котляревскомъ, помѣщенной въ „Нови" 1885 г. Н. В. М., т. е., Минскій (съ этимъ полнымъ обозначеніемъ фамиліи извлеченіе изъ статьи 1885 г. помѣщено въ сборникѣ *Венгерова*, Русская поэзія, вып. V, Спб. 1895), цитуетъ какъ помѣщенную въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1856 г. № 46, при чемъ авторъ послѣдней обозначенъ псевдонимомъ *скубента—Чупрыны*, которымъ, сколько намъ извѣстно, пользовался А. А. Котляревскій. Въ собраніи сочиненій послѣдняго, т. I, стр. 14, дѣйствительно, читаемъ мнѣніе, которое г. Минскій приводитъ изъ № 41 „Московскихъ Вѣдомостей" 1856 г., но поправки, напечатанной въ № 46 тѣхъ-же „Вѣдомостей", мы не нашли въ собраніи „Сочиненій А. А. Котляревскаго".

[2]) Русская поэзія, V, стр. 808.

муществу подробностей великорусскаго городскаго быта подробностями быта малорусской деревни, да опущеніемъ какъ отдѣльныхъ частностей, такъ и цѣлыхъ эпизодовъ. Впрочемъ, коегдѣ имъ сдѣланы прибавленія (особенно въ описаніи казней грѣшниковъ въ аду), но они не многочисленны. Вдобавокъ, Энеида Осипова написана „на вульгарномъ русскомъ языкѣ", а Энеида Котляревскаго «на грубомъ малороссійскомъ нарѣчіи» [1]).

При этомъ А. И. Соболевскій замѣтилъ, что „не имѣетъ права на существованіе" наше «предположеніе, что мысль послѣдовать Скаррону и выворотить Энеиду на изнанку принадлежитъ Котляревскому и что Осиповъ могъ быть подражателемъ Котляревскаго".

Въ послѣднихъ строкахъ допущена нѣкоторая неточность въ передачѣ нашего мнѣнія: приписано намъ то, чего мы не высказывали съ рѣшительностью. Мы говорили только, что „не можетъ подлежать сомнѣнію, что одинъ изъ перелагателей Энеиды пользовался произведеніемъ другого», указали даже на замѣчательныя совпаденія отдѣльныхъ выраженій, но *оставили нерѣшеннымъ* „вопросъ о томъ, читалъ ли Котляревскій произведеніе Осипова, или же послѣдній приступилъ къ своей Энеидѣ, познакомившись съ рукописью начала поэмы Котляревскаго" (мы разумѣли первыя части послѣдней). „Намъ кажется, писали мы тогда, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ обстоятельнаго сравненія Энеидъ Осипова и Котляревскаго и сопоставленія ихъ съ латинскимъ подлинникомъ и французскими и нѣмецкими передѣлками его. Такого сравненія мы еще не имѣемъ... Котляревскій... могъ читать Скаррона, не говоря уже о томъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ Вергиліевой Энеидой [2])".

---

[1]) Библіографъ 1889 г., № 10—11: „Къ юбилею И. П. Котляревскаго", стр. 192 и 189.

[2]) Отзывъ, стр. 29—31 (отдѣльнаго оттиска). На стр. 46—47 мы выразились: „Народный элементъ наполнилъ собою въ огромныхъ размѣрахъ схему Энеиды, взятую извнѣ, можетъ быть, независимо отъ Осипова... Котляревскій очистилъ свой литературный вкусъ, познакомившись съ формами русскихъ литературныхъ произведеній, но въ содержаніи „Энеиды", а въ особенности драматическихъ произведеній выказалъ полную оригинальность".

Мнѣніе г. Минскаго и А. И. Соболевскаго о слѣдованіи Котляревскаго въ Энеидѣ Осипову принялъ и авторъ краткой замѣтки о Котляревскомъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона, Н. С—въ [1]), признавшій при этомъ поэму Котляревскаго «классическимъ произведеніемъ малорусской литературы по простотѣ и изяществу стиля и истинно хохлацкой ироніи... Самостоятельность Котляревскаго обнаруживается въ языкѣ и во многихъ оригинальныхъ эпизодахъ, написанныхъ съ большимъ талантомъ".

Еслибы сужденія, выраженныя въ приведенныхъ словахъ А. А. Котляревскаго (въ первой редакціи—до поправки въ № 46 «Московскихъ Вѣдомостей» 1856 г.) и А. И. Соболевскаго оказались вѣрными, то надлежало бы признать за «Энеидой» И. П. Котляревскаго лишь кратковременное, чисто историческое значеніе по пословицѣ: «на безрыбьи и ракъ—рыба», и допустить, что лишь отсутствіе крупныхъ литературныхъ произведеній въ украинской литературѣ до появленія въ свѣтъ поэмы И. П. Котляревскаго послужило причиною выдающагося успѣха послѣдней и славы ея автора, и что въ настоящее время она уже не можетъ считаться классическимъ созданіемъ малорусской поэзіи, въ особенности когда раскрыта чрезвычайно-де близкая зависимость ея отъ Энеиды Осипова, какъ ея первообраза.

Но намъ кажется, что отзывы въ родѣ приведенныхъ сужденій А. А. Котляревскаго и А. И. Соболевскаго подлежатъ ограниченію, и мы попытаемся подтвердить то.

II.

Скажемъ прежде всего о бурлескѣ и шутливыхъ поэмахъ, порожденныхъ имъ вплоть до Энеиды Котляревскаго, а затѣмъ объ отношеніи къ нимъ послѣдней.

Въ человѣческой душѣ, отчасти въ силу несомнѣнно присущей ей любви къ контрастамъ и стремленія къ всестороннему

---

[1]) Т. XVI, стр. 442.

охватыванію сущности и внѣшности явленій, на ряду съ наклонностью къ возвышеннымъ концепціямъ жизни, живетъ потребность въ дѣтской шуткѣ, веселомъ смѣхѣ, юморѣ и даже язвительной и горькой ироніи. Пародія, травестія [1]) и бурлескъ—одни изъ проявленій этой потребности.

Бурлескъ создалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ и цѣнныхъ произведеній въ важнѣйшихъ западно-европейскихъ литературахъ, начиная съ итальянской, т. е. той, которая была первой вдохновительницей этого литературнаго жанра.

Мы не станемъ касаться здѣсь бурлескныхъ поэмъ вообще и ограничимся лишь бурлескными передѣлками Вергиліевой Энеиды.

Поэма Вергилія, пользовавшаяся великимъ авторитетомъ цѣлые вѣка, смущавшая своею прелестью даже христіанскихъ аскетовъ самаго темнаго времени средневѣковья, внушавшая восторженное почитаніе Данту и бывшая еще и въ XVII в. однимъ изъ извѣстнѣйшихъ произведеній древности, при свойственныхъ ей несообразностяхъ и въ силу удобства ея схемы, должна была стать излюбленнымъ предметомъ пародій. Намѣчаясь уже въ древности, [2]) онѣ развились по преимуществу въ новое время и не прекращаются и въ нашемъ столѣтіи [3]).

Рядъ ихъ открываетъ поэма итальянца G. B. Lalli—Eneide travestita (1633 г.). Съ нею былъ знакомъ, вѣроятно, и по ея примѣру писалъ, но затмилъ ее своимъ „Le Virgile travesti“ (1648—1653 г.) знаменитый французскій писатель реалистическаго на-

---

[1]) Junker въ цитируемой ниже статьѣ такъ опредѣляетъ пародію и травестію: „Das Verfahren derselben besteht darin, dass sie den Helden, Vorgängen und Worten eines ernsthaften Gedichtes oder Dramas unbedeutende, niedrige Personen, oder kleinliche Motive und Handlungen unterschi ben.. Die Par die unterscheide sich aber dadurch von der Travestie, dass sie die Form des ursprünglichen Gedichts beibehält, während die Travestie im andern Versmasse abgefasst ist, als der Original, Beide haben also das gemeinsame, einen Kontrast zu erzeugen“...

[2]) Пародированіе бѣгства Энея изъ Трои съ отцомъ на плечахъ нашли на одномъ стѣнномъ изображеніи въ Помпеѣ.

[3]) Въ русской литературѣ рядъ ихъ завершаетъ „Юмористическая Энеида“ Бойчевскаго, Спб. 1896.

правленія въ XVII в., галантный аббатъ Paul Scarron (1610—1660 г.)[1]). Онъ жилъ въ вѣкъ господства академическаго приличія, чопорности, напыщеннаго идеализма и прославленія героизма въ поэзіи и галантнаго кавалерства въ жизни. Въ поэзіи царили величавые сюжеты и герои, величавыя чувствованія и пышныя фразы, т. наз. нео-классицизмъ. Излюбленными его формами были эпосъ, героическій романъ, героическая трагедія и пиндарическая ода. Скарронъ, говоря словами одного изъ лицъ въ его «Roman comique», находилъ, что довольно уже изображали «этихъ воображаемыхъ героевъ древности, неудобныхъ иногда потому, что они слишкомъ уже порядочные люди" [2]). Скарронъ подрывалъ увлеченіе всѣмъ этимъ, осмѣивая древнихъ боговъ и героевъ, которыхъ столь прославляли поэты и изображали романисты, и низводя ихъ до низменнаго уровня самыхъ пошлыхъ существъ. Взамѣнъ напыщеннаго выраженія прекрасныхъ чувствованій и утонченностей стиля, доходившихъ до смѣшного, Скарронъ выдвигалъ противоположную крайность, умышленные цинизмъ и тривьяльность. Этимъ онъ немало подготовилъ торжество новой школы во французскомъ классицизмѣ, которая выступила въ правленіе Людовика XIV и склонялась болѣе къ естественности, чѣмъ прежняя. Словомъ, Скарронъ явился представителемъ реализма во французской поэзіи XVII в.

«Le Virgile travesti»—одно изъ яркихъ выраженій этого общаго литературнаго направленія автора.

Скарронъ въ общемъ удержалъ характеры боговъ, богинь и людей, а также дѣйствія, какими нашелъ ихъ у Вергилія, по обрисовалъ ихъ болѣе рельефно въ духѣ реализма и бурлеска.

---

[1]) О Скарронѣ см. *H. P. Junker*, Studien über Scarron—въ „Zeitschrift für französische Sprache und Litteratur, Bd. III, s. 1 ff. u. 201 ff. V, s. 1 ff Послѣдняя статья этого отдѣла вышла отдѣльно подъ заглавіемъ: „Paul Scarron's „Virgile travesti". Inauguraldissertat. Oppeln, G. Maske, 1883, 41 S. in 8°.—*P. Morillot*, Scarron et le genre burlesque, Par. 1888. См. еще *H Lutze*, Ueber Scarron (Wissensch. Beilage zum Programm des Gymnasiums zu Sorau, Ost. 1881).

[2]) „Ces héros imaginaires de l'antiquité qui sont quelquefois incommodes à force d'être trop honnêtes gens".

И у Скаррона ходомъ дѣйствія въ значительной мѣрѣ направляетъ гнѣвъ суетной и легко раздражающейся Юноны, которая мститъ „sans honneur et sans foi" Энею и его спутникамъ, вышедшимъ вмѣстѣ съ нимъ изъ разоренной Трои, за обиды, нанесенныя ея суетности: Юнона хотѣла бы, чтобы покровительствуемый ею Кареагенъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ сталъ потомъ Римъ, а между тѣмъ ей довелось слышать, что нѣкогда Троянцы погубятъ бѣдныхъ Тирянъ; сверхъ того, Юнона не забывала, что Троянецъ Парисъ отдалъ предпочтеніе красотѣ ея соперницы Венеры;

Outre qu'il avoit révélé,
(Heureux s'il n'eût jamais parlè!)
Qu'elle avoit trop longue mamelle
Et trop long poil dessous l'aisselle,
Et pour Dame de qualité
Le genouil un peu trop crotté.

А тутъ еще вдобавокъ вспоминалось похищеніе юнаго Ганимеда. Всего этого вмѣстѣ было достаточно, чтобы побудить Юнону

. . . . faire aux Troyens
Ce que les laquais font aux chiens,
C'est—à—dire guerre terrible.

Увидѣвъ Троянъ весело плывущими по морю, Юнона вскипѣла въ своемъ гнѣвѣ:

J'en aurai donc le démenti,
Cria-t-elle, et cette gueusaille
A ma barbe fera gogaille?

Паллада возмогла сдѣлать то, чего не смогу я, сестра и жена Юпитера? продолжаетъ Юнона. Если я не успѣю погубить эту проклятую породу,

... chacun me méprisera
Et pas un ne m'adorera.
Car qui diable seroit si bête
De vouloir célébrer ma fête?
Qui voudroit me sacrifier
Boeuf, vache, mouton, ou bélier?
Oui, bélier, mouton, boeuf, ou vache?
Il n'est personne que je sache,

Qui veuille m'offrir seulement
Un rat, qui n'est qu'un excrément.

Юнона не брезгаетъ никакими средствами, чтобы погубить н-е навистныхъ ей Троянцевъ. По этому поводу поэтъ издѣвается надъ древними богами:

Ils se fâchent donc comme nous?
Je ne les croyois pas si fous,
Et les croyois être sans bile,
Ces beaux Dieux d'Homère et de Virgile.

Юнона успѣваетъ сразу склонить на свою сторону старика Эола, пообѣщавъ ему прекраснѣйшую изъ своихъ Нимфъ:

C'est la parfaite Deiopée,
Un vrai visage de poupée;
Au reste on ne le peut nier,
Elle est nette comme un denier:
Sa bouche sent la violette,
Et point du tout la ciboulette,
Elle entend et parle fort bien
L'Espagnol et l'Italien;
Le Cid du Poëte Corneille
Elle le récite à merveille;
Coud en linge en perfection,
Et sonne du Psalterion.

Эолъ благодаритъ ее съ французскою галантностью, „découvrant sa tête chauve“:

„C'est à vous, Dame, à commander,
Et je n'ai rien qu'à seconder
Les volontez de ma Princesse;
Sans m'enquerir pourquoi ni qu'est ce“.

Онъ признателенъ Юнонѣ за то, что, по ея милости, онъ имѣетъ въ небѣ

Un assez bel appartement;
Par vous Jupiter favorable, говоритъ Эолъ,
M'admet à sa divine table,
Où j'avale tant de Nectar
Que je m'en trouve gras à lard,
Ou d'Ambrosie, et de la bonne,
Jusqu'au cou souvent je m'en donne.

Когда разгулялись вѣтры, выпущенные Эоломъ, послѣдній,

Voyant tous les vents déchaînez,
Mettant son manteau sur son nez,
Il avoit regagné bien vîte,
De peur d'être mouillé, son gîte.

Въ комическомъ также видѣ представленъ и Нептунъ, когда, замѣтивъ бурю,

Voyant l'obscurité telle,
Qu'il avoit besoin de chandelle,
Encore qu'il ne fût que midi,

всплывъ на поверхность водъ и увидѣвъ бѣдствія Троянцевъ, вознегодовалъ противъ вѣтровъ и сталъ журить ихъ:

Au premier Chapitre des Cieux,
J'ai bien peur, si mon avis passe,
Que le Roi du Ciel ne vous casse
Et la brouée et les frimats,
Par la mort... il n'acheva pas,
Car il avoit l'âme trop bonne:
Allez, dit-il, je vous pardone,
Tirez-vous vitement d'ici...

Такъ смѣется Скарронъ почти надъ всѣми богами, которые выставлены то въ болѣе комическомъ, то въ менѣе смѣшномъ видѣ. Противница Юноны, мать Энея, Венера, граціозно обрисована то какъ привлекательно-кокетливая и женственно лукавая, иногда стыдливая дѣвушка, то какъ мать, нѣжно и горячо заботящаяся о своемъ сынѣ и заступающаяся за него. Богъ же, подъ которымъ сотрясается сводъ высокой тверди, „comme il agit incessament“, смотритъ „au travers d'un châssis de verre, все-ли въ порядкѣ въ его земномъ королевствѣ. Попеченіе этого верховнаго бога имѣетъ однако мало цѣны, потому что

Le Destin... fait bien pester
Même le grand Dieu Jupiter.

Равнымъ образомъ безсиленъ и гнѣвъ Юноны, несмотря на частыя препоны, устраиваемыя ею для того, чтобы замедлить, если не отклонить, исполненіе предначертаній Рока, возвѣщаемыхъ

Юпитеромъ. Но и самый этотъ рокъ внушаетъ поэту насмѣшку, какъ, напр., въ словахъ:

On doute si ce fut péché:
Car on tient que la destinée
Avoit telle chose ordonnée.

Болѣе пощады даетъ поэтъ людямъ, которые предстаютъ у него также въ комическомъ видѣ, но иногда безъ крайностей въ таковой обрисовкѣ, слѣдовательно—въ болѣе правдивыхъ очертаніяхъ, при чемъ комически подчеркивается лишь та или иная сторона характера въ цѣляхъ общаго бурлескнаго впечатлѣнія. Иногда недостойные поступки людей прямо объясняются велѣніемъ судьбы; такъ объ Энеѣ читаемъ:

Non qu'il fût d'un esprit sauvage,
Onc ne fut meilleur personnage:
Mais il obéissoit aux Dieux,
Et le destin capricieux
L'avoit rendu d'homme traitable,
Homme de coeur impénétrable.

Этотъ герой поэмы, Эней, и у Скаррона, какъ у Вергилія, называется не разъ благочестивымъ [1]), но также и galant homme [2]). Онъ постоянно предстаетъ въ комическомъ видѣ, начиная съ момента бѣгства изъ Трои, когда онъ уносилъ на своихъ плечахъ престарѣлаго отца, грѣвшаго его въ шею кулаками [3]), или когда встрѣтилъ свою жену Креузу среди сумятицы въ Троѣ [4]). Очевидно, онъ не изъ храбраго десятка.

---

1) „Le pie, ou pour mieux dire, le pieux", „le pieux maître Énée".

2) Таковымъ онъ названъ уже въ самомъ началѣ.

3) Mon père, en cette peur panique,
Mille coups sur mon corps applique
Pour me faire aller au galop.

4) Des captives je m'approchai,
Et, me cachant le nez, cherchai,
Parmi cette troupe épeorée,
Ma chère Créuse égarée:
Puis je me mis effrontément
A crier (maudit soit qui ment!)

Скарронъ хорошо оттѣняетъ усмотрѣнные имъ недостатки Вергиліева героя, проявленія нерѣшительности и отсутствія самостоятельности характера въ его длинныхъ рѣчахъ и частыхъ плачахъ. Когда пришлось оставить Дидону, Эней

. . . gratte et regratte sa tête
Pour trouver un prétexte honnête
De quitter ces aimables lieux...

Не разъ Эней оказывается жалкимъ [1]), каковымъ называетъ себя самъ въ обращеніи къ Зевсу и Аполлону, не разъ онъ изображается „плачущимъ, какъ теленокъ". Онъ боится смерти и въ одномъ мѣстѣ поэмы сравниваетъ себя съ убѣгающимъ зайцемъ.

Дидона, или „dame Elize" [2]), является подходящей товаркой бѣдъ Энея. Она была предана памяти своего покойнаго мужа Сихея, но, съ появленіемъ Энея, не прочь разстаться со своимъ вдовствомъ. Подпавъ любви, она нѣсколько напоминаетъ однако героинь французской литературы XVII в., и такимъ

„Créuse, Créuse, Créuse!"
Un écho me répond: Éuse,
Et voilà tout ce que j'appris
De tant de peine que je pris.
Je m'en allois confus et triste,
Quand notre femme, à l'improviste,
Se vint présenter à mes yeux.
Je ne fais point le glorieux,
Une vision si soudaine
Me fit avoir fièvre quartaine,
Qui m'eût lors bien considéré
M'eût trouvé l'oeil bien égaré.
Par le visage c'étoit elle,
Mais sans patin ni pianelle.
Elle avoit huit grands pieds de haut,
Si bien, quoique j'eusse grand chaud
Que je devins, froid comme glace.
La frayeur peinte sur ma face.
Je reculai cinq ou six pas
En disant: Retro, Satanas!

¹) „Le pauvre", „pauvre hère".

²) „Pleurant comme un veau".

образомъ въ изображеніи того, что переживала Дидона, и въ выраженіи чувствованій ея попадаются прекрасныя и художественныя мѣста, какихъ не найти въ другихъ бурлескныхъ Энеидахъ.

Вообще Скарронъ выказалъ по мѣстамъ талантъ мѣткой обрисовки и психологическаго анализа.

Къ сожалѣнію, онъ удержалъ въ своемъ повѣствованіи много подробностей, излишнихъ для обыкновеннаго читателя новаго времени и интересныхъ лишь для любителей классическаго міра и литературы, хорошо знакомыхъ съ послѣдними. Но нужно сказать, что многое невѣроятное передается у Скаррона съ комическимъ увѣреніемъ въ правдивости повѣствуемаго, иногда со ссылкой на Вергилія [1]), или же просто съ выраженіемъ удивленія. Нѣкоторые эпизоды содержатъ мѣткую критику по адресу самого Вергилія [2]) и ошибокъ и промаховъ его повѣствованія.

Скарронъ внесъ также немало излишнихъ грубыхъ подробностей, переходящихъ въ цинизмъ,—между прочимъ и въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ изображеніи Дидоны, горюющей по оставленіи ея Энеемъ [3]). Такимъ образомъ, Скарронъ переступаетъ иногда мѣру въ веселомъ комизмѣ и шуткѣ.

---

[1]) Au moins Virgile nous l'a dit.

[2]) Скарронъ критикуетъ отдѣльныя искусственныя выраженія Вергилія и его литературную манеру въ цѣломъ, напр., длинныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ:

Jupiter se sécha la langue
A cette ennuyeuse harangue,
Jusqu'à s'en enrouer la voix;
Vénus en bâilla quatre fois:
Mais enfin il conclut la chose,
Dont l'Auteur qui ces vers compose
En son coeur le remercia
Car si fort il s'en ennuya,
Que deux fois, faute de courage,
Il pensa quitter là l'ouvrage.

[3]) Un jour pissant, la pauvre Elise,
Elle pissa dans sa chemise.

Черезъ двѣ страницы опять подобная-же подробность

Но рядомъ со всѣмъ этимъ встрѣчаемъ у него много замѣчаній, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ жизнью своего времени и изъ присущей автору наклонности къ реалистическому изображенію. Оттуда сатирическія замѣчанія о поэтахъ [1]), медикахъ [2]), юристахъ [3]), о завѣдывающихъ государственными сборами, различныя сентенціи [4]), и цѣлый рядъ картинъ нравовъ и даже внѣшней обстановки, при чемъ имѣется въ виду

Lors elle tremble, elle pâlit,
Et même pisse-t-elle au lit
Et même fait-elle autre chose,
Sale en vers aussi-bien qu'en prose.

[1]) Plus de guerres en l'Univers,
Sinon en Prose, ou bien en Vers,
Quand Auteurs aux têtes mal faites,
Comme par exemple Poëtes,
A grands coups de vers outrage ns,
Apprêteront à rire aux gens.

или: ... autant que le sérieux
Le burlesque veut que l'on rime;
Et veut même aussi que l'on lime;
Autrement les vers sans repos
Se peuvent faire à tous propos,
Et n'est aucun qui ne rimaille
En ce tems-ci, vaille que vaille
Et tel livre est de bout en bout
Rime, et puis rime, et puis c'est tout,
Des mots de guele hors de leur place,
Et quolibets froids comme glace.

[2]) Il est vrai que maître Esculape,
A qui l'on croit autant qu'au pape,
Parmi les doctes assassins
Que nous appelons médecins,
Lui donna du vin émetique.

[3]) О верховномъ судѣ, учрежденномъ Юпитеромъ въ Кареагенѣ, Скарронъ замѣчаетъ:

Il en fit un présidial
(Je ne sais s'il fit bein ou mal).

[4]) Упомянувъ объ усмѣшкѣ даже угрюмаго Харона при видѣ золотой вѣтви Скарронъ восклицаетъ:

Mais pour de l'or qui ne riroit?

по преимуществу знатное общество съ его галантностью [1]) и жеманностью. Чисто гоголевскую картину рисуетъ Скарронъ, изображая вступленіе Энея въ Новый Пергамъ, въ который вводитъ его Геленъ [2]). Съ цѣлью болѣе комическаго воздѣйствія на читателя Скарронъ прибѣгаетъ не разъ къ сопоставленіямъ, заключающимъ анахронизмы. Вообще внезапныя вторженія автора въ повѣствованіе производятъ весьма комическое дѣйствіе, за исключеніемъ, разумѣется, такихъ мѣстъ, которыя выражаютъ условныя понятія XVII в., напр. презрительное отношеніе къ крестьянамъ [3]).

Въ общемъ получается впечатлѣніе добродушной насмѣшки надъ классическою древностью съ ея слабыми сторонами и вмѣстѣ надъ современными автору уродливостями въ знат-

---

[1]) См., напр, какъ взаимно выказываютъ учтивость Венера и Эней:

... sa tête il désaffubla,
Ses deux jarrets elle doubla
A lui faire la révérence
Il fit une circonférence
Due pied gauche, à l'entour du droit.

[2]) Эней такъ разсказываетъ объ учтивости Гелена:

Or, comme il a l'âme civile,
Il me voulut faire passer:
Nous fîmes, comme on peut penser,
Force compliments à la porte,
Et ce fut de si bonne sorte,
Que faisant des saluts bien bas,
L'un priant, l'autre n'entrant pas,
Nous nous couchâmes sur le ventre,
Lui disant: Maudit sois si j'entre!
Moi, disant: Maudit sois aussi!
Mais nos gens, nous voyant ainsi,
Nous prirent et nous emportèrent.

Elle dit tout ce que la rage
Fait dire au rustique courage
Quand elle en prend possession...
Les païsans, maudite engeance
Qui n'entend raison nullement,
Le saisirent brutalement
Des premiers batons qu'ils trouverent...

номъ обществѣ, начиная съ пристрастія къ выведенію своей генеалогіи отъ Троянцевъ.

То была какъ бы своего рода литературная фронда [1]), отрицаніе направленія, господствовавшаго во французской поэзіи XVII в., и критика вычурностей, отличавшихъ идеалъ изящнаго галантнаго общества XVII в.

Скарронова травестія явилась лучшею въ ряду перелицовокъ, вошедшихъ въ моду благодаря успѣху этой попытки. Подъ вліяніемъ ея развилась fureur de burlesque—неистовая страсть къ бурлеску, какъ выразился одинъ изъ современниковъ, такъ что названіе бурлескныхъ давали даже произведеніямъ серьезнаго содержанія, чтобы привлечь вниманіе читавшей публики; въ 1649 г., напр., явилось „La Passion de Notre Seigneur en vers burlesques". Бурлескомъ увлекались и grands seigneurs-ы, и лакеи, и торговки, и онъ царилъ лѣтъ 15 во Франціи. Боало такъ жаловался на это господство бурлеска:

Au mepris du bon sens, le burlesque effronté
Trompa les yeux d'abord, plut par sa nouveauté...
Cette contagion infecta les provinces,
Du clerc et du bourgeois passa jusqu'au princes...

На этотъ жанръ набросились и поэты по призванію и непоэты. Явилось немало охотниковъ выворачивать Вергилія на изнанку по образцу Скаррона и продолжать произведеніе, которое послѣдній оставилъ неоконченнымъ въ силу одолѣвшей его усталости, а также вслѣдствіе того, что и сюжетъ къ концу не представлялъ уже прежняго удобства, состоя почти исключительно изъ описанія битвъ.

Изъ французскихъ подражателей и продолжателей Скаррона, въ числѣ которыхъ находимъ и знаменитаго Perrault, ни одинъ не поравнялся въ талантѣ и успѣхѣ съ maître dans cet art—мастеромъ этого искусства", какъ выразился объ авторѣ

[1]) Lutze, ss. 17: „Es ist aber gewiss auch nicht zufällig, dass diese litterarische Richtung mit Scarron zu der Zeit verschwand, wo König Ludwig XIV in seiner Person die äussere Ordnung, den äusseren Anstand und die willfährige Unterthänigkeit zum Gesetz in der staatlichen Gesellchaft erhob".

„Вергилія, вывороченнаго на изнанку», одинъ изъ позднѣйшихъ продолжателей послѣдняго.

Рядъ этихъ продолженій закончился вѣкъ съ лишнимъ спустя по выходѣ въ свѣтъ поэмы Скаррона, именно въ 1767 г. Это объясняется успѣхомъ произведенія, вызвавшаго обширное движеніе въ сторону травестіи. „Le Virgile travesti" очень нравился, между проч., и Расину и былъ неоднократно перепечатываемъ въ XVII и XVIII вв.; онъ былъ переведенъ даже на англійскій языкъ (въ 1664 г.).

Для насъ интересно, что въ числѣ этихъ позднѣйшихъ подражаній Скаррону были бурлескныя Энеиды на областныхъ нарѣчіяхъ Франціи, провансальскомъ и бургундскомъ [1]), и, слѣдовательно, уже тамъ являлись произведенія, до извѣстной степени соотвѣтствующія Энеидѣ Котляревскаго.

Въ Германіи долго не видимъ ничего подобнаго. Тамъ лишь во второй половинѣ прошлаго вѣка вышло двѣ бурлескныхъ Энеиды.

Одинъ изъ этихъ опытовъ, принадлежавшій J. C. Michaelis-у, появился въ 1771 г. Онъ былъ вскорѣ забытъ, потому что его затмила „Wirgils Aeneis oder Abenteuer des frommen Helden Aeneas" Aloys-a Blumauer-a, [2]) явившаяся въ трехъ частяхъ въ годахъ 1784—1788 и не оконченная подобно другимъ пародированнымъ Энеидамъ (напр., Скарроновой), хотя Блумауеръ прожилъ еще лѣтъ десять послѣ изданія послѣдней части Энеиды, такъ что столѣтняя годовщина его кончины совпадаетъ съ столѣтіемъ со времени выхода въ свѣтъ Энеиды Котляревскаго и поминается также въ настоящемъ году.

Насмѣшникъ уже по природѣ, надѣленный талантомъ остроумнаго изложенія, бывшій воспитанникъ Вѣнской іезуитской коллегіи, сталъ потомъ просвѣщеннымъ сатирикомъ и юмористомъ и на этомъ пути—ревностнымъ поборникомъ Іосифа II. Онъ горячо сочувствовалъ стремленіямъ послѣдняго и, меж-

---

[1]) Послѣдняя явилась въ Дижонѣ въ 1718—20 г.г.

[2]) О Блумауэрѣ имѣется монографія *P. v. Hofmann-Wellenhof*, Alois Blumauer. Litterarhistorische Skizze aus dem Zeitalter der Aufklärung, Wien 1885.

ду проч., желанію освободить государство отъ іерархическихъ оковъ и устранить чрезмѣрно разросшееся вліяніе католическаго духовенства и уродства, до которыхъ доходило монашество.

Идею выворачиванія Энеиды на изнанку Блумауеръ почерпнулъ прежде всего у Михаэлиса, но, пародируя Виргиліевъ оригиналъ въ порядкѣ его повѣствованія, Блумауеръ сообщилъ своей обработкѣ самый живой отпечатокъ полемическихъ тенденцій времени и среды, къ которымъ принадлежалъ, и уснастилъ свою поэму цѣлымъ рядомъ соотвѣтственныхъ анахронизмовъ и сатирическихъ выходокъ. Такимъ образомъ, Энеида Блумауера полна намековъ на современность [1]) и интересна какъ отраженіе эпохи Іосифа II Австрійскаго, хотя и искривленное, какъ въ вогнутомъ зеркалѣ [2]). Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ вождей вольнодумства на французскій ладъ въ Германіи второй половины прошлаго вѣка, Виландъ встрѣтилъ съ сочувствіемъ Энеиду Блумауера, какъ удачное осуществленіе мысли посредствомъ травестованной Энеиды споспѣшествовать одному изъ полезнѣйшихъ помысловъ Іосифа II [3]).

Сообразно такой задачѣ „благочестивый герой Эней" (der fromme Held Aneas) неоднократно упоминается, какъ основатель папскаго Рима (der Urpapa der Datarie und Curia), и уже въ самомъ началѣ читаемъ, что

.....er hatte Teufelsnot
Den Vatican zu gründen [4]).

---

[1]) См., напр., въ заключеніи VIII-ой книги прославленіе Іосифа и намекъ на посѣщеніе Вѣны папою Піемъ VI (1782 г.), которое являлось неслыханнымъ шагомъ Римскаго первосвященника. О томъ же посѣщеніи папы и неудачѣ послѣдняго въ попыткѣ ослабить антиклерикальное направленіе реформъ Іосифа II говорятъ и стихотворенія Блумауэра, относящіяся къ 1782 году.

[2]) Выраженіе P. Pasig въ статьѣ: „Alois Blumauer"—Beilage zur Ahgem. Zeitung 1898, № 17.

[3]) „Der Gedanke, die Aeneis auf eine solche Art und nach einem solchem Plane zu travestiren, dass sie dadurch eine der grössten und gemeinnützigsten Absichten Jhres grossen Monarchen befördern, dieser Gedanke ist Jhnen von Gott eingegeben".

[4]) У Скаррона тоже въ началѣ говорится, что безъ Энея

. . . . . . nous n'aurions pas Rome
Ni tous ces illustres Romains
A qui nous baisons tous les mains,

но эта сторона не выдвигается такъ у него на первый планъ, какъ у Блумауэра.

Эней со своимъ благочестіемъ представлялъ удобную мишень для автора.

Конечно, по пути достается отъ сатиры, насмѣшекъ и шутокъ Блумауера многимъ, начиная съ журналистовъ и краснобаевъ (Schöngeister), которые отнимали время и деньги у людей, и оканчивая жителями Вѣны, но болѣе всего не поздоровилось духовенству и монашеству отъ папы и до противника Лессинга, пастора Goeze. О папѣ, позднѣйшемъ преемникѣ Энея Зевсъ пророчествуетъ, какъ о морочащемъ весь свѣтъ [1]). Равно и люди, подпавшіе вліянію клерикальной среды, выставлены въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Такъ, Эней оказывается человѣкомъ, проникнутымъ крайней религіозною нетерпимостію, усматривающей спасительный подвигъ даже въ избіеніи нечестивыхъ [2]). Благочестіе Энея представлено, какъ сопряженное съ суевѣріемъ [3]). Въ бѣдѣ на морѣ

Nachdem er viel solch Zeug geschwättzt,
Verlobt er noch zu guter Letzt
Sich heimlich nach Lorette.

---

[1]) Der also dieses Reich regiert,
Wird sehr die Welt kuranzen:
Ein jeder fromme König wird
Nach seiner Pfeife tanzen.
Er hält von andrer Leute Geld
Ein grosses Kriegsheer, und die Welt
Küsst ihm dafür den Stiefel .... и т. п.

[2]) Кругозоръ Энея высказывается между проч. въ словахъ, произнесенныхъ имъ, когда онъ собирался убить Елену:

Ja, so gering der Ruhm auch ist,
Ein schwaches Weib zu töten,
So muss doch jeder gute Christ,
Die Welt von Sünden retten.
Potz Wetter! warum wäl ich denn
Der fromme Held Äneas, wenn
Ich nicht die Sünden strafte?

[3]) Der fromme Ritter glaubte noch
An Hexen und dergleiche.

Вообще католическія святыни нерѣдко фигурируютъ въ поэмѣ Блумауера, иногда—въ сопоставленіяхъ, производящихъ комическое впечатлѣніе [1]). Неоднократно отмѣчаются и любовныя похожденія духовныхъ лицъ, напр. въ разсказѣ Энея о ночи разрушенія Трои [2]). Встрѣчаются шутки въ родѣ той, что въ собакахъ, погнавшихся за болонкой жены лѣсника въ Латинской землѣ, былъ дьяволъ, который

Schon vor zweitausend Jahren
Einst in die Schweine fuhr nunmehr
Mit aller Wut gefahren.

Услышавъ, что въ лѣсу по сосѣдству съ основаннымъ имъ городомъ показывался страшный духъ, который былъ

..... schwarz und weiss und trage sich
Wie ein Dominikaner,
Ich kriegte nun auch Appetit,
Den Kobold zu beschwören,
Nahm einen Kapuziner mit,
Damit wir sicher wären.
Dann wappnet' ich mich ritterlich
Und deckte statt des Helmes mich
Mit einem Weihbrunnkessel.

¹) Hier baute man ein Opernhaus,
Dort eine Hofkapelle:
Da wurden Brücken aufgeführt
Und Nepomuke drauf postiert,
Dort sah man einen Pranger.
Hier stand ein Rathaus funkelneu
Bis auf die Ratsherrn—fertig,
Dort war der Turm der Domprobstei
Noch seines Knopfs gewärtig:
Hier baute man ein Findelhaus,
Da grub man einen Keller aus
Und baute drauf-ein Kloster.

²) Hier schrie und jammerte ein Schock
Geschreckter Kammerfrauen,
Da war im Hemd und Weiberrock
Ein Hofkaplan zu schauen,
Und dort, dass Gott erbarme! schlief
Ein Kammerfräulein gar noch tief
Im Arm des Hofpoeten.

Въ одномъ храмѣ

..... sass die saubre Helena
Versteckt in einem Beichtstuhl.

Энеида Блумауера несомнѣнно блещетъ остроуміемъ, но рядомъ съ тѣмъ въ ней нашли мѣсто плоскія, непристойныя шутки и по мѣстамъ переступаются предѣлы хорошаго вкуса и нравственнаго достоинства. Эта поэма произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ въ нѣмецкихъ земляхъ. Въ Австріи она пользовалась успѣхомъ долго послѣ Іосифа II, а нѣмецкое юношество и теперь еще читаетъ ее съ удовольствіемъ.

И, вѣроятно, Энеида Блумауера сохранитъ надолго извѣстность, какъ литературный памятникъ эры Іосифа II съ ея просвѣтительно-полемическимъ направленіемъ. Но она не можетъ быть высоко поставлена въ художественномъ отношеніи, да и въ идейномъ переступаетъ мѣру, такъ какъ Блумауеръ отдавалъ въ ней на поруганіе (въ особенности въ VI-й книгѣ) многое высокое.

Она породила вскорѣ немало сорныхъ травъ въ нѣмецкой литературѣ.

Къ подобнымъ же продуктамъ невысокаго качества должна быть причислена и русская Энеида Осипова, которая не имѣла серьезныхъ задачъ, кромѣ смѣхотворства [1]), и взамѣнъ антиклерикальныхъ выходокъ Блумауера, сообразно исконному грѣху русскаго народа, выдвинула на видное мѣсто то, что́ справедливо назвали кабацкимъ элементомъ И кстати и не кстати у Осипова постоянно изображается запиваніе сивухой·

---

[1]) См. въ посвященіи извѣстному Шешковскому, которое предпослано Осиповымъ вмѣсто предисловія:

Того лишь только и смотрѣлъ,
Чтобъ какъ нибудь хотя немножко
Въ Парнасско вгнѣздиться лукошко.
Терпѣнья больше не имѣлъ;
И на шутливую погудку
Настроилъ вмѣсто лиры дудку
И не спросясь никакъ разсудку
Отважился, дерзнулъ... запѣлъ...
И выбравъ древнюю побаску,
Скропалъ изъ ней смѣшную сказку,
По новому совсѣмъ одѣлъ...
Людскую скуку разгонять.

Иногда послѣдній утрируетъ въ этомъ отношеніи легкія упоминанія у Блумауера въ родѣ того, чтó говорится по поводу Өраковъ:

Ein braves Volk, mit welchem wir
Bei einem Krug Trojaner Bier
Ofr Bruderschaft getrunken.

Но часто у Осипова обильная выпивка является тамъ, гдѣ о ней нѣтъ и помину у Блумауера, который болѣе соблюдалъ мѣру въ этомъ отношеніи [1]).

Энеида Осипова—плохое подражаніе Блумауеровой [2]), нерѣдко излишне многословное. Поддавъ склонности къ широковѣщанію, Осиповъ прибѣгалъ по мѣстамъ для разжиженія повѣствованія еще къ помощи Скаррона [3]), въ существѣ—безъ

---

[1]) Такъ, у Осипова Эней разсказываетъ о потерѣ жены:

Потомъ къ своей пришедши шайкѣ,
Всю грусть и скуку я забылъ,
И сѣвши въ рощѣ на лужайкѣ,
Стаканчикъ водочки хватилъ.

Потомъ Эней Осипова приглашаетъ и своихъ спутниковъ „перехватить“ съ приличнымъ случаю разглагольствованіемъ. У Блумауэра читаемъ лишь въ заключительной строфѣ 2-й книги:

Und alle pokulierten drauf.

[2]) Даже—въ подробностяхъ, не характерныхъ для русской жизни. Такъ, бумагомаратель у Осипова (пѣснь III) говоритъ о себѣ:

Съ людьми я строилъ разны шутки,
Работая моимъ перомъ:
У всѣхъ разстраивалъ разсудки
И оборачивалъ верьхъ дномъ;
И забавляясь чудесами,
Я умныхъ дѣлалъ дураками;
Гналъ честь и правду изъ сердецъ;
Осмѣивалъ законы вѣры;
Считалъ всѣ вещи за химеры.

Въ этихъ словахъ разумѣется, очевидно, безсовѣстный вольтеріанецъ, какого у насъ не бывало. Это—никогда не существовавшій въ русской дѣйствительности мертворожденный замѣститель Schöner Geist у Блумауэра, т. е. лица, которое было типическимъ выраженіемъ цѣлаго періода литературной жизни Германіи, когда въ послѣдней процвѣтали такъ наз. schöne Wissenschaften.

[3]) Такъ, VI-я пѣсня Осипова въ начальныхъ тирадахъ ближе къ Скаррону, чѣмъ къ Блумауэру, у котораго повѣствованіе очень кратко въ томъ мѣстѣ. Вна-

истинной въ томъ надобности, потому что дѣло шло о подробностяхъ, мало интересныхъ для русскаго читателя изъ широкой публики, на которую была разсчитана русская перелицовка. Но нужно поставить въ заслугу послѣдней то, что она изобилуетъ чертами русскаго народнаго или, лучше сказать, простонароднаго городского быта и примѣняется къ нему и языкомъ. Она являлась однимъ изъ выраженій спасительнаго поворота русской литературы и ея языка къ большей простотѣ и народности. Въ этомъ отношеніи роль ея нѣсколько напоминаетъ роль Скарроновой Энеиды.

III.

Первыя три части Энеиды И. П. Котляревскаго явились въ печати по выходѣ въ свѣтъ первыхъ четырехъ частей Энеиды Осипова [1]), продолженныхъ въ началѣ настоящаго столѣтія Котельницкимъ. Такимъ образомъ, уже этотъ несомнѣнный фактъ какъ-бы свидѣтельствуетъ въ пользу первенства Энеиды Осипова, врядъ ли могшей остаться неизвѣстною Котляревскому.

Но, тѣмъ не менѣе, и послѣ статей г. Минскаго, А. И. Соболевскаго и разысканій другихъ лицъ, мы, какъ и прежде, отказываемся считать это обстоятельство рѣшающимъ въ вопро-

---

чалѣ у Осипова почти полное совпаденіе со Скарропомъ. Я не могу потому согласиться съ А. И. Соболевскимъ, что Энеиды Осипова и Котляревскаго, „не будучи ни въ какой близкой связи съ прототипомъ Энеидъ на изнанку—„Le Virgile travesti en vers burlesques“ Скаррона, находятся въ полной зависимости отъ нѣмецкаго подражанія Скаррону - Блюмауэра; Осиповъ слѣдуетъ по пятамъ за Блюмауэромъ“. Замѣтимъ, что уже г. Минскій упоминалъ о „нѣкоторыхъ длиннотахъ, заимствованныхъ у Скаррона или у Виргилія“ Осиповымъ. Послѣдній издалъ на ряду съ Энеидою и „Овидіевы любовныя творенія“, образчикъ которыхъ имѣется во Французской поэзіи XVII в.

[1]) Первыя двѣ части Енеиды на изнанку вышли въ 1791 г., III-я въ 1794 г., а IV-я—въ 1796 г. Въ одномъ изъ каталоговъ букиниста Клочкова подъ № 12302 мы встрѣтили указаніе на двѣ части Энеиды Осипова съ датою 1791 г. Отмѣчаемъ это въ исправленіе неточнаго замѣчанія г. Минскаго, что это первое изданіе „давно исчезло“.

сѣ о взаимномъ отношеніи обѣихъ Энеидъ и оставляемъ этотъ вопросъ пока безъ окончательнаго отвѣта.

Старое преданіе о первенствѣ по времени замысла Энеиды Котляревскаго [1]) врядъ ли можетъ считаться подорваннымъ и несогласнымъ съ фактами, почерпаемыми непосредственно изъ сравненія обѣихъ Энеидъ между собою и съ ихъ предшественницами.

Какъ ни заманчиво отождествленіе мацапуры, о которомъ явилась вставка въ изданіи 1809 г. [2]), съ Парпурою, издателемъ текста 1798 г., потомъ профессоромъ Харьковскаго универ-

---

[1]) См. выше свѣдѣніе о второй замѣткѣ (А. А. Котляревскаго?) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1856 г. объ Энеидѣ И. П. Котляревскаго. Подъ „людьми, близко знакомыми съ предметомъ", на свидѣтельство которыхъ сослался авторъ той замѣтки, надо разумѣть, быть можетъ, О. М. Бодянскаго, земляка автора малорусской Энеиды. Отголосокъ того же стараго преданія можно усматривать и въ первомъ печатномъ каталогѣ библіотеки Университета Св. Влад. (Т. II, К. 1855 г.) подъ словомъ „Энейда."—Первый и самый авторитетный изъ біографовъ И. П. Котляревскаго, хорошо знакомый съ послѣднимъ, Степ. Стеблинъ-Каминскій, вскорѣ послѣ смерти этого поэта писалъ въ Сѣверной Пчелѣ 1839 г., № 146 („Біографія поэта Котляревскаго"; содержаніе этой статьи передано въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1839, т. XXIV, отд. VI, стр. 166—168): „Изъ собранныхъ нами свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу", но ранѣе въ той же статьѣ Стеблинъ-Каминскій поставилъ вопросъ, не въ семинаріи ли уже зародилась первая мысль о переложеніи Энеиды на народное нарѣчіе"? Нужно сказать при этомъ, что С.-К. считалъ Энеиду Котляревскаго свободнымъ переложеніемъ Вергиліевой.

[2]) Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. Котляревскимъ, вновь исправленная и дополненная противу прежнихъ изданій, часть третія, Спб. 1809 г., стр. 28:

Якусь особо мацапуру
Тамъ шкварили на шашлику;
Горячу мѣдь лили за шкуру
И роспинали на быку.
Натуру мавъ винъ дуже бридку,
Крививъ душею для прибытку и т. д.

Интересно, что упоминаніе объ этой мацапурѣ слѣдуетъ за описаніемъ муки „*писарчуковъ* поганыхъ *виршъ*", а Осиповъ въ началѣ своего посвященія Шешковскому писалъ:

Стиховъ писачкамъ подражая
И въ авторы попасть желая, и т. д. (см. выше).

ситета, оно можетъ быть замѣнено съ такимъ же удобствомъ отождествленіемъ съ Осиповымъ, если допустимъ, что послѣднему было извѣстно начало Энеиды Котляревскаго, и онъ принялся за расширеніе его при помощи Блумауера и Скаррона и, такимъ образомъ, воспользовался лишь общимъ замысломъ Котляревскаго [1]).

Замѣтимъ при этомъ, что, судя по предисловію („увѣдомленію") Котляревскаго къ изданію 1809 г. [2]), повидимому, до перваго появленія малорусской Энеиды въ печати было въ ходу не мало списковъ ея, и двумя, по крайней мѣрѣ, изводами ея пользовался въ 1798 г. и Парпура [3]). Для распространенія же нѣскольких редакцій текста малорусской Энеиды въ рукописяхъ нужно было немало времени съ момента первоначальнаго наброска ея.

---

[1]) Врядъ ли Парпура, посвятившій свое изданіе „любителямъ малороссійскаго слова", могъ издавать „для прибытка" съ умышленнымъ нарушеніемъ правъ литературной собственности (намъ неизвѣстно, что послѣднія не признавались тогда въ Россіи). Парпура могъ издать Энеиду „безъ вѣдома и согласія" автора, какъ выразился Котляревскій, въ смыслѣ отсутствія прямого одобренія со стороны послѣдняго.

[2]) „Она", т. е. Энеида, досталась господамъ издателямъ со многими ошибками и опущеніями" (не относится ли къ послѣднимъ и упоминаніе о мацапурѣ?), случившимися отъ переписки". Выходитъ какъ будто, что первый издатель не пользовался автографомъ автора. Преданіе однако гласитъ, что Парпура „выпросилъ у автора позволеніе переписать его Энеиду" (И. П. Котляревскій. Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. Издано подъ редакціей С. П. Катранова, К. 1874. Вмѣсто предисловія, стр. VII, примѣч. Въ концѣ вводной замѣтки Катрановъ выражаетъ признательность С. П. Стеблинъ-Каминскому, „лично знавшему поэта и давшему возможность имѣть подъ рукою необходимый матеріалъ, на основаніи котораго и составленъ этотъ небольшой очеркъ"). Что до цѣнности текста 1798 г. для возстановленія текста Энеиды Котляревскаго въ его послѣдовательномъ развитіи, то мы не считаемъ возможнымъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ, хотя не отрицаемъ, что Парпура могъ допустить кое-какія описки и неудачныя поправки. Теперь текстъ изданія 1798 г. сталъ общедоступнымъ, благодаря перепечаткѣ въ изданіи Львовскаго „Наукового товариства імени Шевченка".

[3]) Поправка въ концѣ III-й части изд. 1798 г. (стр послѣ 72-й) видимо взята изъ другого текста болѣе исправной (второй?) редакціи, притомъ принадлежавшей самому Котляревскому, потому что вошла въ изданіе 1809 г. (ч. I, стр. 10 и 18).

Но преимущественно заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, при сходствахъ Энеидъ малорусской и Осиповской, нельзя признать исключительную либо весьма значительную зависимость одной отъ другой. Несомнѣнно, по мѣстамъ замѣчается огромное сходство либо нѣкоторое совпаденіе Энеиды Котляревскаго съ поэмой Осипова въ отдѣльныхъ словахъ, выраженіяхъ, стихахъ [1]) и даже риѳмахъ стиховъ, изрѣдка въ цѣлыхъ тирадахъ, а также извѣстная близость въ самой манерѣ повѣствованія, въ преобладаніи въ немъ простонароднаго пошиба. Все это указываетъ на то, что одинъ изъ авторовъ зналъ другого и воспроизводилъ иногда его выраженія, либо мысли, либо образы; но всего этого мало для того, чтобы говорить о пользованіи со стороны одного трудомъ другого въ цѣломъ, либо въ отдѣльныхъ частяхъ, такъ что нельзя сказать, что которая нибудь изъ поэмъ есть цѣликомъ или же въ главномъ содержаніи передѣлка другой.

Первая часть Энеиды Котляревскаго короче соотвѣтственныхъ, т. е. первыхъ четырехъ пѣсенъ поэмы Осипова [2]), но, несмотря на то, не выказываетъ постоянной и даже сколько-нибудь рѣшительной зависимости отъ нея, между тѣмъ какъ знакомство Осипова съ малорусской Энеидой не заключало бы въ себѣ ничего невозможнаго съ внутренней стороны, если бы обращать вниманіе лишь на послѣднюю, а не на внѣшнюю, т. е. на хронологическое первенство Осиповской Энеиды, и если бы имѣть въ виду компилятивный ея характеръ, т. е. составленіе ея не по одному только источнику [3]), и также ея малороссій-

---

[1]) Мы отмѣтили это уже въ своей не разъ названной здѣсь рецензіи на книгу г. Петрова.

[2]) Сопоставленіе 1-й части Энеиды Котляревскаго съ I—III пѣснями Осипова съ указаніемъ эпизодовъ, отсутствующихъ у перваго, см. въ упомянутой выше статьѣ А. И. Соболевскаго „Къ юбилею И. П. Котляревскаго", стр. 192.

[3]) См. выше о томъ, что Осиповъ пользовался и травестіей Скаррона. Нужно имѣть въ виду, что Осиповъ былъ человѣкъ, довольно начитаный въ иностранныхъ литературахъ, дѣятельный компиляторъ хозяйственныхъ книгъ, издатель сатирическихъ журналовъ и переводчикъ. См. перечень его литературныхъ трудовъ въ статьѣ митроп. Евгенія, перепечатанной у Венгерова. Указанія митр. Евгенія можно бы исправить и дополнить. Такъ, еженедѣльное изданіе „Что-нибудь отъ

скіе выраженія и обороты [1]). Въ особенности достопримѣчательно, что у Котляревскаго проскальзываетъ, хотя бы и въ мелочахъ, самостоятельное знакомство съ поэмами Вергилія и Скаррона, происшедшее, очевидно, не чрезъ посредство Осипова [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ

бездѣлья на досугѣ" вышло въ 1800 г. въ количествѣ 26 №№. Въ числѣ переводовъ Осипова слѣдуетъ отмѣтить „Гонзальвъ Кордуанскій, или обратно завоеванная Гренада. Твореніе Флоріана", Спб. 1793, 2 части. О переводахъ Осипова съ нѣмецкаго въ 1790 годахъ см. въ ст. Саитова, Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, № 6.

[1]) Къ словамъ, приведеннымъ нами въ рецензіи на книгу г. Петрова, прибавимъ литературную опечатку (?) у Осипова: стиху Котляревскаго:

Стоявъ якъ въ землю врытый стовпъ

у Осипова соотвѣтствуетъ выраженіе „какъ шаль"; „шаль" не опечатка-ли вмѣсто малороссійскаго „паль"?

[2]) Сравнимъ, напр., начало 1-й части поэмы Котляревскаго съ соотвѣтственными мѣстами у Осипова. У Котляревскаго, какъ и у Скаррона, Юнона „побачила зъ неба" Энея, плывущаго на морѣ; у Осипова она „узнала" о томъ. У Котляревскаго Эолъ не развязываетъ мѣшка съ вѣтрами, какъ у Блумауера и Осипова, а

Зобравъ всѣхъ вѣтривъ до двора.

У Скаррона (p. 86) читаемъ:

Jusqu'au Ciel les vaisseaux porterent,
Mais ils en furent rapportez
Plus vite qu'ils n'étoient montez;

У Котляревскаго:

Якъ равъ на морѣ и гора,
А далѣ потимь яръ глубокій.

У Осипова не находимъ такой картины... У Котляревскаго Нептунъ

. . . митью осѣдлавши *рака*.
Схативсь на іого якъ бурлака,
И вырнувъ зъ моря, якъ карась.

У Блумауера въ соотвѣтственномъ мѣстѣ говорится о bierutsch (одноревкѣ), у Осипова—объ одноколкѣ, у Скаррона (p. 90) находимъ образъ, изъ котораго легко могъ получиться варіантъ Котляревскаго:

Fit faire avec beaucoup d'art
A son char mille *caracoles*...—

У Котляревскаго:

. . . сонце глянуло на свѣтъ;

о солнцѣ же говорятъ Скарронъ (p. 90), Блумауеръ, а у Осипова говорится только

просіялъ красной день

У Котляревскаго:

Куды іому уже до Риму?
Хиба якъ здохне *чортъ* въ ровѣ!

У Скаррона (p. 98):

A la fin du compte sera
Le *diable* qui l'emportera. И т. д., и т. д.

несогласіе съ Блумауэровскимъ изводомъ, котораго украинскій поэтъ, повидимому, не зналъ и который послужилъ по преимуществу основою поэмы Осипова, чтó справедливо подтвердилъ А. И. Соболевскій.

Эту независимость отъ Осипова въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и приближеніе въ нихъ къ Скаррону можно съ вѣроятностію утверждать объ Энеидѣ Котляревскаго 1798 г., т. е. о первыхъ трехъ частяхъ малорусской Энеиды, написанныхъ, повидимому, неодновременно съ четвертою и остававшихся къ 1798 г., быть можетъ, еще безъ продолженія. Что же касается остальныхъ трехъ частей Энеиды Котляревскаго, то вопросъ объ отношеніи ихъ къ Энеидѣ Осипова уже не имѣетъ первостепеннаго значенія въ выясненіи генезиса малорусской Энеиды, да и слѣды пользованія со стороны Котляревскаго Энеидою Осипова становятся явственнѣе, начиная съ вступительныхъ тирадъ IV-й части [1]). Не уклоняясь въ ней отъ близости по мѣстамъ къ тексту Осипова, чтó могло бросаться въ глаза тѣмъ болѣе, что къ 1809-му году, когда впервые явилась въ печати та часть малорусской Энеиды, поэма Осипова выдержала уже два изданія, украинскій поэтъ, очевидно, не придавалъ особаго значенія открытію этой близости читателями [2]).

---

[1]) Такъ, Котляревскій придерживается извода Блумауера=Осипова въ такихъ характерныхъ эпизодахъ, какъ о сновидѣніи Турна (у Скаррона же говорится, что Турнъ видалъ фурію на яву), о собакѣ, изъ-за которой возникла война (у Скаррона, какъ и у Вергилія, говорится объ *оленѣ* пастуха и его сестры).

[2]) Но и относительно IV-й части нельзя принять утвержденія А. И. Соболевскаго о постоянномъ слѣдованіи Котляревскаго Осипову (см. выше). При сопоставленіи этой части малорусской Энеиды съ Осиповскою оказывается что, напр., начиная съ 67-й тирады по 133-ю включительно, Котляревскій совсѣмъ не имѣетъ соотвѣтствія у Осипова въ строфахъ 68, 69, 76, 80, 91, 99—103, 107, 112, 117, 119 и представляетъ малое соотвѣтствіе Осипову въ строфахъ 74, 77, 98, 104—110, 116, 123; мотивируетъ лучше Осипова въ строфахъ 70—71, 75 и изъ шести тирадъ Осипова сдѣлалъ двѣ (82—83); въ тѣхъ-же тирадахъ, которыя близки къ Осиповскимъ по общей мысли, взамѣнъ подробностей, находящихся у Осипова, подобраны вполнѣ подходящія къ малорусской исторіи и обстановкѣ, къ которымъ постоянно примѣняется Энеида у Котляревскаго.

Повторяемъ, для насъ здѣсь въ особенности интересенъ вопросъ о первомъ замыслѣ Котляревскаго и первоначальномъ процессѣ его творчества. Быть можетъ, старое преданіе вѣрно, и украинскій поэтъ задумалъ свою перелицовку уже въ годы молодости подъ вліяніемъ знакомства со Скарроломъ [1]) и независимо отъ Осипова и тогда же и началъ свою работу, а когда вышла „Виргиліева Енеида на изнанку“, сталъ нѣсколько передѣлывать и видоизмѣнять первоначальный набросокъ [2]); могъ обратно и Осиповъ ознакомиться въ рукописи съ текстомъ первыхъ частей Энеиды Котляревскаго.

Высказывая эти *догадки*, мы оставляемъ по прежнему вопросъ о генезисѣ малорусской Энеиды непорѣшеннымъ и желаемъ лишь обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей на необходимость, для окончательнаго рѣшенія этой проблемы, подробнаго, стихъ за стихомъ, сравненія Энеиды Котляревскаго какъ съ Вергиліевой [3]), такъ и *со всѣми* другими, какими могли пользоваться Котляревскій и Осиповъ. Одного сопоставленія Энеиды Котляревскаго съ Вергиліевою и Осиповскою недостаточно. Равнымъ образомъ, и для опредѣленія степени самостоятельности и характера творчества Котляревскаго необходимо обстоятельное сопоставленіе всѣхъ Энеидъ, какого мы доселѣ не имѣемъ. Къ сожалѣнію, мы лично не располагали всѣмъ необходимымъ для того матеріаломъ, какой представляютъ западно-европейскія Энеиды [4]), и потому и въ этотъ разъ должны были отказаться

---

[1]) Котляревскій несомнѣнно зналъ французскій языкъ и любилъ французскую литературу классической эпохи. См. свѣдѣніе объ его библіотечкѣ: *Стеблинъ-Каминскій*, Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ (Изъ записокъ старожила), Полт. 1869, стр. 6.

[2]) Слѣды неоднократной работы надъ текстомъ первыхъ частей Энеиды, кажется, ясны при сопоставленіи текстовъ 1798 и 1809 гг., при чемъ иногда варіанты изданія 1809 г. оказываются хуже находящихся въ первопечатномъ изданіи; этому нечего удивляться, если вспомнимъ, что иногда сами авторы неудачно поправляютъ первоначальную редакцію своихъ произведеній.

[3]) Когда писалъ Котляревскій, существовалъ уже и русскій переводъ поэмы Вергилія: „Еней. Героическая поэма Публія Вергилія Марона. Перев. съ лат. В. Петровымъ“ 2 ч. (безъ обозначенія года и мѣста печатанія).

[4]) Мы имѣли передъ собою лишь Энеиды Скаррона (въ Oeuvres de monsieur Scarron, Nouv. edition, Amsterdam MDCCXXXVII, t. IV, V и X (Les deux Suites du Virgile Travesti) и Блумауера (въ изданіи Bobertag-а въ Deutsche National - Litteratur).

отъ выполненія работы, столь полезной для всесторонняго уясненія вопроса о силѣ таланта Котляревскаго, но не необходимой для установленія общаго значенія его поэмы не въ ряду всѣхъ Энеидъ вообще, а лишь въ литературѣ русской и въ частности малороссійской.

Каковъ бы ни былъ, однако, результатъ работы, на необходимость которой мы указываемъ, даже если бы пришлось окончательно убѣдиться въ томъ, что, слагая и три первыя части своей Энеиды, Котляревскій зналъ сразу и имѣлъ въ виду поэму Осипова, а послѣдній не видалъ малорусской перелицовки до изданія своей собственной, значеніе малорусской поэмы нисколько не умалится. Вѣдь въ художественныхъ произведеніяхъ часто вѣрна не оригинальность замысла и фабулы въ цѣломъ, а та или иная обработка заимствованнаго содержанія и смыслъ, какой влагается въ послѣднее. Великіе корифеи творчества, каковы Данте, Боккаччіо, Аріосто, Шекспиръ, Мольеръ, Гете, неоднократно лишь перерабатывали готовыя сказанія и, тѣмъ не менѣе, никто не станетъ понижать на томъ основаніи цѣну ихъ созданій. Послѣднія, хотя представляютъ передѣлку схемъ, ранѣе уже бывшихъ въ обращеніи, отличаются крупными достоинствами, какихъ лишены предшествовавшія имъ литературныя обработки тѣхъ же сюжетовъ.

Такъ и для правильной оцѣнки Энеиды Котляревскаго необходимо разсматривать ее преимущественно со стороны отличій ея отъ прочихъ.

При такомъ сопоставленіи ея съ двумя извѣстнѣйшими западно-европейскими предшественницами ея, а равно и съ поэмою Осипова, и при разсмотрѣніи ея въ связи съ основною ея мыслью, приходится удѣлить ей довольно высокое мѣсто.

Поэма Котляревскаго, явившаяся въ концѣ длиннаго періода литературнаго развитія замысла, выраженіемъ котораго служитъ, достойно завершаетъ это развитіе.

Котляревскій переступалъ иногда мѣру и не избѣжалъ излишествъ въ шутливомъ тонѣ своего повѣствованія [1]), не остался свободенъ отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей Осипова, напр., отъ чрезмѣрно частаго повторенія картинъ пьянства, но замѣтимъ, что даже Байронъ допустилъ подобныя излишества въ шутливомъ изображеніи глубоко-трагическихъ ситуацій въ своемъ „Донъ-Жуанѣ", напр., въ картинѣ крушенія на морѣ.

Помимо такихъ второстепенныхъ недостатковъ, изъ всѣхъ подражаній итальянскому бурлеску, какія намъ извѣстны, въ частности въ пародированіи Энеиды, поэма Котляревскаго занимаетъ первое мѣсто по степени народности [2]); по своему же широко просвѣтительному значенію она можетъ быть поставлена рядомъ съ Блюмауэровой и даже выше.

Конечно, Котляревскій понялъ лучшія стремленія XVIII-го в. не во всемъ ихъ объемѣ; но онъ усвоилъ главное изъ нихъ, приведшее къ развитію чувства гуманности въ самомъ широкомъ смыслѣ—дѣятельной любви къ человѣку, какъ таковому, и ко всему народу и чувства соціальной справедливости, что не мѣшало поэту подмѣчать и выставлять не только недостатки другихъ національностей [3]), но и темныя стороны въ характерѣ и жизни своего народа.

---

[1]) Напр., прощаясь въ аду съ Энеемъ,
Анхизъ кричавъ якъ въ мартѣ китъ.
Мать, убивавшаяся по своемъ сынѣ Эвріалѣ,
Кувикала мовъ порося.
Замѣчаются крайнія преувеличенія и въ ея сѣтованіяхъ. Что до „тривьяльностей", которыя указывали, то онѣ есть и у предшественниковъ Котляревскаго напр., у Скаррона.

[2]) Оттуда обиліе характерныхъ анахронизмовъ. Котляревскій вставлялъ неоднократно въ свое повѣствованіе объ Энеѣ не только въ сравненіяхъ факты и имена Украинской исторіи и быта, иногда частнѣе—прямо мѣстные, Полтавскіе (напр., „Кочубейскый Тарасъ"); равнымъ образомъ, у него масса мѣстныхъ бытовыхъ упоминаній, напр., въ перечнѣ кушаньевъ и напитковъ въ IV-й части; сюда же относятся упоминанія о селеньяхъ близъ Полтавы (въ IV—VI частяхъ). Такого обнародненія сюжета не находимъ въ другихъ Энеидахъ.

[3]) См. въ описаніи острова Цирцеи (въ IV-й части) комическое изображеніе различныхъ народовъ, при чемъ въ особенности достается французамъ времени революціи и Наполеона I.

Стоя по своимъ основнымъ идеямъ на почвѣ гуманныхъ стремленій XVIII-го в., Котляревскій, по художественнымъ пріемамъ изображенія, изъ своихъ иностранныхъ предшественниковъ оказался, повидимому, наиближе къ Скаррону [1]).

Воздѣйствіе Скаррона обнаруживается въ отношеніи Котляревскаго къ античнымъ божествамъ [2]), въ удачномъ подборѣ анахронизмовъ и уподобленій, въ нагроможденіи эпитетовъ по мѣстамъ и перечисленія цѣлаго ряда предметовъ и лицъ въ комическомъ сопоставленіи, въ упоминаніяхъ о Вергиліи [3]), въ употребленіи иногда латинскихъ словъ и тарабарской рѣчи [4]), во внесеніи плоскихъ шутокъ и также размышленій, въ изображеніи иногда и не комическихъ, а напротивъ трогательныхъ и возвышенныхъ ситуацій. Даже 8-сложный ямбическій стихъ съ попарными риѳмами съ глухимъ или звучнымъ окончаніемъ у Котляревскаго соотвѣтствуетъ такому же стиху Скаррона, считавшемуся бурлескнымъ по преимуществу.

Но не основательно было бы считать на этомъ основаніи поэму Котляревскаго простымъ подражаніемъ. Скарронъ могъ подать Котляревскому лишь общую мысль о перелицовкѣ Энеиды, какъ и самъ оказался независимымъ въ выполненіи мысли, на которую навелъ его Lalli.

И, подпавъ нѣкоторому вліянію Скаррона и Осипова, Котляревскій выказалъ, тѣмъ не менѣе, большой талантъ и

---

1) Интересно, что даже заглавіе въ изданія 1798 г.: „Енеида, на малороссійскій языкъ *перелиціованная*" напоминаетъ заглавіе произведенія Скаррона: „Le Virgile *travesti*". Въ изданіи 1809 г. вм. слова „перелиціованная" находимъ уже „преложенная" (то же выраженіе „преложить" находимъ и въ „увѣдомленіи").

2) Напр., Богыни въ гниви также бабы
И такъ же на уторы слабы,
Зъ досады часомъ и брехнуть:
И якъ перекупкы горланятъ
Одна другу безчестятъ, ганятъ
И ридъ ввесь съ потрухомъ клюнутъ.

Ср. приведенное нами выше замѣчаніе Скаррона по поводу гнѣва Юноны.

3) Выргылій, бачъ, не намъ бувъ ривня,
А выдно, що начухавъ тимья,
Покы дрибненько описавъ.

4) Ср. у Скаррона: il s'eau bénita, Dame Aimée est alectonée и т. п.

огромную долю самостоятельности. Такъ, напр., его Эней не столь безхарактеренъ и нерѣшителенъ, какъ Скарроновъ, и не столь жалокъ, какъ герой поэмы Блумауэра. Подъ конецъ Эней, отрекомендованный поэтомъ вначалѣ, какъ „на все зле проворный", „пройдысвитъ и не промахъ", который „привидця бувъ во всихъ содомахъ", видимо пользуется сочувствіемъ автора [1]), полюбившаго его завзятость и проворство. Хотя Котляревскій, быть можетъ, не столь изобрѣтателенъ, какъ Скарронъ, но за то и не столь расплывчатъ. Поэмы Скаррона и Осипова многословны, изложеніе Котляревскаго кратче, но ярче, рельефнѣе и нагляднѣе. Его повѣствованіе почти вездѣ носитъ значительный отпечатокъ личности автора, вѣрнѣе—народности и среды, къ которой онъ принадлежалъ.

Котляревскій отбросилъ весь ученый и критическій аппаратъ Скаррона и Блумауэра [2]) и ослабилъ до крайности миѳологическія данныя, вполнѣ превративъ божества въ комическіе типы людей. У украинскаго поэта не находимъ того, чѣмъ страдаетъ иногда Энеида Осипова, эпизодовъ, мало интересныхъ для русскихъ читателей. Есть, правда, кое-гдѣ слѣды книжныхъ припоминаній [3]), но они не замѣтны и не вредятъ народности поэмы.

Вообще Энеида Котляревскаго глубоко народна: и по языку [4]), богатому различными оттѣнками, хотя не всѣми, полному

---

[1]) См. слова Діомыда въ передачѣ Венула. Въ VI-й части и самъ авторъ говоритъ: „Эней, *правдывый* чоловьяга"...

[2]) Макароническая рѣчь въ частяхъ IV—VI и изреченіе кіевскаго скубента: „горе гришныкови сущу, благыхъ дилъ вовся не имущу", не представляютъ нарушенія этого общаго положенія, потому что могли входить въ обиходъ малорусскаго книжнаго люда; ср. разговорную рѣчь Домина Галушкинскаго въ „Панѣ Халявскомъ" Квитки. Ср. также надгробную рѣчь того-же Галушкинскаго съ подобною же рѣчью „фылозопа" въ VI-й части Энеиды.

[3]) Такова, напр., картина наступленія ночи:

Якъ тилько темна, та пахмурна
Изъ неба сляла чорна ничь...

Она нѣсколько напоминаетъ подобную же картину въ одномъ изъ стихотвореній Ломоносова.

[4]) Народности языка Энеиды Котляревскаго не служитъ помѣхою то обстоятельство, что въ немъ встрѣчаются иногда слова и обороты общерусской литера-

истинно малороссійской силы, выразительности и образности, иной разъ достигающему замѣчательной красоты и поэтичности, а не рѣдко, конечно, и грубоватому, согласно переливамъ народной рѣчи, которые хотѣлъ передать авторъ; и по стилю, блещущему мѣткими сравненіями, взятыми изъ украинской природы, исторіи и быта, и оборотами, заимствованными изъ народной поэзіи [1]); и по частностямъ содержанія; и, наконецъ, по общему направленію.

Остановимся нѣсколько на послѣднихъ сторонахъ Энеиды, т. е. на ея содержаніи и направленіи.

Поэма украинскаго поэта народна въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. не только въ силу включенія въ нее массы характерныхъ подробностей малорусскаго быта, панскаго [2]) и простонароднаго, иногда нераздѣльныхъ съ общерусскою жизнью, не только въ силу переполненія ея народными воззрѣніями [3])

турной рѣчи тамъ, гдѣ могли-бы быть употреблены чисто малорусскіе (въ изданіи 1809 г. неоднократно усматривается стремленіе къ замѣнѣ послѣднихъ первыми) и ненужная иностранщина (напр., „море шпуе"). Самъ Котляревскій (?) отмѣтилъ въ приложенномъ къ Энеидѣ словарѣ иностранныя (преимущественно нѣмецкія) этимологіи цѣлаго ряда словъ.

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы отзываются поэтическіе пріемы серьозныхъ народныхъ пѣсенъ, чего не найти ни у Скаррона, ни у Блумауера:

Не жара сонце заступыла,
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галычъ чорна поле вкрыла,
Не буйный витеръ се шумыть:
Се військо йде всима шляхамы и т. д.

Въ изобиліи привзошли народныя пословицы, изъ которыхъ иногда состоитъ вся тирада цѣликомъ; въ подобающихъ мѣстахъ употребляются также сказочные обороты.

[2]) Сюда же относятся и подробности общерусскаго характера, напр., изъ армейскаго быта, съ которымъ авторъ былъ хорошо знакомъ по своей службѣ; въ V-й части читаемъ:

Такъ въ арміи колысь велось *и т. д.*

въ VI-й отмѣтимъ строки объ „армейскомъ копытанѣ", о Венерѣ:

Венера молодыця смила,
Бо все зъ военными жыла, *и т. д.*

о Лавиніи:

крыкнула „увы!" списьменьска.

[3]) Отмѣтимъ упоминанія о полякахъ („до лясу!" и т. п.), сужденія о женщинахъ.

и повѣрьями [1]), но и вслѣдствіе проникновенія духомъ и традиціями козачества, бывшаго такъ долго излюбленнымъ выраженіемъ народныхъ стремленій Украины. Въ Энеидѣ Котляревскаго находимъ немало сочувственныхъ упоминаній о козацкой старинѣ, напр. о временахъ Сагайдачнаго, Дорошенка, о Сѣчи, о Желизнякѣ, о старинномъ „лыцарствѣ“ и о „козакахъ лыцарковатыхъ“, которые какъ бы слѣдовали правилу:

Де общее добро въ упадку,
Забудь отця, забудь и матку,
Леты повынность исправлять.

Имѣя въ виду и тѣ времена, поэтъ писалъ:

Любовъ къ отчизни де героитъ,
Тамъ сыла вража не устоитъ,
Тамъ грудь сильнійша одъ гарматъ,
Тамъ жизнь—алтынъ, а смерть—копійка,
Тамъ лыцарь—всякій парубійка,
Козакъ тамъ чортови не братъ.

Вспоминаются въ поэмѣ и другіе эпизоды изъ исторіи южнорусскаго козачества:

Якъ въ пикинеры набирали,
Якъ мандровавъ козакъ всю ничъ!..

Нѣсколько разъ упомянута „Полтавская Шведчина“,

И неня якъ свою дитину
Зь двора проводила въ походъ.
Якъ пидъ Бендери пидступали,
Якъ безъ галушокъ помирали,
Колись якъ бувъ голодный годъ [2])!

---

[1]) На нихъ наталкиваемся постоянно. Вѣдьма, замѣнившая Сивиллу, и ея жилище описаны чертами народныхъ сказаній. Упоминаются неоднократно сказочныя личности (въ томъ числѣ и великорусскіе Полканъ и Бова, былевой Илья Муромецъ и т. п.), есть и сказочныя диковинки („килымъ самольотъ“, скатерть самобранка, „сапьянци самоходы“). При этомъ нельзя не вспомнить, что, по сообщенію біографа, Котляревскій „зналъ наизусть бездну пословицъ, народныхъ поговорокъ, сказокъ, присказокъ украинскихъ и пѣсенъ“. Стеблинъ-Каминскій, Воспоминанія, стр. 11.

[2]) См. комментарій къ этимъ строфамъ въ нашемъ отзывѣ о книгѣ г. Петрова (стр. 28 отдѣльнаго оттиска).

Къ этимъ позднѣйшимъ временамъ козачества какъ бы пріурочиваетъ поэтъ и Энея. Послѣдній именуется не только „сподарь", либо „богатырь"; онъ сразу описывается читателю, какъ „хлопець хоть куды козакъ", что́ и не удивительно, потому что Эней „въ війни и взрисъ и постаривъ". Иногда онъ выступаетъ въ повѣствованіи Котляревскаго прямо какъ „козакъ", а его дружина какъ „кошъ". Она не только „ватага пройдысвита", какъ выразился Шевченко: Эней и его спутники—это какъ бы козачество, бродившее по свѣту послѣ разрушенія Сѣчи,

Мовъ запорожци чупрындыри,
Що ихъ не втне и Асмодей.

Эней говоритъ о себѣ Эвандру:

Я кошовый Эней Троянець,
Скытаюсь по мыру, мовъ ланець,
По всимъ товчуся берегамъ,

а тотъ называетъ Энея передъ Аркадцами „гетьманомъ". Конечно, авторъ былъ далекъ отъ ложной идеализаціи козачества, и Юпытеръ въ гнѣвѣ говоритъ богинямъ:

Пошлю васъ въ Запорожську Сичь;
Тамъ вашыхъ каверзъ не вважаютъ,
Жинокъ тамъ на тютюнъ миняютъ,
Въ день пьяни сплятъ, а крадутъ въ ничъ.

Но, тѣмъ не менѣе, Запорожскія пѣсни названы „гарными", и ихъ (и вообще историческія пѣсни) распѣвали Троянцы Котляревскаго, плывя на своихъ челнахъ. То были родныя ихъ пѣсни. Въ IV-й части Энеиды находимъ и прямую похвалу козацкому войску [1]), между прочимъ и съ точки зрѣнія общерусскихъ государственныхъ нуждъ и пользы:

Воно такъ, бачышь, и не гарне,
Якъ кажутъ то—не регулярне,
Та до війны самый злый гадъ [2]).

---

[1]) Такъ вѣчной памяты бувало
У насъ въ Гетьманщини колысь *и т. д.*

[2]) Ср. отношеніе къ козачеству военнаго губернатора Украины въ началѣ 30-хъ годовъ, кн. Репнина, котораго Котляревскій былъ любимцемъ. См. въ ст. *Н. С.*: „Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ", „Кіевская Старина" 1897.

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ:

Було полковныкъ такъ Лубеньскій
Колысь къ Полтави полкъ веде
Пидъ земляни Полтавьски валы
(Де Шведы головы поклалы)
Полтаву матушку спасать.

Поэтъ, очевидно, примирялъ въ себѣ общерусскую государственную идею съ любовью къ своей народности и родной старинѣ. Онъ видимо—убѣжденный монархистъ:

Вельможи! хто царя не слуха,
Такимъ обризать нисъ и уха
И въ рукы всихъ отдать катамъ.

При этомъ онъ не поступается личнымъ достоинствомъ предъ несправедливыми и высокомѣрными притѣсненіями и не благоволитъ къ буйному и юркому „москалю", который „мутитъ на селѣ" [1]). Москаль рисуется не особенно привлекательными чертами, согласно съ народнымъ воззрѣніемъ. Оставляемъ въ сторонѣ такую смѣхотворную внѣшнюю характеристику москаля, какъ данная въ изображеніи вида, какой получаютъ люди различныхъ національностей на островѣ Цирцеи [2]), но отмѣтимъ такія упоминанія, какъ

Хто Москаля объѣхавъ зроду?
А займешъ,—ноги уноси.

Интересно также, чего ждутъ спутники Энея для украинцевъ, которые попадутъ на островъ Цирцеи:

По нашому хохлацьку строю,
Не будешъ цапомъ, ни козою,
А вже запевне що воломъ,

т. е. имъ придется нести самыя тяжелыя работы.

---

[1]) Ср. стихи:

Съ діявола швидки, проворны,
Пидпустятъ москаля якъ разъ.

[2]) Москаль бодай бы не козою
Замекекекавъ зъ бородою.

Таковы истинно народныя воззрѣнія, которыми наполнена поэма Котляревскаго. Остается отмѣтить въ ней еще самое важное—любовь къ народу во всей его совокупности безъ кастовыхъ, классовыхъ пристрастій и предрасположеній. Энеида Котляревскаго уже какъ бы проникнута гуманными мыслями въ родѣ тѣхъ, которыя выразилъ Шевченко въ „Гайдамакахъ“:

За що люде гывутъ?
Того жъ батька таки жъ диты,—
Жыты бъ та брататься;
Ни, не вмилы, не хотилы,
Треба разъеднаться!

Оттуда въ Энеидѣ цѣлый рядъ обличеній печальныхъ проявленій грубаго эгоизма, какъ то, которое читаемъ въ стихахъ:

Ты знаешъ, дурень не бере—
А хто хоть трохи въ насъ
Умѣе жить по правдѣ сущій,
То той хоть зъ батька—та здере.

Въ обличеніяхъ, которыми наполнено изображеніе ада, не дано пощады никому, кто заслуживалъ кары: въ шеренгѣ осужденныхъ выступаютъ, между прочими,

Начальники, пьявки людскіи,

„старшыны безъ розбору“, „сутяги“, неправедные „судьи“, и паны,

Що людямъ льготы не давали
И ставили ихъ за скотивъ,

„пидпанки“, „багаты та скупыи“, „купчыкы проворни“, обманывающіе покупателей, и „святи понури“,

И всѣ розумны филозопы,
Що въ свѣтѣ вчились мудровать;
Ченци, попы и крутопопы,
Мирянъ що бъ знали научать...
А мудры звѣздъ щобъ не знимали,
Були въ огнѣ на самомъ дну.

Рядомъ съ этими осужденными возвеличиваются тѣ,

Що людямъ помагать любили,
Хто чѣмъ богатъ, то тѣмъ и радъ.

Тутъ такъ же старшина правдива,
Буваютъ всякіе станы;
Но тилько трохи сього дива,
Не кваплются на се воны!

Особое сочувствіе автора видимо на сторонѣ утѣсненныхъ, т. е. простого народа:

Мужыча правда есть колюча,
А панська на вси боки гнуча.

Такимъ образомъ, для уясненія задушевныхъ помысловъ Котляревскаго картина ада весьма цѣнна [1]). Но и вся поэма, содержа изображеніе въ комическомъ видѣ того, что было, но заслуживало порицанія и осмѣянія, какъ бы учила, чего не должно быть. Въ силу естественнаго контраста читатель чувствовалъ инстинктивно, въ какую сторону направляться его мысли и чувству.

Какъ бы то ни было, въ Энеидѣ была дана весьма широкая картина: здѣсь впервые въ художественной литературѣ предстала со своею рѣзко обозначавшеюся индивидуальностью вся Малороссія.

Успѣхъ Энеиды Котляревскаго много обусловливался, кромѣ смѣшного, наполняющаго ее [2]), такою яркою и рельефною обрисовкою [3]), притомъ въ духѣ истинной гуманности, и вмѣстѣ удивительною простотою и прозрачностію поэтическаго замысла. Общенароднаго въ такой мѣрѣ поэтическаго произведенія въ концѣ XVIII в. не было и въ общерусской литературѣ. Котляревскій какъ бы осуществлялъ уже тотъ идеалъ всенароднаго

---

[1]) Нужно сказать при этомъ, что картины ада были нерѣдки въ русской литературѣ XVIII в. См. напр. *Бурцева*, Описаніе рѣдкихъ Россійскихъ книгъ, ч. II, СПБ. 1898 стр. 526 и слѣд.

[2]) На это смѣшное, какъ на причину успѣха Энеиды, указалъ *I. Галка*, (Костомаровъ): Молодикъ на 1844 г., Харьковъ 1843 г., стр. 164.

[3]) Мы не распространяемся здѣсь о художественныхъ достоинства Энеиды Котляревскаго, напр., о мѣткости въ передачѣ множества бытовыхъ наблюденій, о типической обрисовкѣ самыхъ разнообразныхъ лицъ, при чемъ и боги, напр., „Юнона козырь-молодиця", предстаютъ въ удивительно пластичныхъ очертаніяхъ. Не говоримъ и о томъ, что иные образы были отчасти снимками съ живыхъ опредѣленныхъ лицъ (см., напр., уподобленіе Турна Нечесѣ князю, т. е. Потемкину).

произведенія, какой предначертываетъ въ наши дни для искусства Л. Н. Толстой. Этимъ украинскій пѣвецъ странствованій Энея отличается и отъ Скаррона, и отъ Блумауэра, и отъ Осипова.

Вообще Энеида Котляревскаго неизмѣримо народнѣе всѣхъ своихъ предшественницъ и богаче ихъ количествомъ разнообразныхъ чертъ народности и современности.

Это зависѣло отчасти и отъ того, что бурлескъ какъ-бы сроденъ украинскому народному генію. Понятно оттуда, что въ талантливости шутливаго изображенія, въ безыскусственности комизма, въ почерпаніи его изъ ясности и глубины своего духа Котляревскій не уступаетъ Скаррону, у котораго также была, какъ говоритъ онъ самъ,

. . . . âme gaie
Qui m'a fait, malgré tous mes maux
Le moins chagrin des animaux;

въ разносторонности же содержанія сталъ выше предшественниковъ.

Эта положительная сторона Энеиды Котляревскаго, ея народность, поднимаетъ ее надъ уровнемъ травестіи, т. е. произведенія, которое само по себѣ не имѣетъ истинной поэтической цѣны. Поэма Котляревскаго можетъ быть названа обширной картиной малорусской общественности въ рамкахъ травестіи и бурлеска. Забавный тонъ преобладаетъ, но не властвуетъ исключительно. Надъ всѣмъ господствуетъ своеобразное общее созерцаніе жизни, также выводящее произведеніе Котляревскаго изъ ряда простыхъ травестій.

Своего рода философское міросозерцаніе украинскаго поэта, основанное на наблюденіи жизни, сообщаетъ довольно печальную окраску веселымъ съ перваго взгляда картинамъ, какія онъ рисуетъ въ неудержимомъ размахѣ кисти.

Бида не по деревьяхъ ходыть,
И хто жъ іи не скуштовавъ?
Бида биду, говорятъ, родыть,
Бида для насъ,—судьбы уставъ!

— читаемъ въ началѣ V-й части, и та же мысль повторяется и въ другихъ мѣстахъ поэмы [1]). Въ соотвѣтствіе съ нею могутъ быть поставлены и другія сентенціи въ родѣ тѣхъ, что „гришными судьба вертыть", „и исполынъ есть червь и прахъ", и нѣкоторыя отступленія въ поэмѣ [2]).

Это-то общее міросозерцаніе, проходящее чрезъ всю поэму, и сопутствующее ему моральное начало, проглядывающее въ заключительныхъ стихахъ всего произведенія:

Жыве хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно,
А билшъ, колы и совисть жметъ,—

усвояетъ Энеидѣ Котляревскаго особую идейную основу, а не значеніе одной лишь шутки.

Смѣхотворство украинской Энеиды получаетъ болѣе глубокій смыслъ, потому что не только возбуждаетъ смѣхъ и приближаетъ читателя къ радостному настроенію, обычно сопровождающему смѣхъ, но и оттѣняетъ присущій нашей натурѣ контрастъ воли и безсилія, стремленія и исполненія, порывовъ къ созданію чего-то великаго въ жизни и обрываній и паденій, подобно тому какъ много золъ претерпѣлъ и Эней на пути къ основанію великой Римской державы. Въ общемъ однако проскальзываетъ мысль, выраженная въ словахъ Охрима Энею:

Чимъ бильшъ журытыся—все гирше,
Заплутаешся въ лиси бильше,
Покынь лышь горе и заплюй.

Соотвѣтственно всему тому и сатиризмъ Котляревскаго исполненъ грандіозной мысли. Онъ приближается по своему смыслу къ основной идеѣ „Похвалы глупости" Эразма Роттердамскаго, къ ироническому изображенію міра у Аріосто и вообще къ концепціи великихъ сатириковъ. Какъ, напр., изображеніе войны Энея съ Турномъ и Латинами напоминаетъ соотвѣт-

---

[1]) Напр., Бувае щастья скрызь поганьцямъ,
А добрый мусить пропадать.

[2]) Напр., строфа (V, 4) о снѣ. Конечно, она не можетъ идти въ сравненіе съ знаменитымъ лирическимъ разсужденіемъ Мицкевича о снѣ.

ственный эпизодъ въ романѣ Раблэ! Изъ-за какихъ пустяковъ разгорѣлась она! изъ-за раздраженія полупьянаго Турна, не отличившаго сновидѣнія, представившагося ему, отъ дѣйствительности, и изъ-за собаченки! Весьма комическій характеръ получило это начало войны Троянцевъ съ Латинами, Турномъ и союзниками послѣдняго уже у Блумауера [1]), Осиповъ старался увеличить этотъ комизмъ, но вполнѣ законченную форму далъ ему Котляревскій.

Итакъ, украинская Энеида представляетъ сочетаніе пародіи и бурлеска съ болѣе глубокими мыслями, между прочимъ—съ просвѣщеннымъ вникaніемъ въ общественныя отношенія Малороссіи въ предѣлахъ русскаго государста и съ народничествомъ. Народная стихія преобладаетъ въ этомъ сочетаніи, которое оказывается смѣхотворнымъ лишь при поверхностномъ взглядѣ, а на дѣлѣ озарено свѣтомъ гуманной мысли, какой въ то время было не такъ много въ обществѣ. Вспомнимъ, какъ былъ встрѣченъ въ Англіи въ началѣ своей дѣятельности истинный начинатель народничества въ тамошней поэзіи Wordsworth, сверстникъ по лѣтамъ Котляревскаго!

Украинская литература въ лицѣ послѣдняго, какъ автора „Энеиды“, рано вступила на благотворный путь, ведущій къ осуществленію истинныхъ задачъ, обязательныхъ для всякой литературы, какъ живой общественной силы, и потому-то мы не можемъ не присоединиться къ полнымъ задушевности словамъ Шевченка въ стихотвореніи „На вичну намять Котляревському“:

Все осталось, все сумуе,
Якъ руины Трои;
Все сумуе, тильки слава
Сонцемъ засіяла:
Не вмре кобзарь, бо на вики
Его прывитала.

Н. Дашкевичъ

[1]) У Скаррона повѣствованіе о томъ носитъ не столь комическій характеръ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Г. П. ГАЛАГАНА.

Григорій Павловичъ Галаганъ (р. 1819 † 1888) принадлежитъ къ числу тѣхъ общественныхъ дѣятелей, память о которыхъ не должна быть забыта. Слишкомъ много и благотворно потрудился онъ въ дѣлѣ крестьянской реформы, принимая горячее участіе въ другихъ реформахъ, прославившихъ царствованіе императора Александра II, и во всякомъ случаѣ заслужилъ право на подробную біографію. Желая почтить память Г. П. Галагана по случаю десятилѣтія со времени его смерти, мы полагаемъ здѣсь начало матеріаламъ для такой біографіи.

Для полной оцѣнки общественной дѣятельности Галагана, біографія его должна захватывать всю жизнь малорусскаго помѣстнаго дворянства за время до освобожденія крестьянъ, такъ какъ бытовыя условія этой жизни и возбудили ту энергію дѣятельности Галагана, которая составила ему имя.

Когда въ 1858 г. обнародованы были извѣстные рескрипты, то вслѣдъ за ними объявилось нѣсколько помѣщиковъ, которые съ своей стороны публично заявили о своей солидарности съ освободительными начинаніями правительства и стали въ первые ряды его помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Малороссіи такими помѣщиками явились Г. П. Галаганъ и В. В. Тарновскій. Еще недавно напечатано письмо Тарновскаго къ Галагану, писанное въ 1858 г., когда вопросъ объ

освобожденіи крестьянъ уже публично обсуждался и сильно волновалъ помѣщиковъ: „*будемъ постоянно проповѣдывать*, что грѣшно и безнравственно при освобожденіи обобрать людей, которыхъ мы довели до нищеты и нравственнаго униженія, и что слѣдуетъ великодушно раздѣлиться съ ними по-братски.. Намъ нужно горѣть любовью къ братьямъ нашимъ, надѣть кресты и идти въ крестовый походъ противъ невѣрующаго и развращеннаго дворянства и побѣждать не оружіемъ, а силою слова, силою любви къ братьямъ нашимъ" [1]... Эти слова показываютъ, что какъ писавшій ихъ, такъ и тотъ, кому они писались, были людьми исключительными въ средѣ помѣщиковъ. До сихъ поръ еще не обнародованы свѣдѣнія о томъ участіи, которое принимали Галаганъ и Тарновскій въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ вообще и въ Малороссіи особенно; но участіе это было настолько значительно, что будущій историкъ этого освобожденія не долженъ забыть ни Галагана, ни Тарновскаго, особенно когда будетъ говорить о дѣятельности въ крестьянскомъ вопросѣ велик. княгини Елены Павловны, постоянно призывавшей къ себѣ на совѣтъ по сему вопросу этихъ двухъ *помѣщиковъ* [2].

Участіе Галагана въ крестьянскомъ вопросѣ и затѣмъ послѣдующая ревностная его дѣятельность въ крестьянскихъ, земскихъ и судебно-мировыхъ учрежденіяхъ создала ему имя человѣка, горячо преданнаго общественнымъ интересамъ, при чемъ эта дѣятельность заключилась громаднымъ имущественнымъ пожертвованіемъ, потребовавшимся для учрежденія *Коллегіи Павла Галагана*.

Въ виду такихъ заслугъ Галагана, какъ общественнаго дѣятеля, журналъ, посвященный историческому изученію Мало-

---

[1]) Русск. Стар. 1898 г., апрѣль, „*На зарѣ крестьянской свободы*".

[2]) Конечно. и теперь сохраняется въ Сокиренской усадьбѣ покойнаго Г. П. Галагана извѣстная картина Соколова—*Рекруты*, (а въ оффиціальныхъ тогдашнихъ каталогахъ—*Парубки*); картину эту подарила Г. П. Г—ну вел. кн. Елена Павловна въ память его близкаго участія въ предварительныхъ совѣщаніяхъ по крестьянскому вопросу.

россіи, считаетъ своею обязанностью позаботиться объ обнародованіи матеріаловъ для описанія жизни Галагана и его времени. На первый разъ мы печатаемъ отрывки изъ юношескаго дневника Галагана, за 1836—1841 годы.

I.

Отрывки изъ юношескаго дневника Г. П. Галагана.

Въ числѣ бумагъ Г. П. Галагана, хранящихся въ *Коллегіи Павла Галагана*, между прочимъ, имѣется дневникъ Г. П. Галагана, начатый имъ съ 1836 г., т. е. съ 17-тилѣтняго его возраста. Дневника этого сохранилось двѣ тетради, за пять, неполныхъ, лѣтъ (1836—1841) и кромѣ того нѣсколько *карманныхъ записныхъ книжекъ*, за позднѣйшіе годы, въ которыхъ Галаганъ отмѣчалъ отрывочные факты изъ своихъ житейскихъ встрѣчъ, записывая ихъ, повидимому, лишь случайно.

Двѣ тетради дневника Галагана за первыя пять лѣтъ заключаютъ въ себѣ записи съ большими промежутками, бывшими слѣдствіемъ, какъ онъ самъ говоритъ, его лѣни [1]).—Отрывки изъ этого юношескаго дневника мы здѣсь и печатаемъ, при чемъ выбираемъ мѣста, гдѣ выпукло рисуется личность самого автора и современное ему общество, въ лицѣ его сосѣдей—полтавцевъ. Многихъ мѣстъ изъ этого дневника печатать, впрочемъ, нельзя еще по цензурнымъ и другимъ причинамъ, при чемъ всѣ эти опускаемыя нами мѣста заключаютъ въ себѣ эпизоды изъ семейныхъ и сосѣдскихъ отношеній Галагановъ и изъ нѣкоторыхъ юношескихъ вспышекъ самого Галагана.

Для того чтобы печатаемые здѣсь „отрывки“ были понятнѣе, необходимо сказать нѣсколько словъ о Ф. В. Чижовѣ, который въ захватываемое дневникомъ время былъ воспитате-

---

[1]) Юношескій дневникъ Галагана заключается въ двухъ тетрадяхъ, въ 4-ю д. л.; въ первой (1836—39) и второй (1839—41) тетрадяхъ—по 131 двойн. стр.

лемъ Галагана. Личность этого замѣчательнаго человѣка болѣе или менѣе извѣстна, и мы тутъ сообщимъ о немъ лишь коротенькія свѣдѣнія.

Не знаемъ, съ какого именно времени Чижовъ сталъ въ роль наставника-руководителя Галагана, но въ началѣ 1836 г. онъ уже исполнялъ обязанности его ментора. Не знаемъ также, при какихъ обстоятельствахъ Чижовъ былъ выбранъ въ наставники, но если этотъ выборъ былъ сдѣланъ самою матерью Галагана, то онъ свидѣтельствуетъ о незаурядномъ умѣ послѣдней.

Федоръ Васильевичъ Чижовъ, по происхожденію костромичъ, родился въ 1811 году, учился въ петербургскомъ университетѣ по физико-математическому факультету и окончилъ его въ 1832 г. со степенью кандидата. Черезъ годъ онъ приглашенъ былъ въ этотъ же университетъ преподавать начертательную геометрію, а въ 1836 г. за диссертацію „О общей теоріи равновѣсія" Ч—въ получилъ степень магистра математическихъ наукъ. Ч—въ читалъ лекціи въ университетѣ до 1840 г., когда вышелъ въ отставку. Будучи присяжнымъ математикомъ, Ч—въ въ то же время интересовался и литературою: въ годъ окончанія университета онъ издалъ свой переводъ Галлама—Исторія европейскихъ литературъ въ XV—XVI стол. Въ 1841 г. Ч—въ напечаталъ другой подобный трудъ—„Призваніе женщинъ",—передѣлку съ англійскаго. Съ 1840 по 1847 г. Ч—въ путешествовалъ по южной Европѣ, изучая славянъ и исторію искусствъ. Возвратившись изъ заграницы въ 1847 г., Ч—въ задумалъ было издавать еженедѣльный журналъ, но программа послѣдняго найдена была вредною, при чемъ о Ч—вѣ было замѣчено, что онъ—„мечтатель безполезный" и что изъ него „не выйдетъ ничего существеннаго", а вмѣстѣ съ тѣмъ ему запрещено было жить въ столицахъ. Послѣ этого Ч—въ поселился въ кіевской губерніи и занялся тутъ шелководствомъ съ цѣлью распространить знаніе о немъ въ народѣ. Съ 1858 г. Ч—въ сталъ интересоваться промышленностью, издавалъ (вмѣстѣ съ Бабстомъ) журналъ „Вѣстникъ

Промышленности", а потомъ газету „Акціонеръ". Впослѣдствіи онъ всецѣло посвятилъ себя практической промышленности: сталъ предсѣдателемъ московскаго купеческаго банка и строителемъ желѣзныхъ дорогъ. Умеръ Ч—въ въ 1877 г., „оставивъ по себѣ память высоко-честнаго, энергическаго, необыкновенно даровитаго дѣятеля", какъ выразился о немъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей русской науки [1]). Громадное свое состояніе, въ полтора милліона рублей, Ч—въ завѣщалъ на основаніе высшаго техническаго училища въ г. Костромѣ. Всю жизнь свою Ч—въ велъ дневникъ, который завѣщалъ Румянцовскому музею, съ правомъ его обнародованія по истеченіи сорока лѣтъ со времени его смерти. Послѣднее свѣдѣніе о дневникѣ Чижова можетъ указывать, что онъ же внушилъ и Галагану мысль о такомъ же дневникѣ.

Отличительною чертою дневника Галагана является *искренность* автора и *правда* событій. Такіе дневники пишутся только для себя. Дневникъ Галагана заключаетъ въ себѣ исторію мятущагося духа юноши, который ищетъ *прямой дороги* въ жизни и никакъ не можетъ ее найти, сбиваясь въ жизненныхъ противорѣчіяхъ. Несомнѣнно, что умный и энергическій учитель (Чижовъ) постоянно возбуждалъ въ своемъ питомцѣ дѣятельность мысли, направляя послѣднюю къ исканію идеала. Можетъ быть, поэтому ученикъ въ своемъ дневникѣ постоянно раздваивается: одно говоритъ онъ, какъ ученикъ Чижова и совсѣмъ другое думаетъ, какъ сокиренскій *панычъ*. Такимъ образомъ психологія Галагана постоянно двоилась и никакъ не могла установиться... Поэтому въ словахъ и дѣйствіяхъ его видится постоянное противорѣчіе, которое ставитъ юношу иногда въ положеніе трагическое. Очень часто Галаганъ самъ видитъ, что *панычевскія* его наклонности побѣждаютъ другія разсудочныя его стремленія и тогда онъ объ этомъ только оговаривается въ дневникѣ („стыжусь"), но *панычъ* въ немъ превозмогаетъ надъ ученикомъ Чижова... Такимъ образомъ печа-

[1]) Историч. Вѣстн. 1883 г., февраль, 241.

таемый дневникъ представляетъ намъ любопытныя страницы изъ внутренней жизни поставленнаго въ самое счастливое положеніе юноши-богача. Внутреннюю же свою жизнь послѣдній раскрываетъ передъ нами до мелочей, при чемъ даетъ богатые матеріалы для исторіи современнаго ему общества. Кромѣ того, въ юношескомъ дневникѣ Галагана мы видимъ нарождающагося въ немъ народолюбца и народолюбца по преимуществу малорусскаго. Люди, близко знавшіе Галагана, говорятъ, что онъ былъ большой эстетикъ. Эта сторона его духовной природы вѣроятно и положила начало его любви къ Малороссіи, какъ можно думать по нѣкоторымъ лирическимъ мѣстамъ *дневника.* Восхищеніе, напр., Сокиренцами (прилуцкое имѣніе Галагана) указываетъ, что роскошная природа Малороссіи имѣла большое вліяніе не Галагана. Любовь къ этой природѣ Галаганъ перенесъ и на свой народъ, можетъ быть не безъ вліянія въ этомъ отношеніи и Чижова, который будучи чуждымъ Малороссіи, въ то же время несомнѣнно вліялъ на общее соціальное міровоззрѣніе Галагана.—Извѣстно, что позже Галаганъ раздѣлилъ любовь къ малорусскому народу съ такъ называемымъ славянофильствомъ (видимо, подъ вліяніемъ Чижова), но это обстоятельство все таки не заслонило его малорусскихъ симпатій, придавшихъ Галагану тотъ цвѣтъ, который наиболѣе долженъ быть въ немъ цѣнимъ. Въ концѣ концовъ, поставленный въ положеніе „господина“ нѣсколькихъ тысячъ „рабовъ“, Галаганъ не отрекся отъ юношескихъ своихъ стремленій и какъ только представилась возможность, явился несомнѣннымъ защитникомъ матеріальныхъ интересовъ этихъ родныхъ ему „рабовъ“.

А. Л.

1836. Февраль. 1-го. По утру, въ 8 часовъ, пришелъ Мокр.(ицкій); я рисовалъ довольно прилежно, но не могъ этотъ разъ окончить пейзажа, потому что воспользуясь (sic) болтливостью Мокр., я съ нимъ проговорилъ съ $^1/_4$ часа. Проигравши съ Фуксомъ часъ на фортопьяно, я довольно прилежно занимался

съ Тибо, и не сдѣлалъ ошибокъ въ диктантѣ. За обѣдомъ, я въ разговорѣ вполнѣ увидѣлъ еще разъ ненависть иностранцевъ къ русскимъ: они хвалили конфекты Вольфа и Амбіеля (?) и бранили почти Рязанова и Чернышова...

19. Сегодня поутру Чижовъ далъ мнѣ урокъ физики. Какъ хорошо онъ толкуетъ! Онъ прошелъ въ одинъ урокъ то, что я съ Сюби прошелъ въ пять...

23. По утру, въ $8^1/_2$ час., я съ Сюби отправились къ доброму Чижову; оттуда съ нимъ въ университетъ, чтобъ смотрѣть физическіе опыты *Щеглова.* На лекціи были: Лобановъ съ гуверн., Сергѣй Кочубей съ гувернер., Сюби, Чижовъ и я. Опыты были презанимательные и прелюбопытные. Сверхъ того, Чижовъ показалъ намъ почти всѣ кабинеты, университетскую библіотеку и церковь...

Мартъ 1. У насъ были: Свѣтъ, Миклашевскій и друг. Свѣтъ—премилой человѣкъ; онъ носитъ на себѣ сильной отпечатокъ Малороссіи и особливо Нѣжинскаго лицея; страстенъ къ наукамъ; часто дѣлаетъ (изъ себя?) сентиментальнаго; веселъ, но довольно неловокъ...

4. Сегодня былъ у меня Чижовъ. Что за прекрасный *человѣкъ* и *учитель*! Онъ у меня просидѣлъ отъ $8^1/_2$ до $11^1/_2$ Часъ съ четвертью занимались *тригонометріею,* проходили о *синусѣ, тангенсѣ* и проч.; потомъ разговаривали. Онъ мнѣ говорилъ, какіе его планы для будущности. О! онъ вѣрно прославится и я приготовляюсь писать его біографію. Мнѣ такъ понравились эти высокія планы что... что... право стала завидна его участь. Вопросъ: къ чему послѣ этого служитъ богатство? гдѣ человѣкъ безпрестанно развлекаемъ то должностью, то разными удовольствіями! Въ положеніи Чижова человѣкъ (любящій науку) совершенно посвящаетъ себя ей и тогда вѣрно онъ успѣетъ. А богатый—какой бы онъ ни былъ любитель науки, не можетъ предаться ей и тогда не будетъ успѣха. Послѣ этого, къ чему и заниматься богатому наукой?—Его дѣло убирать, украшать домъ, ѣздить на рысакѣ по Невскому, дѣлать бѣлье (sic), потому что безъ этого его осудятъ. Слѣдо-

вательно, гораздо лучше быть въ состояніи Чижова: онъ всегда прилично одѣтъ, всегда веселъ. Человѣкъ съ его состояніемъ можетъ давать бѣднымъ и помогать имъ, и эта жертва гораздо пріятнѣе Богу, нежели жертва богача, который даетъ бѣдному отъ своего избытка. Слѣдовательно, опять лучше быть бѣднымъ, чѣмъ богатымъ. Съ другой стороны, можно быть счастливымъ, добрымъ, не занимаясь наукой... Противорѣчіе! Вотъ какъ человѣкъ никогда не доволенъ своимъ состояніемъ! Одинъ хочетъ быть богаче, другой завидуетъ бѣдному!..

6. Вчера ввечеру былъ у насъ Чижовъ и читалъ *Джуліо Мости.* Какъ хорошо написано! Я бы право расцѣловалъ за это Кукольника. Какой легкой слогъ, какъ онъ слогъ этотъ принаравливаетъ къ тому, кто говоритъ...

12. Въ вечеру Чижовъ у насъ былъ и прочелъ второе отдѣленіе *Джуліо Мости* и *Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичомъ,* отъ которой мы всѣ такъ разсмѣялись, что въ боку кололо...

Апрѣль 14. Сегодня я былъ послѣ обѣда у Чижова и взялъ у него урокъ изъ аналитики, о точкѣ и о линіи. Онъ мнѣ сказалъ весьма непріятную вещь: именно, онъ манкировалъ въ пятницу у Кочубея. Этотъ послѣдній спросилъ у него— отчего онъ не былъ?—„Потому что я былъ на *Сильфидѣ!*"— Такъ вы не желаете, чтобы я приготовился?—Съ кѣмъ же вы были?—„Съ Галаганомъ". Какъ съ Галаганомъ? сказалъ Кочубей,—я не понимаю, какъ человѣкъ, который приготовляется къ университету, успѣваетъ ѣздить въ будни въ театръ...

22. Наконецъ, завтра мы отправляемся. До сихъ поръ я не имѣлъ той отважности, чтобы спросить моему сердцу (sic), довольно ли оно, что я ѣду? Посмотримъ, что оно скажетъ! *Сердце говоритъ:* я ѣду въ Секиренцы, въ мою родину, въ то мѣсто, которое мы такъ любимъ... *Разсудокъ говоритъ:* въ дорогѣ потеряется время...

Май 8. Дмитріевскъ. Мы ѣхали всю ночь и когда я подумаю, что сегодня мы въѣдемъ въ Малороссію, то мое сердце крѣпко забьется!

9. Полошки. Я въ Малороссіи! въ моемъ отечествѣ! Я не могу описать то пріятное чувство, которымъ я обладалъ (sic), войдя въ церковь [1]) и увидя, что я опять нахожусь съ мирными моими соотечественниками, которые (и мужчины, и женщины) такъ прекрасны! Пульхерія Ивановна [2]) предобрѣйшая дама и тѣмъ болѣе я ее люблю, что она такъ гонима судьбою! Садъ въ Полошкахъ очень мнѣ нравится. Теперь на дворѣ прекрасно! Соловьи, кукушки и всѣ птицы поютъ во всѣ лопатки. *Алтыновка* [3]). Мы проѣзжали чрезъ множество деревень и я вездѣ наблюдалъ за всѣми движеніями малороссіянъ. Сюби [4]) очень понравилась Малороссія и я этимъ доволенъ. Онъ находитъ въ мужикахъ что-то похожее на иностранное, напр., они брѣются, рубашку видно изъ за кафтана и они всегда имѣютъ сапоги.

10. Я въ Секиренцахъ, въ земномъ раю! Секиренцы, Секиренцы! я васъ нашелъ еще улучшенными и увеличенными. О милые, любезные, прекрасные Секиренцы! Земнымъ раемъ вы бы для насъ были, если бы жилъ творецъ и благодѣтель вашъ!

18. Вчера, *Duховъ день*, мы обѣдали въ Дегтеряхъ [5]) и очень весело провели время, катались въ лодкѣ, между тѣмъ какъ роговая музыка раздавалась въ саду...

19. Мы ѣдемъ въ Мостищи [6]), къ тетушкѣ, и заѣхали въ Ичню [7]). Здѣсь у насъ все въ порядкѣ. Я забылъ сказать, что мы обѣдали у Осипа Андреевича Миницкаго, въ Иванинѣ. Онъ добрый старикъ, но я бы не желалъ быть на его мѣстѣ: жить одному въ деревнѣ, имѣя подагру, это ужасно! Изъ Ични ввечеру мы ѣздили въ хуторъ Романовича; онъ проситъ за

---

[1]) Сегодня здѣсь храмъ (т. е. храмовой праздникъ).

[2]) Кажется, Скоропадская.

[3]) Село кролевецкаго уѣзда.

[4]) Повидимому гувернеръ Г. П. Г—на.

[5]) Село прилуцкаго уѣзда, принадлежавшее родному дядѣ Г. П. Галагана—Петру Григорьевичу Галагану. Въ семидесятыхъ годахъ Дегтяри подарены Галаганомъ полтавскому губернскому земству.

[6]) Село козелецкаго уѣзда, принадлежавшее Галаганамъ.

[7]) Мѣстечко борзенскаго уѣзда, тоже имѣніе Галагановъ.

него 10000 р., но отбираетъ пять десятинъ лѣсу изъ 41-й, и на это маменька не согласна...

21. Гнилица [1]). Какъ я люблю Гнилицу! Я какъ то особенно къ ней привязанъ. Здѣсь все наше, ни одного человѣка не видно чужого. И какъ пріятно, когда все это насъ любитъ, къ намъ привязано, чтобы смотрѣть на эту деревню, какъ на члена нашего семейства...

23. Вчера вечеромъ мы пріѣхали въ Мостищи, къ доброй тетушкѣ Вѣрѣ Ивановнѣ. Для 70-ти лѣтъ она очень сильна, имѣетъ хорошую память и хорошо играетъ но фортопіано. Можетъ быть несчастье сдѣлало ее таковою...

28. Сегодня былъ пріятный день. У насъ (въ Секиренцахъ) обѣдали: дяденька П. Г. съ тетенькою, Миша (Михаилъ Андреевичъ Марковичъ изъ с. Васьковцовъ), Г. Н. Милорадовичъ съ женою и Магеровская съ братомъ. Послѣ обѣда я былъ очень обрадованъ пріѣздомъ Н (иколая) С (тепановича) Огроновича. Потомъ я поѣхалъ провожать тетеньку въ кабріолеткѣ и доѣхали за Калюжинцы [2]). Тамъ у Лаврентія Ник. Милорадовича пиръ горой! Мы встрѣтили ces messieurs прохаживающимися по деревнѣ: три брата Милорадов., Трофимовскій, Брижинскій, Г. С. Тарновскій и Петръ Терновскій, который мнѣ даже не поклонился...

Іюнь 4. Сегодня къ обѣду съѣхались 18 человѣкъ гостей и мы всѣ поѣхали на (Деймановскую) ярманку [3]) (sic). Ее нечего описывать мнѣ, малороссу; во первыхъ, я ее не въ первый разъ вижу, а второе, что мнѣ трудно быть безпристрастнымъ. Все, что я скажу, это что я заставлялъ мужиковъ танцовать *козачекъ* подъ музыку трехъ скрипокъ. Ярманка этого года была блестящая, т. е. много красныхъ товаровъ, соли, дегтю, сала, сѣна, посуды, шерсти, рыбы, лошадей. Множество русскихъ купцовъ, жидовъ, десятки тысячъ малорос-

---

[1]) Тоже. Село прилуцкаго уѣзда.

[2]) Село Прилуцкаго уѣзда.

[3]) Село Деймановка Прилуцк. у.

сіямъ, много пановъ и проч. и проч. Къ вечеру мы пошли къ толстому дубу, который стоитъ возлѣ Деймановки. Такого дуба у насъ въ саду нѣтъ [1]); онъ почти въ четыре человѣческіе обхватки. Потомъ, мы всѣ сѣли на отлогости большого холма, откуда видна вся деревня и часть ярманки. Тамъ, въ тѣни фруктовыхъ деревьевъ *комиссаръ* (?) подчивалъ насъ мороженымъ. Симъ и окончилась ярманка. Я забылъ сказать, что Ив. Мих. Скоропадскій обѣдалъ у насъ...

10. Я забылъ сказать объ одной моей ошибкѣ: вчера въ вечеру я заспорилъ съ тетенькою (женою Петра Григор. Галагана); какъ обыкновенно защищалъ малороссіянъ... Надобно мнѣ отъучаться отъ пылу, который совсѣмъ не уменьшается; съ этимъ я могу надѣлать бѣды.

13. Маменька объявила мнѣ, что она недовольна что я купался вмѣстѣ съ садовникомъ и Лесикомъ [2]). Эго меня очень удивляетъ, тѣмъ болѣе, что она всегда меня учила не быть гордымъ, и я постараюсь не имѣть этого порока.

14. Я не могу терпѣть Лесика! Онъ дѣлается каждый день отвратительнѣе для меня; а послѣ того, что я о немъ слышалъ, то если я буду когда нибудь господиномъ, то онъ не будетъ знать ни Пѣсокъ, ни моего порога! Я слышалъ еще одну вещь: въ 1833 г., во время голода, въ Пѣскахъ, писарь, приказчикъ и друг. не давали крестьянамъ хлѣба; они взбунтовались и хотѣли бѣжать въ Секиренцы; ихъ не пустили.

17. Сегодня мы были очень обрадованы пріѣздомъ кузинъ и добраго Николя [3]); онъ мало перемѣнился и еще пополнѣлъ. Онъ показывалъ мнѣ свой лексиконъ и я увидалъ, что это, подлинно гигантскій трудъ. Академія совѣтуетъ ему продать

---

[1]) Посѣтивъ лѣтъ 15-ть назадъ Сокиренцы, мы удивлялись громадности множества дубовъ, находящихся въ Сокиренскомъ паркѣ. Болѣе громадные дубы видѣли мы только въ Диканкѣ, въ саду Кочубеевъ.

[2]) Управляющій одного изъ имѣній (с. Пѣсокъ) Г—новъ.

[3]) Повидимому, разумѣется Николай Андреевичъ Маркевичъ, авторъ „Исторія Малороссія.“

лишвія статьи Энциклопедическому словарю, но онъ хочетъ поднесть свой трудъ императору [1]).

Засимъ, съ 13 іюня 1836 въ „журналѣ“ перерывъ до 3 января 1838 года.

1838. Январь. 3. Опять принимаюсь я за журналъ, опять хочу повѣрять мои чувствованія, мысли, дружбу, любовь!... Когда то я писалъ въ этой книгѣ каждый день, ложась спать. Тогда я писалъ машинально, по внушенію Федора Васильевича; мои записки были полны пустыхъ описаній. Теперь же совсѣмъ другая цѣль заставляетъ меня писать журналъ, или лучше сказать я не имѣю никакой цѣли. Прежде я думалъ передать исторію моего юношества потомству! И какая другая цѣль могла находиться въ бѣдной 16-тилѣтней головѣ? Теперь же писать въ журналѣ есть потребность. Въ душѣ моей вмѣщается слишкомъ много чувствованій тайныхъ, которыхъ я не могу никому повѣрить, а между тѣмъ не могу вмѣщать ихъ въ себѣ; изложивъ же ихъ въ этой книгѣ, нѣкоторымъ образомъ остаюся покойнѣе... Послѣдняя строка моего стараго журнала была писана 13 іюня 1836 года. Съ тѣхъ поръ сколько замѣчательныхъ событій! Скоро послѣ того, я вступилъ въ университетъ; первый курсъ былъ странный удивительный, курсъ, который далъ во многихъ отношеніяхъ уроки опытности мнѣ, неопытному 17-тилѣтнему студенту... Теперь я студентъ 2-го курса, мнѣ 18-ть лѣтъ, я юристъ по названію. Я слушаю много профессоровъ... Теперь, въ Петербургѣ, у меня и у насъ гораздо больше знакомыхъ и жизнь наша разнообразнѣе, чѣмъ прежде. Мы живемъ недалеко отъ недавно переведеннаго на Васильевскій О—въ университета; живемъ вмѣстѣ съ Федоромъ Васильевичемъ. Я имѣю много товарищей, но мало друзей или лучше сказать одинъ (sic)—Жемчужниковъ [2]).

---

[1]) Вѣроятно рѣчь идетъ „о Словарѣ Россійск. Госуд.“, начало котораго был издано въ 1836 г.

[2]) Свѣдѣніе болѣе подробное о немъ—впереди.

13. Чрезвычайно загадочный для меня человѣкъ есть Федоръ Васильевичъ. Его философія, его умъ, его физическія страсти даже, потому что онъ имѣетъ на головѣ горбъ больше нежели у Сократа, его необыкновенная жизнь, все это заставляетъ меня думать и быть иногда увѣрену, что онъ человѣкъ необыкновенный, рожденный, чтобы быть великимъ! Иногда же вдругъ я разочаровываюсь и онъ представляется мнѣ съ весьма пошлой стороны. Этотъ человѣкъ совершенно отжилъ физически и теперь живетъ жизнью чисто духовной. На этой жизни онъ долженъ принесть пользу человѣчеству и тѣмъ обезсмертить свое имя; онъ рожденъ, чтобы быть однимъ изъ великихъ представителей нашего вѣка и, судя по направленію его ума, подвинуть философію и религію на высшую степень... Человѣкъ, съ юности окруженный людьми самыми обыкновенными, чтобы не сказать болѣе, и создавшій всѣ эти высокія понятія, не только ставящія его на ряду европейца, но еще на ряду тѣхъ людей, которые какъ путеводители, вожди, duces, ведутъ Европу изъ вѣка въ вѣкъ, такой человѣкъ невольно заставляетъ себя глубоко уважать и собою удивляетъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя вещи очень разочаровываютъ наблюдателя. Напримѣръ, его натянутая оригинальность весьма въ *немъ* (именно) непріятна; также и мелочныя занятія переводами въ *Библіотеку для Чтенія* и многое другое, все это есть достояніе ума обыкновеннаго... Впрочемъ ему 26 лѣтъ и весьма можетъ быть, что онъ вступитъ на великое свое поприще еще позже. Для великаго человѣка нѣтъ срока для исполненія своего назначенія. Если когда либо его имя будетъ гремѣть въ потомствѣ, то это еще болѣе подтверждаетъ, что великіе (люди) рождаются вездѣ, всегда и при *всѣхъ обстоятельствахъ*.

17. Сегодня я долго думалъ, какъ справедлива французская пословица *les extremités se touchent*. Это видно во всемъ: слабая женщина и мудрый философъ оба говорятъ, что *есть Богъ*, но какая разница въ ихъ понятіи... Надѣясь, что мой журналъ запертый въ шкатулкѣ на ключь, который я всегда ношу съ собою, не будетъ никѣмъ читаемъ, я передамъ мои

понятія о религіи, основанныя самимъ мною на нѣсколькихъ данныхъ...

19. Счастливецъ Морландъ! Онъ имѣетъ, чортъ возьми, все, что ему нужно, все, что ему пріятно имѣть; есть уроки получаетъ порядочный доходецъ, нанимаетъ хорошенькую квартиру; имѣетъ двѣ славныя собаки и—что всего лучше—прехорошенькую *Misi*, конкубину. Но чѣмъ же я несчастливъ? Я имѣю предобрѣйшую мать, ангела—мать, имѣю сестру, которая, кажется, меня любитъ, имѣю мудраго наставника Федора Васильевича, который также меня любитъ; въ университетѣ я не вмѣшиваюсь въ партіи аристократовъ и демократовъ, потому, что первые *глупы*, и чтобы съ ними связаться, надобно подличать, и хотя въ несчастномъ 1-мъ курсѣ я было началъ это дѣлать и тѣмъ пріобрѣлъ отъ нихъ же репутацію человѣка *добраго*, но теперь совсѣмъ ихъ оставилъ; вторые—слишкомъ *comuns*, и я держу *le juste milieu*. Со мною *Жемчужниковъ Полевой*, *Ульянинъ*, *Тулиновъ*; (они) меня любятъ, по крайней мѣрѣ, я отвѣчаю за двухъ первыхъ (особенно за перваго). Въ наукахъ я держусь хорошо; одни только приватные учителя и еще больше лѣнь—мѣшаютъ мнѣ заняться побольше...

20. Сегодня маменька получила письмо изъ Малороссіи. Все идетъ очень дурно у насъ; тамъ, какъ говорятъ, плутъ на плутѣ [1]). О какъ я съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда я выйду изъ университета и когда маменька дастъ мнѣ власть надъ ними, эти бестіи у меня не найдутъ для себя уголка; я явлюсь для нихъ тираномъ и, напротивъ, буду заходить въ избы крестьянъ, буду ихъ распрашивать, они будутъ меня любить! О! счастливое время!...

26. Я только что изъ театра, гдѣ студенты выкинули славную штуку; насъ было человѣкъ 60. *Der reisende Student* меня очень увлекъ: какъ бы я желалъ быть нѣмецкимъ студентомъ свободнымъ! И при томъ ученъ (?) не школьникомъ, какъ у насъ теперь. Мнѣ кажется, что я бы тогда былъ чортъ знаетъ, какъ счастливъ!

---

[1]) Разумѣется деревенская администрація.

Gaudeamus igitur! Bibimus collegiales! Мы въ театрѣ много шумѣли и я бы въ душѣ желалъ, чтобы вышла какая нибудь исторія!

Февраль 16. Что если я умру? Это ужасно! Однако все можетъ случиться. Я боленъ, петербургскій климатъ для меня ядъ... Мнѣ пришла прекрасная мысль въ голову: дай-ка я напишу завѣщаніе! Прекрасно, прекрасно!

Завѣщаніе. 1838 года, февраля 16 дня. Я, Григорій Галаганъ, въ случаѣ моей смерти или убійства, завѣщаю, чтобы тѣ, которые останутся послѣ меня, исполнили во имя Бога и всего для нихъ священнаго, слѣдующія статьи. 1-е. Въ Секиренцахъ, въ саду, есть долина, въ которой стоитъ дубъ съ образомъ. Идя отъ пруда въ глубину долины, вы увидите, пройдя колодезь, на лѣвой сторонѣ, довольно высокую, въ долину наклонившуюся березу; подъ этою березою я завѣщаю, чтобы меня похоронили!... Надъ мною поставить каменный крестъ, чтобы показать, что я былъ одинъ изъ послѣдователей великаго Іисуса Христа, и положить простой камень, безъ всякой надписи и фигуръ. 2-е. Сестрѣ и всѣмъ родственникамъ завѣщаю утѣшать добрую мать, которую я любилъ и уважалъ до послѣдней минуты... Сестрѣ моей (sic) Маріи благодарю за ея привязанность... Федора Васильевича Чижова благодарю за искреннюю его дружбу и за его мудрые совѣты, которые много послужили мнѣ къ добру. Надеждѣ Дмитріевнѣ Борковской желаю, чтобы нашелся человѣкъ который такъ бы ее любилъ, какъ я. Всѣхъ людей мнѣ въ мою жизнь служившихъ благодарю отъ всего сердца за ихъ привязанность и усердіе. 3-е. Все что мнѣ принадлежало я раздаю слѣд. образомъ: всѣ золотыя и бриліантовыя вещи и зеленую готовальню (старинную) съ зелеными фигурами я завѣщаю сестрѣ. 4-е. Маленькіе золотые часы и всю мою библіотеку завѣщаю Федору Васильевичу Чижову, въ знакъ истинной дружбы. 5-е. Серебрянные подсвѣчники съ серебряными щипцами завѣщаю милому товарищу Николаю Аполлоновичу Жемчужникову на память отъ человѣка истинно его любившаго. 6-е. Жеребца моего, находя-

щагося въ нашемъ конномъ заводѣ я завѣщаю продать и за деньги полученные отъ продажи, выстроить избы самимъ бѣднымъ нашимъ крестьянамъ секиренскимъ, гнилицкимъ, пѣсковскимъ, иченскимъ, прилуцкимъ и козелецкимъ. 7-е. Деньги, которыя найдете въ моей шкатулкѣ я завѣщаю отдать: $^1/_4$ Евдокиму, а всѣ прочія раздать всѣмъ людямъ (лакеямъ, поварамъ, кучерамъ и дѣвкамъ) въ знакъ благодарности за ихъ ко мнѣ услуги.

19. Я сегодня нечаянно подслушалъ разговоръ людей, т. е. лакеевъ, между собою; они говорили о насъ, но я ничего не могъ разслышать совершеннаго. Съ этой минуты у меня возрасла ужасная жажда узнать, какого они всѣ обо мнѣ мнѣнія. Что если они меня не любятъ?—Это ужасно!—Зачѣмъ я, презрѣнное существо, родился, чтобы сдѣлать столько несчастныхъ. Неужели четырехъ, а можетъ быть и семь тысячъ народа [1]) будутъ меня не любить. О жестокая судьба! Зачѣмъ вложила ты меня въ нѣдра жены богатаго помѣщика? Зачѣмъ я осужденъ быть невиннымъ виновникомъ несчастія столькихъ людей? О лучше я желалъ бы быть бѣднымъ, нищимъ, разбойникомъ, чѣмъ тѣмъ что я буду!—И послѣ этого могу ли я гордиться, что имѣю нѣсколько тысячъ рабовъ! мнѣ кажется, что я бы теперь возгордился, надѣвши лохмотья. Какъ я несчастливъ ужасно! Если я когда нибудь буду господиномъ всѣхъ этихъ рабовъ и если узнаю, что они меня не любятъ, то скорѣе я ихъ всѣхъ продамъ! Но нѣтъ—тогда я и мое семейство умретъ съ голода, потому что я самъ ничего не знаю и не буду знать, чтобы поддержать самого себя своими трудами!—Мнѣ суждено быть скотомъ, повелѣвать скотами.

Апрѣль. 5. Недавно была первая лекція Шакѣева и всѣ шумѣли; а потомъ кричали vivat Куторгѣ [1]). И я въ этомъ

---

[1]) Можно догадываться, что три тысячи „народа" Г—нъ прибавляетъ, расчитывая на наслѣдство бездѣтнаго дяди Петра Г-ча Галагана, которое впослѣдствіи и досталось ему.

[2]) Шакѣевъ и Куторга (М. С.)—профессора всеобщей исторія.

участвовалъ. Эта исторія много заставляетъ говорить о студентахъ. Потомъ, въ пятницу шестой недѣли (поста), былъ у насъ очень торжественный актъ, и я, хотя по гадкому притворству показывалъ противное, но въ душѣ очень былъ доволенъ, что меня выбралъ князь [2]) дежурнымъ при дамахъ, потому что этимъ показали, что (я) считаюсь однимъ изъ самыхъ comme il faut.

Іюль, 6. Ужасно усталъ! Похудѣлъ, поблѣднѣлъ. Наконецъ завтра кончается экзаменъ; наконецъ завтра мы ѣдемъ въ Малороссію. О счастье! о радость! Этого года (sic) я хорошо выдержалъ экзаменъ и почти во всемъ обязанъ себѣ самому.

Послѣ этого пропускъ до 8-го ноября.

Ноябрь. 8. Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ я въ Петербургѣ и уже пять недѣль какъ сижу дома. Да! мнѣ суждено проволочиться въ этой жизни больнымъ, лишеннымъ всѣхъ удовольствій, къ которымъ моя душа такъ стремилась. Секиренцы, милыя Секиренцы, я вами не буду вполнѣ наслаждаться. Другіе веселы, ѣздятъ, пляшутъ, веселятся, а я... что мнѣ предстоитъ?— мнѣ 19-ть лѣтъ, а я уже старикъ? Лучше не жить, чѣмъ такъ существовать! Послѣднія строки моего журнала были писаны 6 іюня, 7-го мы были уже въ дорогѣ. Я бралъ съ собою журналъ, но ничего не писалъ въ немъ. Опишу ли то время, которое провелъ дъ Секиренцахъ?—нѣтъ, это невозможно! Если бы мнѣ предложили выбрать для себя высшее блаженство, я бы сказалъ „возвратите мнѣ то время которое я провелъ тамъ“!

13. Что такое всѣ мои понятія, вся моя любовь къ человѣчеству, когда Федоръ Васальевичъ однимъ словомъ разрушаетъ все это. Я очень претендую на человѣчество (sic) и даже совершенно увѣренъ, что не пойду противъ него; между тѣмъ Федоръ Васильевичъ поймалъ меня и я самъ вижу ужасную ничтожность моихъ умствованій и претензій. Мы говорили о лакеяхъ. Я на нихъ ужасно сердитъ за ихъ неопрятность и говорили, что пер-

---

¹) Должно быть Дондуковъ-Корсаковъ, тогдашній попечитель.

вую вещь, которую я буду требовать отъ нихъ, есть опрятность.— „А будете ли вы сами подавать въ этомъ примѣръ?“ спросилъ Ф. Вас.—Это нужды нѣтъ! отвѣчалъ я, все таки буду отъ нихъ этого требовать! И я это сказалъ не отъ вѣтренности, нѣтъ! между тѣмъ, какъ это очень противъ всякаго человѣчества. Какое я имѣю право требовать отъ нихъ то, что самъ не дѣлаю, и еще—требовать отъ рабовъ? Итакъ, слѣдовательно, нельзя ничего требовать отъ нихъ, потому что границъ въ требованіяхъ положить нельзя. Одно то, что они мнѣ принадлежатъ, кричитъ противъ всякаго права человѣчества. Но что же дѣлать, судьба вручила мнѣ участь нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ: перемѣнить этого нельзя, но должно стараться, чтобы они поменьше чувствовали ужасную свою участь, а это очень трудно. Вопросъ, какъ должно съ ними поступать? Маменька нѣсколько разъ намекала, что боится, чтобы я не былъ слишкомъ строгъ... Меня все-таки ужасно огорчаетъ, что я не имѣю права претендовать на внутренюю образованность; ко мнѣ образованность также привита, какъ и ко всѣмъ русскимъ, а внутри я все-таки напитанъ отвратительнымъ азіатизмомъ.

21. Мнѣ кажется, что моя болѣзнь совсѣмъ не уменьшается; я довольно сильно кашляю. Боже! какъ протекаетъ моя молодость!

Какъ мнѣ нравится это:

— Ой волы, волы да половіе,
Чомъ же вы не орете?
Ой лита мои да молодіи
Чомъ же вы марно идете!
— Коли бъ намъ погоничи,
Може бъ мы и орали!
Ой колибъ намъ весело було,
Можебъ мы й погуляли!..

27. Сегодня былъ у насъ опять *совѣтъ* (consilium) между Чаруковскимъ и Бушемъ, и они оба въ одинъ голосъ, также какъ и Раухъ, присудили мнѣ ѣхать за границу, *въ Италію*. Легко сказать! но куды тогда дѣнутся всѣ мои занятія? Тогда

пропалъ мой карьеръ, т. е. по крайней мѣрѣ мнѣ надобно попрощаться съ 10-мъ, 12-мъ и даже 14-мъ классомъ, хотя я вовсе не дорожу службою... Не смотря на то, я не могу жить въ холодномъ Петербургѣ; я здѣсь изчахну, потому что душѣ нѣтъ пищи! Тамъ, въ Италіи, на югѣ, найду я ту жизнь, которой жаждетъ моя душа! Въ той прекрасной природѣ оживу я! Тамъ я забуду... Я также не могу служить! Къ чему мнѣ служба? если не вовсе, то по крайней мѣрѣ долгая? къ чему, когда я довольно богатъ, чтобы жить спокойно даже и съ самымъ ничтожнымъ чиномъ. Но нѣтъ, не богатство меня удерживаетъ отъ службы,—меня удерживаютъ Секиренцы... Для васъ (sic) хочу я посвятить всю жизнь мою; вы главный предметъ моей жизни. Любезный папенька! твоя прекрасная благогородная душа создала Секиренцы! ты поэтъ! да ты поэтъ... Въ твоемъ изящномъ твореніи виденъ твой образованный умъ. Я докончу твою работу, я довершу ее...

Декабрь, 9. Вотъ урокъ въ жизни! Я весь еще трепещу... Сейчасъ я получилъ письмо отъ дяденьки, который пишетъ о статьѣ Ф. Вас. о *Роменской ярмаркѣ*. Въ этой статьѣ онъ касается личности Ивана Михайловича Скоропадскаго. Когда Ф. В. мнѣ читалъ эту статью, то мнѣ хотѣлось остановить его, но нѣтъ—онъ напечаталъ! Тамъ ее прочли и теперь, по словамъ дяденьки, послана въ Сѣверную Пчелу статья противъ него. Но это бы было ничего! Онъ стоитъ очень дерзкаго отвѣта, но дяденька пишетъ, что въ этой статьѣ касаются и до другихъ лицъ. Это меня крайне безпокоитъ. Боже! что если въ ней касаются хоть однимъ словомъ до нашего семейства? Положимъ, что Ф. В. имѣя вѣсъ въ теперешней русской литературѣ, предотвратитъ эту статью чрезъ сношеніе съ цензурою. Но одно то, что она была написана, прочитана *тамъ всѣми*—приводитъ меня въ отчаяніе. Теперь Ф. В. поѣхалъ поправлять свою ошибку. Но нѣтъ онъ ее не можетъ поправить! Достигнувши до извѣстной степени вліянія на мерзѣйшую литературу въ мірѣ, онъ уже возмечталъ Богъ знаетъ что.

16. Слава Богу! Теперь я спокоенъ. Сейчасъ Ф. В. получилъ письмо отъ Краевскаго, который присылаетъ ему статью противъ него оаписанную и въ ней нѣтъ ничего дурного. Ее писалъ какой то *Чужбинскій*. Статья написана очень дѣльно, какъ мнѣ кажется. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ писалъ о такихъ вещахъ, которыхъ онъ не зналъ.

1839. Генварь 7. Я ожидалъ съ большимъ, нетерпѣніемъ той минуты, когда я увижу имя Секиренецъ напечатаннымъ въ *Библіот. для Чтенія*. И что же? Я это увидѣлъ. Фед. Вас. въ своей статьѣ *малороссійская лѣнь*—съ восторгомъ говоритъ о нихъ. Десятки тысячъ людей прочтутъ это имя, столь для меня любезное!

21. Моимъ сердцемъ въ первый разъ овладѣло новое чувство,—это чувство *мщенія.*. Мы обижены! Вотъ въ чемъ вся исторія. Я уже говорилъ (9 декабря) объ отвѣтѣ изъ Малороссіи на статью Фед. Вас. Я былъ въ отчаяніи. Но теперь я узналъ, что это не есть настоящій отвѣтъ. Этотъ же присланъ сюда семь дней тому назадъ для помѣщенія въ *Сѣверную Пчелу*. Въ немъ говорится съ ужасными насмѣшками о Фед. Вас. Мишу [1]) называютъ *животнымъ*; нашъ домъ—*негостепріимнымъ, куда не заходитъ запоздалый путникъ.* Это еще бы была не бѣда! Чортъ съ ними! Но Раковичъ, который теперь пріѣхалъ изъ Малороссіи, разсказывалъ у Казадаева, что въ этой статьѣ было помѣщено много насмѣшекъ на маменьку, которая такъ невинна въ этой мерзкой исторіи. Когда я вздумаю, что эта статья была читана у Григорія Степановича [2]), при всѣхъ, что Григ. Степ. упрашивалъ вычеркнуть то, что было написано о маменькѣ, то я готовъ выйти изъ себя. Какой позоръ! Казадаевъ ужасно сердится на Фед. Вас., говоритъ, что пожалуется министру за то, что онъ въ

---

[1]) М. А. Маркевичъ, изъ Васьковцевъ.

[2]) Григорій Степановичъ Тарновскій, богатый черниговскій помѣщикъ, сосѣдъ Галагановъ по Качановкѣ, въ которой онъ жилъ.

Библ. для Чт. писалъ о тётенькѣ Софьѣ Александревнѣ [1]); статью, въ которой замѣшана бѣдная маменька, писалъ какой-то мерзавецъ Карпинскій, имя котораго я въ первый разъ слышу. Его вѣрно научилъ Иванъ Мих. Скоропадскій.

Февраль. 15. Я сейчасъ былъ на похоронахъ *Сперанскаго*; тамъ я видѣлъ множество каретъ, въ которыхъ пріѣхали по должности, по народу вовсе нѣтъ. Умри такой государственный человѣкъ и при томъ собиратель законовъ, въ Англіи или Франціи и—десятки тысячъ простаго народа сопровождали бы его гробъ съ чувствомъ благодарности. А у насъ? Никто объ этомъ и не знаетъ. Бѣдный народъ... онъ вовсе не знаетъ о существованіи законовъ, они ему вовсе не нужны...

Засимъ слѣдуетъ конецъ тетради: Прощай журналъ, прощай! Я много надъ тобою радовался, печалился, сердился, пролилъ много слезъ отъ полноты чувства. Прощай, мой другъ, мой товарищъ. Тебя заступитъ теперь красиво переплетенная книжка съ латинскою надписью: *Forsan et haec olim meminisse juvabit.* Но все таки я сомнѣваюсь, чтобы какую нибидь другую книгу мнѣ бы было такъ пріятно вспомнить, какъ тебя, содержащаго въ себѣ лучшее время моей жизни. Прощай еще разъ! Я тебя распечатаю, чтобы посмѣяться, а можетъ быть и поплакать! Итакъ, до свиданія, мой другъ!

С.-Петербургъ. По Васильевск. Острову, въ первой линіи, домъ Лодера. 1839. Февраля 23.

Засимъ слѣдуютъ выписки изъ журнала, книги второй, начинающейся съ 25-го февраля 1839 года.

Мартъ. 9. Наконецъ послѣ четырехъ скучныхъ мѣсяцевъ я былъ вчера въ университетѣ. Не могу выразить, какъ билось мое сердце при входѣ въ нашъ родной университетъ. Меня встрѣчали многіе съ восторгомъ, съ поздравленіями съ выздо-

[1]) Софья Александровна—жена Петра Григ. Галагана и сестра Вл. Ал. Казадаева.

ровленіемъ; другіе косились на меня, попрежнему, съ злобной насмѣшкой; но при всемъ томъ я былъ въ восторгѣ... Уроки которые я взялъ въ университетѣ, мнѣ достались очень дорого! Я вошелъ въ университетъ неопытнымъ, мальчикомъ' совсѣмъ незнавшимъ свѣта и особенно молодыхъ людей. Я до сихъ поръ краснѣю, когда вспомню, какъ я звалъ новыхъ товарищей посмотрѣть на мою колясочку, которую мнѣ подарила маменька! Я думалъ тогда, что они будутъ ею восхищаться самымъ невиннымъ образомъ, а напротивъ они надо мной смѣялись и называли меня глупымъ мальчикомъ. У меня сердце раздиралось при мысли, какъ я себѣ напортилъ въ мнѣніи товарищей, желая войти въ общество аристократовъ и удалиться отъ такъ называемыхъ демократовъ... Но я себя утѣшаю тѣмъ, что рано или поздно я долженъ былъ взять нѣсколько уроковъ въ жизни и что они обыкновенно стоятъ очень дорого особенно для человѣка, получившаго такое воспитаніе, какъ я...

10. Фед. Вас. сообщилъ мнѣ прекрасную мысль, которая мнѣ очень нравится: что вѣротерпимость въ народѣ не есть столько признакъ его образованности, какъ недостатка въ немъ энтузіазма. Сколько я могъ замѣтить изъ исторіи англійской конституціи, которую намъ читаетъ теперь Ивановскій, въ англичанахъ не было вѣротерпимости и потому все у нихъ вышло изъ собственныхъ элементовъ. Это есть народъ самаго высокаго образованія...

18. Вчера ввечеру я быллъ у Ульянина на холостомъ вечерѣ, (онъ былъ именинникъ). Я засталъ совсѣмъ не то общество, которое думалъ застать. Вмѣсто того, чтобы быть въ кругу Тулинова, Полеваго, Жемчужникова, Аксакова и другихъ моихъ скромныхъ, хотя очень шумныхъ и веселыхъ товарищей, я очутился въ обществѣ нашихъ развратныхъ аристократовъ—товарищей. Былъ кн. Д., кн. В., Л—новъ и пр., и проч. Они играли въ карты, и такъ какъ кн. В. заболѣлъ и уѣхалъ, то они пригласили меня съиграть съ ними три робера въ винтъ. Я имѣлъ глупость, вовсе не зная игры, согласиться на ихъ предложеніе. Черезъ полъ часа я проигралъ 23 рубля. Я игралъ

болѣе для того, чтобѣ узнать, что буду чувствовать, когда проиграю?—Ничего особеннаго; жалко потерянныхъ денегъ; я бы ихъ могъ лучше употребить, и при томъ я чувствую, что я гадко провелъ время. Теперь остается мнѣ занять денегъ (у меня давно нѣтъ ни копѣйки) такъ, чтобы никто этого не зналъ.

20. Сегодня утромъ было у меня долгое преніе съ моимъ учителемъ философіи студентомъ Веревкинымъ объ одномъ мѣстѣ нравственной философіи, которую намъ читалъ Фишеръ. Нично такъ не развиваетъ понятій, не даетъ новыхъ мыслей, какъ философскіе споры...

Май. 31. Яковъ Петровичъ Скоронадскій [1]) пріѣхалъ изъ Малороссіи и принесъ вѣсть, что дяденька (П. Гр. Г—нъ) къ Петрову дню поѣдетъ къ Петру Александровичу Казадаеву. Стало быть праздника въ Дегтярахъ не будетъ! Жаль! Я на этотъ праздникъ много надѣялся въ разныхъ отношеніяхъ.

Іюнь. 13. Мы теперь въ Москвѣ, проѣздомъ на Воронежъ, окруженный јіс моими родными добрыми, веселыми, радушными Гудовичами... Съ нашими Гудовичами можно провести время какъ въ раю: какія ласки, какъ много пищи для чувствъ, но не знаю, если прожить съ ними долго, много бы можно найти пищи для ума? Сомнѣваюсь въ томъ...

16. Теперь мы въ Поливановѣ, у Маковой (?), любезной и умной тетеньки Катер. Никол. (Андрей Ивановичъ въ Москвѣ). Ахъ, какъ здѣсь хорошо, какъ все поставлено на барскую ногу! Все дышетъ аристократіей. Мнѣ отвели прекрасную, надушенную комнату, которую обыкновенно даютъ Трубецкому. Какой comfort во всемъ, начиная отъ прекраснаго стола до постели...

26. Полошки. Вчера мы сюда пріѣхали. Прелестная, милая Малороссія, я опять на твоей землѣ и съ новою радостью, и съ новою къ тебѣ любовью!...

28. Я въ Секиренцахъ! Какъ долго я ожидалъ этой минуты, когда пріѣду въ прекрасныя Сокиренцы! О! зачѣмъ эта минута не такъ для меня пріятна, какъ я этого ожидалъ!... Поводомъ къ этому служили, кромѣ какого-то расположенія къ

---

[1]) Помѣщикъ конотопскаго уѣзда, изъ с. Гайворона.

грусти, дурная погода и сильный холодный дождь... А еще болѣе другое обстоятельство: мы пріѣхали неожиданно, а потому никѣмъ не были встрѣчены... Столь пріятная живая и даже чувствительная минута встрѣчи всѣхъ дворовыхъ людей у воротъ, за воротами, у крыльца,—эта прекрасная минута утеряна...

Іюль. 7. Гнилица. Стыжусь написать въ журналѣ, что чувствую, потому что нахожу эти чувства не совсѣмъ похвальными и плодами пустаго и сильнаго тщеславія. Мнѣ страхъ какъ пріятно дѣлать видъ господина и господина-деспота, важничать передъ мужиками, которые ходятъ вслѣдъ, чтобы на меня насмотрѣться или чтобы подать жалобы, искать милости. Мое сердце бьется пріятно, когда толпа мужиковъ мнѣ низко кланяется и я гордо мимо ихъ прохожу и благосклонно отдаю имъ ихъ поклоны легкимъ киваніемъ головы. Какое тщеславіе! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это льститъ безхарактерной душѣ! Впрочемъ, отбрасывая это въ сторону, я думаю, что мнѣ нужно принять какой нибудь видъ передъ нашими рабами, надобно ихъ пріучить къ той мысли, что имъ недолго остается ужъ плутовать и раззорять наше бѣдное имѣніе...

8. Какъ я люблю милую Покорщину [1]); въ той какъ то особенно радуется душа... Эта пышная природа, которая окружаетъ домъ, густые, тѣнистые каштаны, высокія, величественныя тополи, одинокія пирамиды, плакучія березы и красный шиповникъ, все это видно изъ открытаго окна, передъ которымъ я теперь сижу, и свѣжій, ароматный воздухъ наполняющій садъ, послѣ минувшей грозы, и портретъ прелестной блондинки (княгини Хованской, сестры Катерины Ефимовны, моей прабабушки) въ граціозномъ старинномъ костюмѣ, съ розой на груди, все это производитъ (дѣлаетъ) на меня необыкновенное впечатлѣніе...

18. Поѣхалъ съ Ушаковыми въ Ромны, на ярмарку, гдѣ не случилось со мной ничего замѣчательнаго; я тамъ пробылъ

---

[1]) Имѣніе Галагановъ подъ г. Козельцемъ; теперь принадлежитъ *Коллегіи Павла Галагана.*

19-е число, а въ самый Ильинъ день воротился домой, гдѣ засталъ все семейство Борковскихъ. Черезъ два дни всѣ дамы этого семейства уѣхали въ Роменъ на три дня, а сыновья оставались у насъ... Пріѣхалъ изъ Одессы дяденька Петръ Григорьевичъ, больной, и я тотчасъ поскакалъ въ Дегтяри „pour faire la cour au chèr oncle“.

Августъ. 26. Вчерашній день начался ужасными, тяжкими для меня прощаніями. Мы выѣхали (изъ Секиренецъ) въ 11 ч. утра. Насъ провожали всѣ родственники, проживавшіе у насъ послѣдніе четыре дня безвыѣздно, т. е. всѣ Маркевичи, Милорадовичи (часть ихъ), дяденька Петръ Григорьевичъ и проч., и проч. Кромѣ того (что меня очень тронуло) насъ провожали со слзеами вся многочисленная дворня. Наконецъ мы тронулись за роковыя ворота...

Сентябрь. 16. Сегодня я былъ въ первый разъ въ университетѣ по моему пріѣзду (sic). О Боже! я туда шелъ, я туда бѣжалъ съ какою то радостью, которую я самъ не понималъ; душа радовалась чему то, какъ радуется, когда я пріѣзжаю къ родственникамъ, которыхъ я не видѣлъ. Я увидѣлъ почти всѣхъ товарищей; каждый изъ нихъ подалъ мнѣ руку съ улыбкой, холодной, ледяной улыбкой, какъ будто мы вчера только разстались... Я сидѣлъ на лекціи Кранихфельда, нарочно отдѣльно отъ другихъ, и все время думалъ: вотъ толпа студентовъ, нѣтъ—школьниковъ, въ которой я пробылъ всѣ лушіе годы моей молодости и еще долженъ провесть годъ.... Эти школьники (въ полномъ смыслѣ) и изъ нихъ „первый есмь азъ“, находятся въ университетѣ для выгодъ службы и больше не для чего.

1840. Февраль. 12. Сегодня, послѣ обѣда, мы начали разсуждать—маменька, дяденька и я—о русскихъ и малороссійскихъ мужикахъ. Они оба обвиняли, какъ обыкновенно, малороссіянъ за ихъ нелюбовь къ помѣщикамъ и хвалили русскихъ за то, что они любятъ своихъ помѣщиковъ, какъ дѣти отца. А вѣдь это говорилъ дяденька, который многимъ доказалъ, что онъ очень и очень уменъ. Что же дѣлать?—не передѣлаемъ

русскаго сердца! Я началъ съ жаромъ говорить, какъ думаю объ этомъ предметѣ. Я говорилъ, что еслибъ я былъ помѣщикомъ и въ Россіи, и въ Малороссіи, я бы больше любилъ тѣхъ моихъ мужиковъ, которые меня бы не любили, т. е. малороссіянъ, при равныхъ условіяхъ съ русскими; я говорилъ, что это показываетъ въ нихъ чувство собственнаго достоинства.—„Но малороссъ снимаетъ передъ тобой шапку изъ одного страха", возразили дяденька и маменька.—Да! сказалъ я, и такъ бы и я поступилъ, еслибы имѣлъ несчастіе быть крѣпостнымъ. Я бы ненавидѣлъ моего помѣщика отъ того только, что онъ мой неограниченный господинъ, что я принадлежу ему и—тутъ пошелъ катать... Мои противники были побѣждены, хотя разумѣется въ томъ не сознались...

24. Сейчасъ пришли мнѣ сказать, что нашъ славный кучеръ Александръ умеръ. Умеръ! ахъ! я не могу объ этомъ вспомнить, не заливаясь слезами. Но что сдѣлаютъ слезы? Какъ страненъ человѣкъ... Мнѣ теперь такъ жалко, что я съ нимъ грубо обходился въ послѣднее время. Я его подозрѣвалъ въ плутовствѣ. Можетъ быть онъ не виненъ. Я все вижу передъ глазами, какъ я его ударилъ по щекѣ въ Секиренцахъ за то, что онъ былъ пьянъ. Ахъ, это раздираетъ мое сердце. О какъ я не достоинъ былъ быть его господиномъ. Онъ былъ очень уменъ, слишкомъ уменъ, чтобы быть счастливымъ въ его ужасномъ положеніи. Ахъ, какъ онъ понималъ всѣ мои глупости. Онъ жалѣлъ, что имѣлъ такого господина. О Александръ! если ты существуешь внѣ земли, то сжалься надо мною, прости меня, умоляю тебя! Ты всегда видѣлъ, какъ я глупъ, ты меня презиралъ, а между тѣмъ долженъ былъ лишь повиноваться, несчастный! а ты достоинъ былъ быть моимъ господиномъ, а не моимъ рабомъ. Бѣдный Александръ! Онъ хотѣлъ пріѣхавши въ Секиренцы жениться и завестись хозяйствомъ...

Іюнь. 17. Я уже вышелъ изъ университета, съ 8-го числа я уже не студентъ. Я объ этомъ не писалъ до сихъ поному, что этотъ выходъ мой вовсе не произвелъ на меня сильнаго впечатлѣнія. Какая разница съ входомъ въ университетъ!

Августъ. 3. Станція Есмерлейское, херсонской губерніи. Какъ мнѣ жаль теперь, что я не описывалъ нашего путешествія [1]) по мѣрѣ того, какъ ѣхалъ; сколько пріятныхъ впечатлѣній я находилъ на моей дорогѣ (sic) и они всѣ потеряны, благодаря моей лѣни. Я проѣхалъ всю нашу прекрасную Украину, увидѣлъ центръ ея національности (?)—Лубны, Хоролъ и замѣтилъ, что здѣсь гораздо больше . . . . . (?) козачества, нежели въ Прилукѣ. Въ центрѣ полтавской губерніи еще существуетъ національный духъ... Оставя Кременчугъ, мы переѣхали черезъ Днѣпръ; я въ первый разъ выѣхалъ изъ Малороссіи на югъ отъ нея. Она мнѣ показалась тогда, какъ островъ, окруженный моремъ—Россіей. Переѣхавши Днѣпръ, и до сихъ поръ мы ѣдемъ по безлюдной степи; изрѣдка она вся въ горахъ, изрѣдка—гладка, какъ столъ.

28. Вчера мы возвратились изъ нашего путешествія въ Мостище. Мы выѣхали изъ Секиренецъ 21-го числа и обѣдали въ Прилукѣ, гдѣ было много жалобъ [2]), которыя маменкка всѣ очень хорошо рѣшала. 22-е число мы весь день провели въ Гнилицѣ. Хозяйство идетъ худо, хотя и лучше прежняго. Что хуже всего это—что крестьяне бѣдны. Мы ѣздили по деревнѣ и осматривали избы: онѣ всѣ очень плохи. Много значитъ, что негдѣ взять матеріалу для строенія. Мнѣ, т. е. моему самолюбію было вездѣ пріятно, что на меня смотрятъ какъ на *пана!* Я желаю очень, чтобы меня такъ боялись, какъ боялись папеньку. Мы въ Гнилицѣ много говорили съ маменькою о нашемъ сосѣдствѣ: какъ хороши Секиренцы и какъ гадки сосѣди, исключая Миши (Маркевича). Всѣ люди фальшивые, гадкіе, готовые на все дурное. Изъ нихъ первый есть мой дядя. Да! Я бы не могъ сказать, какъ Евгеній Онѣгинъ: „мой дядя самыхъ честныхъ правилъ"…. Гдѣ у этого человѣка честь? Гдѣ у него совѣсть? Впрочемъ, чортъ съ нимъ! Я ужасно настаивалъ у маменьки,

---

[1]) Вернувшись изъ Спб. въ Секиренцы, лѣтомъ 1840 г. Галаганъ отсюда поѣхалъ съ будущимъ своимъ зятемъ гр. Комаровскимъ въ Одессу, на пути куда и сдѣлана приведенная запись.

[2]) Въ г. Прилукѣ у Галагановъ также были крестьяне.

чтобы она взяла имѣніе отъ бабушки Вѣры Ивановны. Пока она умретъ, имѣніе совсемъ будетъ разорено плутомъ Давидомъ.

Сентябрь. 4. Ахъ какое непріятное чувство мною владѣло все сегодняшнее утро! Я достигъ того, что иногда очень желалъ и увидѣлъ всю гадость этого: я наказалъ человѣка. Вчера вечеромъ Михайло кондитеръ дѣлалъ ужинъ въ дѣвичьей, въ лѣсу (sic), и завелъ пьянство и кричалъ самъ во все горло. Такъ какъ этотъ порокъ за нимъ уже былъ замѣченъ, то я просилъ маменьку, чтобы она мнѣ поручила это дѣло; она согласилась. Сердце мое билось отъ нетерпѣнія наказать его и устрашить всю дворню. Я велѣлъ все приготовить и пошелъ въ ту комнату, гдѣ людямъ варятъ ѣсть. Тамъ были уже три кучера: Василій, Степанъ и Прокопъ. Я велѣлъ позвать Петра и Михайлу. Петру велѣлъ дать съ десятокъ пощочинъ и выгналъ вонъ. Потомъ, не смотря на всѣ просьбы и слезы Михайла кондитера, я разругавши его, велѣлъ положить и сѣчь. Онъ началъ кричать и послѣ 15-ти или 16-чи ударовъ, мнѣ стало такъ больно, что я сказалъ—довольно, а самъ ушелъ. Мною овладѣло самое непріятное чувство отвращенія отъ самого себя и отъ другихъ. Мнѣ казалось, что я могъ поступить иначе, но не смотря на то я не могъ не замѣтить, что на меня начали всѣ смотрѣть, какъ на страшнаго человѣка. Какое и тутъ тщеславіе! J'ai agi en maitre!

8. Сегодня мы возвратились изъ Дорогинки, гдѣ былъ балъ. Мы пріѣхали туда 5-го числа въ 10 часовъ вечера; ѣхали по ужасной и даже опасной дорогѣ; вдругъ въѣзжаемъ въ дворъ, видимъ ярко освѣщенный внутри и иллюминованный снаружи домъ и слышимъ музыку, играющую Aurora-walzer! Вотъ я никакъ не думалъ, чтобъ эта Казадаева могла такъ хорошо принять своихъ гостей. Мы были очень хорошо приняты во всѣхъ отношеніяхъ. Танцующихъ было 16 паръ или около того. Дѣвушки всѣ никуда не годились. Самая comme il faut, т. е. получившая лучшее воспитаніе или скорѣе сказать, больше знающая, была С—ая. Блѣдная, какъ стериновая свѣча и

смотрящая мнѣ въ глаза съ самымъ большимъ безстыдствомъ; вѣроятно хочетъ, меня имѣть въ этомъ семействѣ; но это мало занимаетъ мое самолюбіе. Другая дѣвушка—Тр—на, не дурна собой, при томъ была со вкусомъ одѣта; но она должно быть также холодна, какъ ихъ мать. К—вы были всѣ три: невѣсту очень хвалятъ, но мнѣ она нисколько не нравится. Были еще дѣвушки, но объ нихъ нечего и говорить.—Дамы были двѣ хорошенькія. Триф—ая первая была очень хороша, но во первыхъ, холодна, а вовторыхъ, имѣетъ въ манерахъ и особливо въ языкѣ что то, что отвращаетъ отъ себя при первомъ словѣ. Другая дама *Миницкая*, урожденная *Клица*, гречанка [1]), въ полномъ смыслѣ, съ правильнымъ греческимъ лицемъ...

16. Сегодня мы отправимся въ Дегтяри. Завтра тамъ большой праздникъ, на которомъ мнѣ надобно будетъ отличаться... Что за странный человѣкъ Петръ Григорьевичъ; съ одной стороны довольно хорошій, съ другой очень дуренъ, гадокъ даже!..

21. Только теперь возватились изъ Дегтярей, гдѣ я провелъ очень пріятно время... Хочу описать всѣ пять дней, которые тамъ провели. Мы пріѣхали 16-го числа вечеромъ. Въ тотъ день у насъ обѣдали Тарновскіе, Ант. Степ. Милорадовичъ и Миша съ Катенькою. Мы застали уже полный домъ гостей. Началась музыка съ претрудной увертюры; потомъ игралъ Галенковскій своего сочиненія на *Петруся*; потомъ опять увертюра; потомъ игралъ Артемъ, а тамъ фортепіанистъ Бертольдъ. На другой день, утромъ, начались поздравленія; за ними всѣ мужчины сѣли за карты. И я одинъ, да изрѣдка Мишель, были въ гостинной съ дамами. Здѣсь общество мужчинъ совершенно отдѣльно отъ женскаго, впрочемъ о чемъ будутъ они говорить съ дамами? они не выходятъ изъ сферы картъ, хозяйства и злорѣчія... Въ четыре часа всѣ пошли за столъ. Обѣдающихъ было 122 человѣка. За обѣдомъ, при поздравленіи, играли торжественный тушъ. Послѣ обѣда всѣ отправились по своимъ

---

[1]) Нѣжинская.

квартирамъ; я пошелъ на квартиру Миши, который былъ помѣщенъ съ Закревскимъ и Штекеромъ. Я принесъ собою *Кобзаря* Шевченка. Пришли къ намъ Лаврент. Никол. (Раковичъ?) и Николай Иванов. и мы начали читать. Когда Закревскій услыхалъ, какъ я читаю по малороссійски, то началъ отъ радости меня обнимать. Онъ разсказалъ пресмѣшные анекдоты про малороссіянъ. Послѣ чтенія мы всѣ пошли на верхъ, гдѣ уже застали всѣхъ дамъ собранныхъ. Для начатія бала ожидали сестру. Она явилась наряженная съ большимъ вкусомъ; она была хороша и всѣ на нее смотрѣли. Начали съ торжественною польскою (sic), потомъ пошли кадриль за кадрилемъ... Викторія Карева очень ловко вальсируетъ. Первый кадриль я танцовалъ съ Закревскою... Она не глупа, но дурна собою. Кадриль Галенковскаго такъ всѣмъ понравился, что вздумали Ник. Иванов. и другіе вызвать его, что произвело ужасный шумъ. Балъ кончился мазуркою; я танцовалъ съ Закревскою и былъ въ первой парѣ...

Октябрь. 7. Вчера была сватьба нашего Никифора, который женился на Кристинѣ... Послѣ церемоніи, вся сватьба пошла съ музыкою въ деревяный флигель и начались танцы. Я нѣсколько разъ ходилъ смотрѣть на танцующихъ. Исполненный духомъ украинской національности, я трепеталъ отъ радости при видѣ, какъ парубки и діучата (sic) отплясывали; мало-по-малу я началъ вникать въ танцы, въ выраженіе лицъ, въ костюмы, которые такъ быстро измѣняются; началъ вспоминать при видѣ цвѣтовъ и шапокъ на головахъ дивчатъ и паробковъ—о милой нашей старинѣ... Притомъ я читаю Энеиду Котляревскаго, гдѣ такъ чистъ и вѣренъ нашъ языкъ.

1841. Январь. 10. Я прочелъ отрывокъ малороссійской исторіи Николая Маркевича и нашелъ въ ней нѣкоторые недостатки. Что мнѣ въ ней очень не нравится, это совершенное отсутствіе разсужденій, отсутствіе философіи, которая въ наше время составляетъ сущность и основу исторіи. Я давно уже постоянно думаю о Малороссіи нашей любезной, но еще ни разу не писалъ о ней. Мнѣ препятствуетъ главное—незнаніе ея исторіи;

я не могу себѣ простить, что до сихъ поръ не прочелъ то, что о ней написано.

11. Мнѣ кажется, что надобно прежде чѣмъ писать мысли о Малороссіи, опредѣлить ее въ географическомъ, этнографическомъ и политическомъ значеніи. Я знаю, что первый опытъ у меня будетъ безалаборный, просто набросанный въ безпорядкѣ, но послѣ изъ него можно будетъ составить другой.

Февраль. 16. Я началъ было писать мои мысли о Малороссіи, бросилъ, опять было принялся и опять бросилъ. Теперь бы могъ опять продолжать да никакой нѣтъ мысли серьозной въ головѣ. Рисуется вся картина козацкаго войска, Хочу сейчасъ же описать его въ видѣ отрывка изъ повѣсти. Я началъ читать 3-ю часть исторіи Малороссіи, Бантышъ Каменскаго...

Мартъ. 4. Вчера уѣхалъ отъ насъ *Петръ Петровичъ Скоропадскій* [1]). Я очень желалъ его видить и очень полюбилъ его. Вотъ украинецъ съ сердцемъ и съ разсудкомъ; любитъ свою страну отъ всей души, благородно, безкорыстно! Наши несчастные козаки очень его любятъ. Онъ живетъ въ Григоровкѣ, которая окружена большими козацкими селами *Бахмачемъ*, *Куренемъ* и другими, въ которыхъ еще осталось много національности. Всѣ деревни опустошены безпрерывными рекрутскими наборами; остались только слабые недоросли. Но въ Бахмачѣ, несмотря на то, еще много видно молодыхъ людей гигантовъ и женскій полъ замѣчателенъ еще своей красотой Нашъ Петръ Скоропадскій, спасибо ему, поддерживаетъ въ нихъ національность. Часто ѣздитъ онъ въ должности межеваго судьи, верхомъ, одѣтый въ кобенякъ и съ шапкой на головѣ. Одинъ разъ, онъ, будучи принужденъ ѣхать въ поле съ козаками для того, чтобы измѣрять ихъ земли, принадлежащія теперь казнѣ; онъ поѣхалъ съ ними въ поле и остановивъ лошадь поворотилъ ее къ старымъ козакамъ, ѣхавшимъ за нимъ верхами, и сказалъ на нашемъ языкѣ рѣчь, въ которой онъ объявилъ указъ—взять ихъ въ казну. Онъ не могъ докончить, сле-

[1]) Помѣщикъ Конотопскаго уѣзда, владѣлецъ с. Григоровки

зы брызнули изъ глазъ его и покатились къ его толстымъ усамъ. Козаки были тронуты, иные плакали, а другіе одушевлялись и крикнули ему: *гайда! внукъ гетмана!* Какой крикъ! Бѣдные козаки, они вспомнили старину [1])... Не могу не перенесть сюда двухъ анекдотовъ, которые онъ разсказалъ. Въ эту зиму былъ, какъ уже 6 лѣтъ сряду ведется, рекрутскій наборъ. Въ Ромнѣ принималъ рекрутъ нашъ почтенный, старый украинецъ *Иванъ Александр. Якубовичъ.* Привели одного 22-хъ лѣтняго и 12-ти вершковаго козака. Разумѣется, что коммиссія сказала—*лобъ!* и молодцу отрѣзали чуприну! Бѣдный козакъ поплакалъ и ушелъ. На другой день онъ приходитъ къ Якубовичу: прошу вашей милости, добродію, сказалъ онъ со слезами.—А что тебѣ надобно?—„Огдайте мини, пане, мою чупрыну!"—„На что тебѣ твоя чуприна", спросилъ удивленный Якубовичъ.—„Пошлю ее моей невѣстѣ, отвѣчалъ козакъ, вона еи у себе буде ховать и про мене буде спомынать". *Богаме!* (?) вскричалъ тронутый Якубовичъ,—на́ твою чуприну [2])! Какъ это прекрасно, изящно, полно поэзіи! воскликнулъ я съ нимъ.

---

[1]) О П. П. Скоропадскимъ намъ въ молодости приходилось много слыхать разсказовъ отъ ближайшихъ его сосѣдей и мы, не обинуясь, можемъ сказать, что это былъ большой.... фантазеръ, которому ничто не мѣшало разсказывать о томъ чего въ дѣйствительности никогда не было. Такъ и здѣсь. Увидѣвъ въ Галаганѣ увлекавшагося „національностью" юношу, Ск—ій не поскупился и передъ нимъ на *плоды своей фантазіи.* Никакой близости у Ск—го съ народомъ не было и не могло быть; не могъ онъ ѣздить, „окруженный верховыми козаками" по обязанностямъ своей межевой службы (не имѣвшей никакого активнаго значенія), никогда не могъ онъ говорить и какихъ либо подобныхъ рѣчей симъ козакамъ, будучи такимъ же *паномъ*, какъ и всѣ его сосѣди. Тѣмъ менѣе могъ онъ вызывать у „козаковъ" „крики и слезы", о которыхъ здѣсь говорится. Все отличіе П. П. Ск—го отъ другихъ мѣстныхъ помѣщиковъ заключалось въ томъ, что онъ нерѣдко надѣвалъ одежду народнаго кроя да перемѣшивалъ свой разговоръ малорусскими фразами. Въ 40-хъ годахъ явилась мода на подобныхъ людей какъ результатъ чтенія „Исторіи Русовъ" и „Кобзаря" Шевченка. Послѣдній зналъ П. П. Ск—го и воспоминанія о немъ оставилъ въ стихахъ (—и доси чудно, якъ згадаю..)

[2]) Разсказъ о чупрынѣ тоже есть плодъ фантазіи разсказчика... Начать съ того, что рекрутамъ-козакамъ *брили не лобъ, а затылокъ* (отличіе отъ крестьянъ), а за тѣмъ—какъ бы это Якубовичъ сохранялъ обритыя у рекрутовъ чуприны?..

Апрѣль. 4. Вчера, въ воскресенье, былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ дней этой весны. У насъ былъ праздникъ для всей секиренской молодежи. Вотъ съ чего началось: въ субботу вечеромъ, какъ и всякій день, мы дѣлали, мы поѣхали на выгонъ; тамъ множество дѣвокъ играли въ перепелочку и въ другія игры. Между тѣмъ *хлопцы*, ободренные въ тотъ вечеръ, какъ имъ раздавали пряники и груши [1]), подошли къ линейкѣ и начали пѣть прелестную малороссійскую пѣсню *чумака.* Въ это время подошли три козацкіе парубки. Я съ ними вступилъ въ разговоръ и они мнѣ сказали, что они бы спѣли лучше хлопцовъ. Тотчасъ маменька сказала мнѣ пригласить всѣхъ на воскресенье. Въ воскресенье погода, какъ нарочно, была прекрасная. Еще до 12-ти часовъ полдня, уже собралось множество дивчатъ и парубковъ; посереди луга начались танцы, было шесть музыкантовъ. Почти всѣ дѣвки со всего села сбѣжались на праздникъ, и около 60 паробковъ козацкихъ, прекрасно одѣтыхъ, ходили толпами по площади; другіе съ громкими пѣснями ходили по двору, подходили къ толпѣ танцующихъ дивчатъ; тамъ качались на качелѣ, смѣялись, кричали. Праздникъ еще болѣе оживился, когда принесли ведро горилки. Я безъ отдыха ходилъ въ толпѣ, разговаривалъ съ козаками, ободрялъ танцы. Между тѣмъ бросали въ толпу орѣхи, разносили сливы горѣлочные. Праздникъ былъ очень оживленъ. Послѣ обѣда пришелъ козацкій старшина, выборный и другіе ихъ чины; принесли другое ведро горилки, которое скоро было выпито. Пришли еще нѣсколько пожилыхъ козаковъ. Я съ козаками имѣлъ много разговоровъ, въ которыхъ я старался поддерживать національность. Они всѣ очень жалуются, да какъ и не жаловаться! Я говорилъ также съ старшими о томъ, какъ пала нравственность въ народѣ и чѣмъ должно поддерживать ее. Къ вечеру всѣ еще болѣе развеселились, играли въ перепелочку, въ ворона, въ чихарду, и народъ разошелся, когда совсѣмъ стемнѣло. А я былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ!

---

[1]) Ниже видно (17-го мая), что это были „горѣлочныя" груши, т. е. взятыя изъ грушевой наливки.

Май. 1. Она пришла и будетъ мнѣ диктовать пѣсню, которую я долженъ пѣть, когда буду далеко отъ нея.

Ой що ты думаешъ, гадаешъ!
Десь ты мене покинуты маешъ.
Ой не кидай мене молодои,
Бо не знайдешъ такои другои!
Хочь и знайдешъ съ коньми да зъ волами,
Та не знайдешъ съ чорными бровами!
Хоть и знайдешъ да вже не такую,
Що згадаешъ мене молодую.
—Почимъ же ты, моя мила, знаешъ,
Що я тебе покинути маю?
Потимъ же я, мій миленькій, знаю,
Рано встаешь, коня наповаешъ,
У комору идешъ, жупанъ удягаешъ,
Въ свитлоньку идешъ, тяженько здыхаешъ!
Ой верныся, мій милый, вернися.
Варенои горилки напыйся!
—Не вернуся, мила, не вернуся!
Я въ дорози зъ криницы напьюся!

6. Вчера у насъ былъ очень милый и необыкновенный вечеръ. Гости, въ числѣ коихъ были и Почеки, собрались 4-го числа. Пятаго числа поѣхали въ *Ярки* завтракать. Въ это время пріѣхалъ и Григорій Степановичъ (Тарновскій, изъ Качановки) съ madame Луизой (?). Послѣ сего пошли обѣдать, а послѣ обѣда повели всѣхъ прогуливаться—звонъ колокола раздался въ готической бесѣдкѣ; всѣ пошли туда, и тамъ—Краузе игралъ на гармоникѣ. Оттуда пошли на каменный мостъ, а съ той стороны рѣки играла волторна. Съ мосту пошли всѣ на *ротонду*, гдѣ былъ готовъ чай, а между кустами играли квинтетомъ чудную sonate pathetique Бетговена. Вечеръ прелестенъ, соловьи пѣли со всѣхъ сторонъ, вода была какъ зеркало! Всѣ поѣхали по караличной (?) дорогѣ, подъ ротондный мостъ и потомъ по берегу, *въ святой яръ.* Тамъ разноцвѣтные фонари висѣли на деревьяхъ и колодезь былъ прелестно освѣщенъ. Оттуда

мы поѣхали въ оранжерею, гдѣ былъ балъ до $2^2/_2$ часовъ утра Зала была прелестна. Во время между танцами, ротонда была освѣщена бенгальскимъ огнемъ, и музыка духовая играла на водѣ. Однимъ словомъ было превесело и всѣ разъѣхались довольные.

17. Сегодня я провелъ, можетъ быть въ послѣдній разъ, очень весело цѣлый день среди народа. Послѣ обѣдни вскорѣ начался на выгонѣ *танецъ*. Въ часъ пополудни, я пошелъ туда и пригласилъ всю молодежь прійти въ дворъ послѣ нашего обѣда. Въ четыре часа, все, отъ качели до дому, было наполнено народомъ. Начались танцы. Между тѣмъ съ балкона сыпали орѣхи въ толпу. Въ 5 часовъ подали полудновать. Всѣ паробки были по одну сторону, а дивчата по другую. Были поставлены длинные столы, покрытые скатеретками. Было спечено 500 пироговъ, жаркое, паляницы, сало, сметана, масло и горѣлочныя груши. Разумѣется, что паробкамъ давали и горилку. Дивчата всѣ почти были очень хорошо одѣты, и на Татьянѣ выдѣлялась издали новая пунсовая запаска, которую и ей купилъ. Послѣ праздника начались снова танцы, которые были очень живы и веселы. Подъ вечеръ всѣ разошлись довольные, Я много говорилъ съ козаками и мужиками. Какъ я теперь сблизился съ ними!

За симъ слѣдуетъ описаніе заграничнаго путешествія Г. П. Г—на которое онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Чижовымъ. Выѣхавъ въ началѣ Іюня изъ Сокиренецъ, Г—нъ въ нач. октября находился въ Мюнхенѣ, записью о пребываніи въ которомъ оканчивается настоящая тетрадь дневника.

Проѣзжая отъ Бродъ въ „Лембергъ", Г-нъ записываетъ: „кучеромъ у насъ былъ галиціецъ, въ кобенякѣ, въ которомъ капюшонъ обшитъ красными и синими шнурками; на тальѣ

также *усики* синіе съ краснымъ; на груди петли такія же; самъ же кобенякъ сѣрый. Лицемъ онъ былъ совершенный украинецъ, и здѣсь вообще по дорогѣ лица одни съ нашими, что меня удивляетъ, потому что на Волыни лица литовскія... До самаго Лемберга я встрѣчаю все очень близкое къ родному нашему: постройка хатъ, прикрышки (sic) ихъ, складка хлѣба, плетни, огороды, сады, способъ обработыванія полей и проч., и проч., все малороссійское".

Księga Smierci

архіеп. Лазаря Барановича.

Въ статьѣ, посвященной вновь найденному мною изданію архіеп. Лазаря Барановича „Filar Wiary“ [1]), мною данъ библіографическій обзоръ и описаніе тѣхъ трудовъ названнаго автора, съ каковыми мнѣ удалось ознакомиться въ Имп. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Продолжая свои поиски, когда уже статья была отпечатана, я наткнулся на „Księgę Śmierci“ (См. мой „Filar Wiary“ подъ № XIII) въ библіотекѣ Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи (В. 286, отъ гр. Милорадовича). Только I. Галятовскій и Эстрейхеръ упоминаютъ объ этой книгѣ; проф. Сумцовъ, какъ было отмѣчено, даже заподозрѣваетъ существованіе ея, наравнѣ съ „Księgą Rodzaju“ [2]). Очевидно, это сочиненіе принадлежитъ къ числу особенно рѣдкихъ, и потому считаю небезполезнымъ удѣлить ему нѣсколько болѣе вниманія, чѣмъ другимъ, описаннымъ мною.

Вотъ его титулъ:

Księga | Smierci. | albo—krzyż Chrystvsow.—ná ktorey | żywot nasz vmarł | Ale śmierć samą żyć náuczył. | przez |

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 7 и 8.

[2]) Это изданіе Л. Барановича описано нами въ „Filar Wiary“ подъ № XIV*.

Jaśnie w Bogu Przeoświeconego | Iego Mośći Oyca | Łazarza Baranowicza | z Bożey łáski Archiepiskopá | Czernihowskiego, Nowogrodzkiego | y wszytkiego Siewierzá | smiertelnego smiertelnym podáná. | Z Typographiey Archiepiskopskiey w Nowogrodku Siewierskim zostaiącey. R. P. 1676. in 4°, 68 ненумерованныхъ листовъ.

На оборотѣ титульнаго листа два эпиграфа:

Stràch smierci przypadł na mię. Psal. 45. v. 5.
Posłusznym był aż do Smierci. Phil. 2. v. 8.

Прежде чѣмъ обратиться къ характеристикѣ содержанія этой, довольно пестро составленной книжки, остановимся на одномъ стихотвореніи (л. 50), озаглавленномъ: „Anno Tysiąc Sześćset Siedmdzisiąt Szostego“, потому что оно даетъ хорошія даты для распредѣленія въ хронологическомъ порядкѣ сочиненій Барановича. Галятовскій въ своемъ перечисленіи считаетъ первымъ „Miecz“, а за симъ по порядку: Trąby, Lutnia, Miara, Żywoty SS., Księga Rodzaiu и на седьмомъ мѣстѣ ставитъ „Księgę Smierci“,—что въ упомянутомъ стихотвореніи находитъ себѣ прочное подтвержденіе. Здѣсь Л. Барановичъ пишетъ:

„Szostá ksiąžeczká, siedmdziesiąt szostego,
Ze na świát wyszła | wielbię wszechmocnego.
Iego to sprawá, on sześć dni prácował,
Y w moim szostym dźiele fortytowáł.
Y ksiąsce siodmey, Smierći, Bog pomocy swoiey
Dodał; | stało się teráz według wiary moiey.
Nim śmierć nadeszłá iużem Smierci Księgę
Wydał, od smierći bym iuż y wźiął ćięgę...

Какъ же теперь, спрашивается, расположить свѣдѣнія о дѣятельности Барановича, руководясь этимъ новымъ указаніемъ автора о своихъ трудахъ? Намъ кажется, что №№ III, V и XII *) едва-ли существовали въ дѣйствительности; въ особенности возбуждаетъ подозрѣніе — „Apollo Chrzesciański“, какъ стоитъ въ спискѣ Эстрейхера. Что же касается другихъ, т. е.

*) Apollo chrzescienski, Rozmowy o wierze, O chirotonii.

№№ VII, VIII, IX, XI, а равно XXIX *), то, по всей вѣроятности, Л. Барановичъ не нашелъ нужнымъ упоминать объ этихъ изданіяхъ, считая ихъ маловажными **). Такимъ образомъ, какъ намъ кажется, могутъ быть соглашены старыя свидѣтельства съ новыми данными, заключающимися въ „Ks. Smierci". Эта книга Л. Барановича должна быть поставлена послѣднимъ № среди изданій, вышедшихъ въ 1676 г.

То же стихотвореніе, въ которомъ мы находимъ выше сообщенныя свѣдѣнія о хронологіи дѣятельности Л. Барановича, даетъ объясненіе страннаго заглавія всей книги:

„Rodźić się komu przydáło, to czeká
Smierć niepochybna, rząd ma do człowieká.
Z pradźiadow, dźiadow, oycá, czekam smierci;
Kto się narodził, od niey nie wywierći.
Umrę w pierwszym Adámie, lecz wtorym ożyię,
Pánie cieszą mię ná twym Krzyżu dwoie kiie. (Ps. 22, 4).
Krzyż, Księga smierći ná nieyś zmárł dla człeká,
Tobie Żywotu żywot dan od wieká.
Swąś śmiercią naszą śmierć do szczętu zgładźił,
Będąc Mądroscią mądrześ tak poradził.

Крестъ, орудіе смерти—надежда на избавленіе отъ смерти. Обращаясь къ читателямъ, авторъ, рекомендуя свою книгу, говоритъ:

Tę Księgę Smierći czytayćie co żywo
Czekaiąc smierći; coż umrzeć zá dziwo?
Iák umarłego wskrzesiłeś Łazárzá,
Y nam umarłym niech się toż nadárzá,
Osobliwie mię ta czeka fortuná,—
Tá Lazárzowà dźiw uznàłá truná.

---

*) Слова на Воскресеніе Христово, св. Троицу, на Благовѣщеніе, Вечерній плачъ и заутренняя радость и „Filar Wiary".

**) Не представляютъ ли №№ VII, VIII, IX лишь оттиски изъ „Трубъ"? Мы знакомы съ этими брошюрами лишь по краткому описанію проф. Сумцова.

Krzyż Księga Smierći, Księga y Zywota
Czytać wam na nich niech będźie ochotá...
Krzyżem was swoim Chrystus błogosłáwi,
„Za wasem umarł"—do nas wszytkich prawi.

— Слѣдуетъ цитата Ев. Іоанна, XV, 13.

Какъ изъ сказаннаго видно, вниманіе Л. Барановича обращается на св. Крестъ. Ему и посвящена первая часть книги— первые 40 листовъ. Здѣсь цѣлый рядъ стихотвореній, пересыпанныхъ цитатами изъ Св. Писанія и благочестивыми размышленіями. Первое озаглавлено:

„Krzyżowe rogi
Talent to drogi".

„Zbáwienną pas nas wprzód náuką w świećie,
Potym ná rogu zbáwienia spas wiećie.
Krzyż rog zbáwienia mego, krzyż mię zbawił,
Spas na nim wisząc śmiercią to swą sprawił.

„Krzyżowym rogiem starto diabłu rogi" и ненавастникъ не такъ жестокъ къ роду людскому; всякій имѣетъ опору въ Крестѣ. Онъ стоитъ на пути; всѣ мы странники, всѣмъ нужно утѣшеніе—и мы получаемъ его.

Далѣе авторъ сообщаетъ читателю о себѣ:

„Krzyżowego ze pługa chleb u Spasa iadłem
Nowogrodzkiego, potym w Czernihowie siadłem
Na Archiepiscopskiey Stolicy, godziło
Krzyż Spasowi przypisać, iemu z Krzyżem miło".

Намѣреваясь достойно восхвалить Христа и его Крестъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать на него, какъ на единственный источникъ спасенія человѣка отъ вѣчной и неминуемой смерти, Барановичъ пишетъ:

„Iák pisklę piszczę żyiąc tu na świećie,
Ziarna szukám tam, gdzie iest w świecie śmiećie.
Kokoszká moia Chrystus, gdy mię nie przygárnie
Pod swoie skrzydła, pêwnie tu mam zginąć marnie".

За симъ слѣдуютъ стихи на 4 буквы: I. Н. Ц. I. и различныя выписки изъ Св. Писанія, Бл. Августина, Іоанна Златоустаго—все на польскомъ языкѣ. Интересны автобіографическія признанія въ стихотвореніи (л. 4):

„Lat dźiewiętnáśćie upłylo,
Nic dobrego nie zrobiło“.

Здѣсь Л. Барановичъ жалуется на свои недостатки такъ:

„Lat temu dziewiętnaście iák krzyż noszę złoty
Pásterski, á Pásterskiey nie wypełniám cnoty.
Przebacz Pasterzu na Krzyżu wiszący,
Żem w bolach mruczał krzyż złoty noszący.
Zá żelazny mi stał przy słabym zdrowiu,
Nie miáłem żadnych dźieł ná pogotowiu“...

Послѣ стихотворенія „Tria sunt omnia“, гдѣ встрѣчаемъ то же сравненіе Христа съ кокошемъ, что и въ „Filar'ѣ Wiary“: („Tyś iak kokoszka na drzewo wleciała...)—повидимому, излюбленное у нашего автора, — читаемъ фигурное стихотвореніе: крестъ, надъ верхнимъ концомъ надпись: „Pan“, съ боковъ „Panna“ и „Jan“—т. е. символическое изображеніе Деисиса.

Стихи гласятъ слѣдующее:

„Dwa kwiatki kwiatka trzéciego wspieraią
Nie na polu—na palu krzyżowym go maią“...

Одинъ цвѣтокъ—Св. Дѣва, второй—ап. Іоаннъ; они смотрятъ, какъ страдаетъ третій, сорванный въ полѣ, увядаетъ исколотый терніями. Этотъ полевой цвѣтокъ—Христосъ—является единственнымъ лѣкарствомъ отъ смерти въ слѣдующемъ стихотвореніи, озаглавленномъ „Contra vim mortis non est medicamentum in hortis“.

Съ л. 7 до 34 слѣдуютъ фигурныя стихотворенія—акростихи довольно неуклюжіе, по алфавиту на слова: acre, acta, acua, adam ...zaba, znak, zona żona, żyto.

Вотъ напримѣръ:

Coma. Me włosy czesáne cierniami
Wy ie czeszecie grzebeniami.

Весьма курьезно стихотвореніе озаглавленное „Ptaka“:

„Mnich ma być iaki, Uczą go ptaki.
Synogárlica należy do Mnichá,
W modlitwách iak ta, tak ten teskniąc wzdychá.
Słowikiem w chorze by nabożnie spiewał.
A prze gorliwość wielką aż omdlewał.
A w kapitule pelikanem, zmázy
Wyznáwał swoie, sám ponosił rázy.
Na dormitárzu iak páw stąpał zćichá,
Z bráci żadnemu nie pomyslál lichá.
W mowie żorawiem, by uwážał mowę,
Y ná słuch cudzy czułą skłańiał głowę.
A w szkole orłem, áby bystro wglądał
W nauki, y tey iák słońca pożądał.
Gołębiem w drodze, by rozmáżał rzeczy
Pilnie czytane, y miał ie na pieczy.
Jastrząbem aby był Panu w kazaniu,
Korzyśći czynił w pilnym nabywániu.
Azaś w trápézie wrobla nasladował,
Co mu postawią, w tym wszytkim smakował.

Вслѣдъ за этими стихотвореніями идутъ подобныя же съ тою разницею, что вмѣсто отдѣльныхъ буквъ на концахъ креста читаемъ цѣлыя слова; такъ, первое стихотвореніе изъ этой серіи посвящено веснѣ, лѣту, осени и зимѣ, второе четыремъ темпераментамъ и т. д., причемъ подбираются четыре соотвѣтствующія понятія. На л. 37 об. и л. 38 рисунки къ стихамъ! 1)—въ центрѣ четвероконечнаго креста ликъ Христа, на концахъ—два ока и два уха; 2)—въ центрѣ сердце съ терновымъ вѣнцомъ, по концамъ—руки и ноги, пронзенныя гвоздями. Засимъ—выписки и разсужденія о крестѣ. Съ л. 41 слѣдуютъ стихотворенія на различныя темы, именуемыя въ заглавіи, напримѣръ: „Uczniom Pan drogi umywa nogi“, „Piątek“, „Kto w piątek nie pośći, czyni to ze złosci“, и т. д.

На оборотѣ л. 43 грубая гравюра слѣдующаго содержанія, изображающая образъ Купятицкой Богородицы. Въ двой-

ной рамкѣ, въ облакахъ четвероконечный съ овальными концами крестъ; въ центрѣ его стоитъ Пресв. Богородица въ коронѣ и нимбѣ съ Младенцемъ. Въ верхнемъ концѣ какой то святитель, въ боковыхъ, въ медальонахъ—Ев. Лука и ап. Андрей. Надъ перекладиной слѣва на колѣняхъ пр. Лазарь въ святительскомъ облаченіи, справа—ангелъ въ той же позѣ съ поднятымъ мечемъ въ лѣвой рукѣ. Подъ перекладиной св. Борисъ и Глѣбъ съ копьемъ и ножемъ. На л. 44—стихотвореніе и крестобогородичный тропарь—по польски, затѣмъ— „Pęzlárżom y Rythmopiscom" и др.

Какъ и въ другихъ—и въ этой книгѣ Л. Барановичъ не остался чуждымъ политической жизни современнаго ему общества. Какъ въ „Lutnie Apollinowey" и въ „Nowey Mierze"—такъ и здѣсь (л. 48—50) онъ старается провести мысль о необходимости единодушнаго отпора туркамъ со стороны Польши и Руси. Если тамъ онъ только проситъ Бога примирить Русь съ Ляхами для совмѣстной борьбы противъ общаго врага,—то здѣсь онъ, взявши епиграфомъ пословицу „Audaces fortuna iuvat", зоветъ всѣхъ на войну. У христіанъ, пишетъ онъ, есть помощь на Турка—св. Крестъ; имъ вооружившись—

„Nie znidziesz z pola, aż Turka położysz";
Idź, choć mi przymow: „Rymopisco, wróżysz"
—„Vates" Poeta dawno powiedziáno,
Według mey wróżki oby z nim wygrano.

Необходимость согласія между русскими и поляками онъ старается доказать примѣрами (л. 48 об): „Евсевій Емесійскій пишетъ, что если во время перелета птицъ въ теплые края какая-нибудь изъ птичекъ утомится отъ долгаго пути надъ моремъ, то другія болѣе сильныя подлетаютъ и поддерживаютъ ее на себѣ, и такъ всѣ благополучно долетаютъ до теплыхъ краевъ. Такимъ же образомъ и Московскій Орелъ спасаетъ Польскаго Орла отъ Турокъ". Второй примѣръ—олени, поддерживающіе другъ друга при переходѣ чрезъ рѣки.

—„Отчего, ты русакъ, не помогаешь Поляку? спрашиваетъ Барановичъ въ слѣдующемъ стихотвореніи. Важнѣе же всего—

порядокъ, а не мочь: „Kiedy wyszła orda, wprzod by był Ordo trzeba, a niż korda“.

„Amen. Day Boże Turka wziąć na noże! восклицаетъ поэтъ въ заключеніе первой строфы. „Истинно признаюсь вамъ, милые мои христіане—великій позоръ вамъ, что вы не прикончите съ туркомъ. Не только свѣтскіе, но и духовенство могли бы поразить его: онъ помышляетъ и день и ночь, какъ бы покорить себѣ христіанъ. Но мы, призвавши Бога, настигнемъ его! Но—„od woyny, głodu, maru zbáw nas Swięta Troyca! молится поэтъ. Его воинственное настроеніе утихаетъ при мысли о спутникахъ войны.

На л. 51—60 подъ общимъ заглавіемъ „Zodiak w Narodzeniu Pańskim“ читаемъ рядъ стихотвореній на разные случаи, относящіеся къ Рождеству Христову; л 60—61 такія же „O Chrzcie Pańskim“; л. 61 об. о Воскресеніи, л. 62 и далѣе о Вознесеніи и другія, причемъ и здѣсь авторъ возвращается къ особенно занимающей его борьбѣ съ Турками въ стихотвореніи „Cerkwi Salomonowey modły oby Turkow pobodły (л. 66).

Въ заключеніе авторъ обращается (на об. л. 68) къ читателю съ стихотвореніемъ, въ которомъ проситъ прощенія, что осмѣлился писать о дѣлахъ Божіихъ, будучи недостойнымъ.

Dosyć pior maią Anyolowie w niebie,
Panie opisać nie potrafią ćiebie.
Coż ia robaczek potrafię o Panie?
Jam robak, panskie te słyszałem zdánie;
Jako robaczek ćisnę do robaka,
Rybaki rybki łowiąc, łowią raká.
Wszelkie dychánie kiedy Pana chwali,
Y moy robaczek do kupy się wali.
Jakąś dáł siłkę, z taką popisuię,
Panu poddaństwo y ia ofiaruię.

Эта обычная у старинныхъ авторовъ манера самоуничиженія выразилась у Л. Барановича въ изложенной имъ формѣ сравненія человѣка съ ничтожнымъ червемъ;—то же находимъ и въ „Nowey Mierze“ и въ „Filarze Wiary“.

Мы, можетъ быть, слишкомъ обстоятельно и подробно старались обозрѣть содержаніе „Księgi Smierci“, злоупотребляя выписками изъ стихотвореній Барановича, далеко не отличающихся красотой формы и богатствомъ мысли; но нами руководило желаніе познакомить интересующихся малорусско-польской литературой XVII вѣка съ очень рѣдкой книгой, произведеніемъ во всякомъ случаѣ не послѣдняго въ ряду литературныхъ труженниковъ той эпохи.

В. Перетцъ.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ?

(Продолженіе [1]).

Примѣчаніе къ главѣ І-ой Рецензія А. Потебни на диссертацію г. Соболевскаго (не сохранившаяся, къ сожалѣнію, въ цѣлости) издана въ 4-й книгѣ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка Академіи Наукъ» за 1896-й годъ, вышедшій въ 1897 году и дошедшей до меня только въ 1898-мъ. Потебня находитъ, что диссертація г. Соболевскаго цѣнна только своимъ матеріаломъ, а „разборъ частныхъ положеній автора можетъ скорѣе ослабить, чѣмъ подкрѣпить хорошее мнѣніе о его сочиненіи". Потебня обстоятельно указываетъ также на незнакомство г. Соболевскаго съ малорусской діалектологіей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О способахъ, которые г. Соболевскій предлагаетъ, сверхъ сличенія рукописей, для поддержанія своей гипотезы.

Какъ извѣстно, главное оружіе г. Соболевскаго, изобрѣтенное имъ для защиты своей галицко-волынской гипотезы, это— сличеніе рукописей, которыя онъ признаётъ за кіевскія, съ рукописями, которыя онъ называетъ „галицко-волынскими"; разбору этого сличенія посвящена наша четвертая и пятая глава. Г. Соболевскій выступилъ также съ исторической статьей въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ" (1885), гдѣ онъ пытался раскритиковать В. Б. Антоновича при помощи особаго истолкованія лѣтописей; этого „критикованія" мы касаться не

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., № 6.

будемъ, такъ-какъ оно уже разобрано М. С. Грушевскимъ (въ „Очеркѣ исторіи Кіевской земли"). А кромѣ того г. Соболевскій посвятилъ соображеніямъ (преимущественно филологическимъ) о правильности своей гипотезы одну страницу „Лекцій" [1]); ее мы здѣсь и разсмотримъ.

Такъ-какъ ошибокъ, голословныхъ утвержденій и искаженій заключается въ той страницѣ столько же, сколько словъ, то не мѣшаетъ, чтобы читатель имѣлъ ее цѣликомъ передъ глазами: не то онъ невольно вообразитъ, что мы взводимъ напраслину на г. Соболевскаго. Вотъ эта замѣчательная страница:

„Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV вѣка, нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вообще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область должны были уменьшить число говорившихъ имъ настолько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины и должны были принять ихъ говоры, вмѣстѣ съ ихъ мѣстными словами и названіями. Отсюда около Днѣпра уменьшительныя собственныя имена на *сь*, *ся*: Петру*сь*, Мару*ся*, которыхъ нѣтъ въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ и вмѣсто которыхъ въ последнихъ употребляются чуждыя современному малорусскому нарѣчію уменьшительныя на *ша*: Мьсти*ша* (=Мьстиславъ?), Путь*ша* (=Путята?), Рать*ша* (=Ратьмиръ?), Волод*ша* (=Володиславъ, Ипатьев. списокъ лѣтоп. 34, 92, 229, 346), Свято*ша* (=Святославъ; сравни въ галицко-волынской лѣтописи: Волъдри*съ*=Володарь? Ипат. сп. 509; сравни тамъ же: Блю*съ*, Миту*са*=Блюсь, Миту*ся*?). Отсюда у жителей Черкасскаго уѣзда кіевской губ. слово *гуцалѝ* (это—искаженное галицкое *гуцу́ли*), употребляемое ими для своихъ сосѣдей на востокѣ (т. е. полтавцевъ. А. К.), и слово *буцѝ* (это—искаженное старое галицкое *бо́йци*—бойки), которымъ они пользуются для означенія сосѣдей съ запада—подолянъ (Труды этнографич. статистической экспедиціи въ западно-русскій край, собр. Чубинскимъ, т. VII, вып. II, 463). Отсюда наконецъ для кіевской области („Русп" по

[1]) См. по 1-му изданію между стр. 199-ой и 200-ой; по второму изданію—стр. 255—256.

преимуществу древней эпохи) и для земель къ востоку отъ Днѣпра названіе „Малая Русь", которое принадлежало первоначально западной части кіевскаго княжества—Галичинѣ (выдѣлилась изъ кіевскаго княжества въ концѣ XI в.) и Волыни (выдѣлилась около половины XII в.) и употреблялось уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ (Μικρὰ Ῥωσσία у грека Кодина, конца XIII в., Russia minor въ грамотѣ волынскаго князя Юрія 1335 г., Μικρὰ Ρωσσία въ документахъ на греческомъ языкѣ XIV в. Русск. Историч. Библ., VI, прилож.). Это названіе въ XIV в. то означало одну галицко-волынскую землю (грамота Ольгерда 1371 г.: „*Кіевъ*, Смоленскъ, Тверь, *Малая Русь*". Русск. Истор. Библ. VI, прилож 140), то уже распространялось и на Кіевъ (постановленіе Константинопольскаго патріаршаго собора 1354 г.: „городъ въ *Малой Руси*, называемый *Кіевъ*". Русск. Ист. Библ. VI, 63)".

Разберемъ каждый пунктъ отдѣльно.

Объ именахъ на ша.

По словамъ г. Соболевскаго, современное малорусское нарѣчіе не знаетъ уменьшительныхъ именъ на *ша*, тогда какъ у старыхъ кіевлянъ такія имена существовали: Мьстиша (=Мьстиславъ?), Путьша (=Путята? [1]), Ратьша (=Ратьмиръ?), Володша (=Володиславъ [2]), Святоша (=Святославъ [3]);—изъ этого, на

[1]) Едвали отъ „Путята",—скорѣе ужъ отъ „Путило" или „Путиславъ". А имя „Пут*ята*" само похоже на ласкательное.

[2]) Почему Володиславъ, а не Володимиръ (какъ обыкновенно думаютъ).

[3]) Ставя при другихъ (открытыхъ по догадкѣ) именахъ вопросительные знаки, г. Соболевскій считаетъ возможнымъ обойтись въ послѣднемъ случаѣ безъ всякаго вопросительнаго знака; онъ не сомнѣвается, что „Святоша" есть уменьшительное отъ „Святославъ". Между тѣмъ именно здѣсь очень умѣстно сомнѣніе: имя „Святоша" принадлежитъ *святому* князю, и потому есть нѣкоторое основаніе думать, что „Святоша" есть эпитетъ, а не сокращеніе имени „Святославъ"; Карамзинъ (т. II, гл. VI), вѣроятно, правъ, толкуя „Святоша" въ смыслѣ „святой" (быть можетъ, онъ имѣлъ даже историческія свидѣтельства объ этомъ). Впрочемъ и насчетъ именъ Ратьша, Путьша и Мьстиша нельзя быть вполнѣ увѣрену, что они—уменьшительныя собственныя, а не нарицательныя (не прозвища). „Путьша" могло бы означать просто „путникъ", „Ратьша"—ратникъ", „Мьстиша"—„мститель", и т. д.; такое мнѣніе мнѣ пришлось однажды слышать. Ниже мы еще возвратимся къ этому вопросу (при разборѣ данныхъ современнаго малорусскаго нарѣчія), а пока-что будемъ вмѣстѣ съ г. Соболевскимъ считать имена вродѣ „Мьстиша" за уменьшительныя, такъ-какъ это—правдоподобнѣе всего.

взглядъ г. Соболевскаго, ясно, что древніе кіевляне были не малоруссы.

Эти слова заключаютъ и въ методѣ, и въ утвержденіяхъ много путаницы. Коснемся сперва частностей, обнаруживающихъ у г. Соболевскаго недостатокъ научнаго метода, а потомъ перейдемъ къ сути и покажемъ, посредствомъ множества примѣровъ, что имена на *ша*—чисто малорусскія.

Маломальски свѣдущему въ исторіи читателю прежде всего бросится въ глаза, конечно, то обстоятельство, что г. Соболевскій, съ цѣлью увеличить бѣдное количество лѣтописныхъ древнихъ *кіевскихъ* именъ на *ша*, присоединилъ къ нимъ имена изъ области черниговской и полоцкой. Пріемъ этотъ, конечно, не наученъ, но, собственно, это еще мелочь: взамѣнъ Володши и Святоши, которыхъ приходится исключить, г. Соболевскій могъ бы назвать Ракошу (Глѣбъ Ракошичъ въ Ипат. лѣт. 341) и еще одного болѣе поздняго, но все же чистѣйшаго [1]) кіевлянина—воеводу Юршу (извѣстенъ въ 1438-мъ г.). Гораздо менѣе извинителенъ самый методъ, который положенъ г. Соболевскимъ въ основу его размышленій объ историческомъ значеніи древнихъ именъ: „если у *древнихъ* кіевлянъ были такія имена, какихъ (по мнѣнію г. Соболевскаго) нѣтъ у *современныхъ* малоруссовъ", то выходитъ, что древніе кіевляне не могли быть предками современныхъ малороссовъ. Методъ этотъ долженъ былъ бы показаться г. Соболевскому неумѣстнымъ ужъ по тому одному, что г. Соболевскій—филологъ, а вѣдь предложенное имъ разсужденіе противорѣчитъ одному изъ основныхъ наблюденій сравнительнаго языкознанія [2]). Но не нужно быть и филологомъ, чтобы увидѣть, къ какимъ несообраз-

---

[1]) Мы позволяемъ себѣ сказать: „чистѣйшаго", потому что по грамотѣ Витовта, подтвержденной много разъ его наслѣдниками, полагалось „волости кіевскія кіяномъ держати, а иному никому". См. В. Б. Антоновичъ: „Кіевъ", въ „Кіев. Стар." 1882, янв., стр. 29.

[2]) Вѣроятно, въ каждомъ элементарномъ учебникѣ сравнительнаго языковѣдѣнія можно въ самомъ началѣ найти положеніе: въ теченіи своей исторической жизни языкъ не только развиваетъ свои старые факты, но и теряетъ нѣкоторые изъ нихъ, равно какъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ новые.

ностямъ можетъ привесть подобный методъ. Есть у современныхъ малоруссовъ уменьшительныя на *но* (напр., „Михно" отъ „Михаилъ"), а у великоруссовъ—нѣтъ теперь такихъ уменьшительныхъ; между тѣмъ въ древней Суздали мы встрѣчаемъ имя Михно [1]); если методъ г. Соболевскаго правиленъ, то необходимо заключить, что старые суздальцы были не великоруссы, а малороссы. Малоруссовъ, по методу г. Соболевскаго, можно усмотрѣть и въ началѣ московскаго періода на Шекснѣ, такъ-какъ тамъ въ это время жилъ крестьянинъ—„старожилецъ" Гавшукъ [2]),—имя, которое теперь отсутствуетъ у великоруссовъ, а есть у малоруссовъ. Подражая г. Соболевскому, мы имѣли бы полное право заявить, что въ старыя времена въ Суздали и на Шекснѣ жили малоруссы, а потомъ были вытѣснены великоруссами. Конечно, сейчасъ же намъ при этомъ представится вопросъ: „но развѣ исторія говоритъ намъ о чемъ-нибудь подобномъ?" Если г. Соболевскій находитъ, что для опустошенія Кіева достаточно было татарскихъ нашествій, то и по отношенію къ сѣверо-восточной Руси его объясненіе не должно терять своей силы, тѣмъ болѣе, что сѣверо-восточная Русь потерпѣла отъ татаръ гораздо значительнѣе, чѣмъ южная [3]). Если читатель не удовольствуется такимъ объясненіемъ, но потребуетъ ясныхъ и прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что въ Суздали и на Шекснѣ жили прежде малоруссы, а потомъ на ихъ мѣсто пришли великоруссы, то и на это требованіе у г. Соболевскаго есть исто-

---

[1]) Мечникъ Андрея Боголюбскаго. См. Ипатьевскій списокъ 383, 389, 390. Полное собраніе русскихъ лѣтописей II, 100 и слѣд. Соловьевъ (изд. 1869, т. II, стр. 462) думаетъ, что у Андрея Боголюбскаго служило даже два Михна, а не одинъ.

[2]) Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, стр. 201.

[3]) Антоновичъ: Кіевъ, стр. 3. А. Соловьевъ въ IV т. (1863 г., стр. 242 и сл.) указываетъ, что въ упоминаемое время на сѣверную Русь приходится 133 непріятельскихъ набѣга; изъ этого числа на долю татарскихъ опустошеній приходится 48; „а если", говоритъ Соловьевъ, „приложимъ къ числу опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ число опустошеній отъ усобицъ, то получимъ 232,—слѣдовательно, придется по опустошенію почти на каждый годъ". Кромѣ того Соловьевъ (loc. cit.) указываетъ на множество опустошительныхъ моровъ, голодовъ и т. п.

рическая „аксіома“: „Здѣсь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ недостаткомъ историческихъ данныхъ,—явленіемъ обычнымъ, если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ“ („Лекціи“, стр. 257).—Но ясно, что никакіе подобные афоризмы не поддержатъ теоріи о малорусскости старыхъ суздальцевъ и пошекспенцевъ, построенной на именахъ „Михно“ и „Гавшукъ“, точно такъ-же какъ не поддержатъ они теоріи о великорусскости старыхъ кіевлянъ, построенной на именахъ „Путьша“, „Ратьша“ и т. п. Дѣло въ томъ, что судьба именъ въ какомъ-нибудь языкѣ бываетъ такая же, какъ вообще всѣхъ формъ и звуковъ языка: одни подвергаются измѣненіямъ, другіе вовсе пропадаютъ, третьи рождаются вновь. Г. Соболевскій своими разсужденіями объ именахъ на *ша* повторилъ, въ обратномъ направленіи, старую ошибку Максимовича, давно изобличенную филологами. Максимовичъ однажды сказалъ: „Въ кіевской лѣтописи пишется: „въ дорозѣ“; нынѣшній великорусъ сказалъ бы: „въ дорогѣ“, а малоруссъ говоритъ и теперь: „въ дорози“;—поэтому, древніе кіевляне не могли быть великоруссами; и г. Соболевскій говоритъ: „Въ *старомъ* Кіевѣ было имя „Ратьша“; *теперь* уменьшительныя на *ша* (будто бы) не свойственны малоруссамъ, а свойственны только великоруссамъ,—поэтому, древніе кіевляне не были малоруссами“. Но ошибка Максимовича имѣетъ за собой то извиненіе, что въ его время исторія русскаго языка была неразработана, онъ вездѣ выступалъ, можно сказать, еще піонеромъ, и потому ему простительно было изрѣдка ошибиться въ своихъ разсужденіяхъ. А г. Соболевскій, изслѣдуя исторію русскаго языка, ступаетъ вѣдь по почвѣ вполнѣ разрыхленной (между прочимъ, усиліями того же Максимовича) и имѣетъ передъ собою труды многихъ талантливыхъ изслѣдователей; среди нихъ блещутъ, напримѣръ, имена Срезневскаго, Потебни, Ягича,—людей, у которыхъ можно было бы поучиться правильному научному методу.

И еще есть одно отличіе Максимовича отъ г. Соболевскаго,—отличіе, составляющее главную вину г. Соболевскаго въ его сужденіяхъ объ именахъ на *ша*. Когда Максимовичъ находилъ

для себя доказательнымъ ссылаться на современное малорусское смягченіе *г* въ *з* („въ дорози"), онъ не измышлялъ ничего отъ себя: малоруссы на самомъ дѣлѣ таки говорятъ „въ дорози", и Максимовичъ ссылался на фактъ, существующій и всегда существовавшій у нихъ. Между тѣмъ г. Соболевскій, говоря, что уменьшительныя имена на *ша* не могутъ считаться малорусскими и чужды современному малорусскому языку, говоритъ не истину. Какъ раньше онъ произвольно навязывалъ малоруссамъ слова вродѣ „воні" и „ищіте" [1]), такъ теперь произвольно отымаетъ у нихъ имена на *ша*.

Самое резонное было бы для г. Соболевскаго, встрѣтивши у старыхъ кіевлянъ имена на *ша*, обратиться не къ нынѣшнимъ малоруссамъ, а къ старымъ галичанамъ и волынянамъ, малорусскость которыхъ онъ же ставитъ внѣ всякаго подозрѣнія, да и справиться: не существовали ли у нихъ имена на *ша* въ то время, когда такія имена существовали въ старомъ Кіевѣ? Есть одинъ памятникъ не галицко-волынскій, но считаемый г. Соболевскимъ за галицко-волынскій: надпись на крестѣ Ефросиніи Полоцкой 1161-го года; тамъ мастеръ называетъ себя „Богъша" (уменьшительное, вѣроятно, отъ Богуславъ). Надпись эта, какъ мы уже сказали, не галицкая и не волынская, но такъ-какъ г. Соболевскій называетъ ее галицко-волынскою, то мы можемъ только изумляться, почему онъ, встрѣчая имя „Богъша" въ ней, можетъ видѣть въ старо-кіевскихъ именахъ на *ша* черту противо-малорусскую. Мы однако укажемъ старо-малорусскія имена на *ша* не въ подобныхъ памятникахъ, а въ дѣйствительно авторитетныхъ: въ Волынской лѣтописи. Тамъ мы прочитаемъ, напримѣръ (Ипат. спис. 600, нѣск. разъ), что у Владиміръ-Волынскаго князя Володимера былъ „слуга добрый, вѣрный, именемъ Рачьш*а*" (то же имя, что и въ Кіевѣ!); тамъ же мы найдемъ (стр. 485), что въ 1208-мъ году жилъ галичанинъ Тъба*ша*, который во время войны угрину Микѣ „главу стялъ".

Обратимся къ малорусскимъ именамъ на *ша* послѣ татарскаго погрома, вплоть до начала нынѣшняго вѣка. Беремъ на-

---

1) См. главу вторую, стр. 363 и 364 (Кіев. Стар. 1898, іюнь).

удачу три—четыре изданія по исторіи Малороссіи (изъ тѣхъ, которыя имѣются у насъ подъ руками въ нашей дорожной библіотекѣ)—и встрѣтимъ имена на *ша* очень часто. Дочь луцкаго князя Льва Юрьевича (+ок. 1324 г.), которая вышла замужъ за Любарта Гедыминовича, называлась Буша [1]). Въ грамотѣ этого Любарта Гедыминовича 1366-го года упоминается въ числѣ жителей Луцка Иванъ Мьстишенскій [2]),—значитъ, было тамъ и имя Мьстиша, второе изъ трехъ лѣтописныхъ именъ, отмѣченныхъ г. Соболевскимъ какъ спеціально кіевскія [3]). Приблизительно лѣтъ черезъ сто послѣ того, или немного больше [4]), у Лазура Радіевскаго въ Барскомъ староствѣ была дочь Аннуша. Частое женское имя—это Маруша, уменьшительное и отъ „Марія" (какъ и въ н. вр.), и отъ „Марина" [5]). Въ началѣ XVI вѣка (1516 г.), мы встрѣчаемъ въ Подоліи Марушу Иляшовскую [6]). Тамъ же 1520—1522 г. была Маруша Володовская [7]). Въ томъ же 16-мъ-мъ вѣкѣ жена Брацлавскаго каштеляна и городничаго въ замкѣ Владимірскомъ—Василія Загоровскаго (извѣстнаго своей горячей любовью къ русской вѣрѣ и народности)—была княжна Маруша Збаражская [8]). Въ концѣ того же вѣка и началѣ слѣдующаго мы знаемъ на Подоліи Марушу Богдановну

---

[1]) Цитирую это имя просто по памяти и потому не дѣлаю ссылки на какую нибудь книгу. У Иванова эта княгиня названа Буча (стр. 219).

[2]) Ивановъ: Историческія судьбы Волынской земли. Одесса 1895, стр. 273.

[3]) Быть можетъ, мы не ошибемся, если въ виду существованія древняго волынскаго рода Путошинскихъ откроемъ на Волыни и третье (значитъ, послѣднее) изъ тѣхъ трехъ якобы спеціально-кіевскихъ лѣтописныхъ именъ: Путьша. См. Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I, к. 1871, введеніе В. Антоновича, стр. 48 Впрочемъ и безъ Мьстиши, и безъ Путьши Волынь и Галичина знаютъ много именъ на *ша*.

[4]) Грушевскій: Барское староство. К. 1884, стр. 209.

[5]) См. длинный процессъ въ „Архивѣ Ю.-З. Россіи", ч. III, т. 1-й (1863 г.) стр. 178.

[6]) Грушевскій: Барское староство, стр. 185.

[7]) Названное соч., стр. 199.

[8]) „Про шлюбъ на Руси-Украинѣ въ XVI—XVII столѣтю". Написавъ Левко Маяченець (псевдонимъ). Зоря 1885, стр. 209. См. также „Мазепа и его прекрасная Елена" И. Каманина. Кіев. Стар. 1886, ноябрь, стр. 528.

изъ рода Слупицъ Лысогорскую [1]). Въ 1611-мъ г. въ Житомірѣ возбудила процессъ волынская пани Маруша (Марина) Пашкевичъ [2]). Черезъ семь лѣтъ (1618) въ томъ же житомірскомъ, замкѣ разбирается процессъ, въ которомъ упоминается жительница мѣстечка Студеная Вода—Маруша, жена Васька Винника [3]). За одно отмѣтимъ здѣсь и Марушу Багриновскую—въ жалобѣ овруцкихъ дворянъ 1718-го года [4]) и еще женское имя Ориша, попадающееся въ разводномъ дѣлѣ 1682-го года [5]). Въ Барскомъ староствѣ въ 1565-мъ г. жилъ Мурша [6]), по фамиліи Берлинскій, въ с. Берлинцахъ [7]). Опись Овруцкаго замка 1545-го года [8]) показала, что между прочимъ тамъ живутъ: земянинъ панъ Павша [9]), крестьянка Катюша—вдова [10]), земянинъ Тыша Быковскій [11]). Около того же времени какой то (вѣроятно, овруцкій) панъ Михаилъ Павша посылалъ „листъ“ въ Кіево-Печерскую лавру [12]). Въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ фамилію Павшей [13])

[1]) „Старинный родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Куна“. Кіев. Стар. 1886, іюль, стр. 568.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Россія, т. 1-й, ч. III. Ея имя на стр. 168, 182, 183, 184, 185.

[3]) Тамъ же, стр. 241 и 251.

[4]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 1-й ч. IV, (Кіевъ 1867). стр. 288.

[5]) Тамъ же, стр. 151.

[6]) Болѣе обычная форма этого имени—на ко: Мурко.

[7]) Грушевскій: Барское староство, стр. 182.

[8]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 1-й ч. IV, (Кіевъ 1867).

[9]) Назв. изданіе, стр. 37.

[10]) Названное изданіе, стр. 43.

[11]) Тамъ же, стр. 48.

[12]) Кіев. Старина 1886, іюнь, стр. 197.

[13]) Что касается соотношенія между личнымъ именемъ и фамиліей, то читатель долженъ вспомнить, что у малоруссовъ, какъ вообще у славянъ, въ роли потомственнаго фамильнаго прозвища сплошь да рядомъ фигурируетъ личное имя предка, особенно уменьшительное. Каждый изъ читателей можетъ среди своихъ знакомыхъ найти немало лицъ съ такими фамиліями. Я могу напомнить, напр., о знаменитомъ галицкомъ литераторѣ Иванѣ Франко, о его соварищѣ Михайлѣ Павликѣ, о литераторѣ Іеронимѣ Луцыкѣ и т. п., и т. п. Даже при современномъ, оффиціальномъ фиксированіи одного какого-нибудь прозвища (путемъ внесенія въ документы) еще не исчезаетъ старинный обычай обращать личное имя въ потомственную фамилію. По поводу процесса возникновенія малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ существуетъ общеизвѣстная статья проф. Н. Ѳ. Сумцева (оттискъ изъ „Кіев. Стар.“ 1885, февр.; см. особенно стр. 217 и 219) и новѣйшая—В. Охримовича: „Про сильські прозвища“, въ журналѣ „Житье и Слово“ 1895, т. III, стр. 302—307.

встрѣчаемъ чрезвычайно часто,—таковы, напримѣръ, дворяне, упоминаемые множество разъ въ овруцкихъ книгахъ гродскихъ [1]). Попадающееся въ овруцкой описи имя Тыша [2]) встрѣчается и въ другихъ документахъ не разъ; такъ, въ Житомірскомъ процессѣ 1618 го г. выступаетъ цѣлая семья Тышей [3]); въ житомірской актовой книгѣ 1664-го года говорится о дворянинѣ Львѣ Тышѣ Быковскомъ [4]); въ 1727 г. въ м. Фастовѣ [5]) былъ староста Якубъ Тиша [6]). Въ войскѣ Богдана Хмельницкаго отличался козакъ Тиша [7]); (здѣсь „Тиша", очевидно, ужъ личное имя, а не фамилія). Въ думахъ о Хмельницкомъ и Барабашѣ полковникъ Бѣлоцерковскій 1637-го г. называется то своимъ полнымъ именемъ—Климъ, то уменьшительнымъ—Клиша [8]). Въ 1649-мъ г. сотникъ Оржицкой сотни Кропивянскаго полка назывался Матюша [9]). При Выговскомъ былъ козакъ Груша [10]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи т. 4-й, ч. I, (Кіевъ 1871), стр. 108, 232—235, 243—247, 381—384, 443, 596; Архивъ т. 1-й, ч. IV, (Кіевъ 1867), стр. 333, 335. Было это имя и въ Галичинѣ, гдѣ до сихъ поръ есть село Павшевка.

[2]) Пишется то „Тыша", то „Тиша"; имя „Тихонъ" и его другія уменьшительныя (Тихно, Тишко) пишутся въ малорусскихъ документахъ такъ же то съ *и* то съ *ы*.

[3]) Архивъ юго-зап. Россіи т. 1-й, ч. III, (Кіевъ 1863), стр. 210, 211, 212.

[4]) Кіев. Стар. 1882, нб., стр. 357.

[5]) Фастовъ находится, конечно, въ Кіевщинѣ, но вѣдь по мнѣнію Соболевскаго она не только въ 1727-мъ году, но еще за долго до того времени былъ лишена своего старо-кіевскаго населенія, и въ ней жили пришлые галичане и волыняне, такъ что и по его мнѣнію ссылаться на Кіевщину того времени—все равно, что ссылаться на Галичину и Волынь.

[6]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I (Кіевъ 1871), стр. 518.

[7]) Ригельманъ: лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, изд. 1848 (Москва), часть I, стр. 121.

[8]) Антоновичъ и Драгомановъ: Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. II, (Кіевъ 1875), стр. 3, 8, 17. Теперь есть фамилія Клыша: Тымохвій Клыша—козакъ Лубенскаго уѣзда. См. „Полтавскія Губер. Вѣдомости" 15 іюля 1898 г. № 151.

[9]) Максимовичъ: Собраніе сочиненій, т. I (Кіевъ 1876), стр. 714.

[10]) Конечно, имя Груша могло бы происходить просто отъ нарицательнаго „груша" (die Birne). Но у Ригельмана (II, стр. 6) сказано такъ: „Виговскій послалъ трехъ козаковъ: Павла, Петра и Грушу". Употребленіе имени „Груша" наряду съ „Павло" и „Петро", думаемъ, ясно показываетъ, что имя третьяго казака есть имя крестное,—то самое, которое имѣетъ еще другія уменьшительныя формы: Грушъ, Грунь, Грушко, Грунько. (Кіевскій мѣщанинъ Грунь Ивановичъ или Грушъ Ивановичъ упоминается въ актѣ Бориспольскаго мѣйскаго уряда. „Кіев. Стар." 1892, апрѣль, приложеніе, стр. 4 и 5).

Приблизительно въ то же время жилъ въ Брацлавѣ протопопъ Ракуша [1]),—имя, напоминающее лѣтописное имя Ракоша [2]), а если удареніе на „Ра“, то и совпадающее съ нимъ [3]). Въ началѣ 17-го вѣка жилъ недалеко отъ мѣстечка Черемошны (Бердич. уѣзда) панъ Завиша [4]). Въ Пирятинской описи 1690-го года значится Ярема Буша, господарь въ Пирятинѣ [5]). Въ запорожскихъ походныхъ журналахъ прошлаго вѣка записанъ судебный процессъ (съ 1745-го г.), герой котораго—войсковой писарь (впослѣдствіи войсковый товарищъ) Петруша [6]). Въ показаніяхъ уніатскихъ священниковъ 1752—1768 г. отмѣчается галицкій русинъ Порвиша (иначе—Порвишко) [7]). Въ купчихъ записяхъ полтавскихъ козаковъ прошлаго вѣка встрѣчаются имена: Кируша [8]), Куруша [9]), Труша [10]). Такимъ образомъ мы, взявши нѣсколько первыхъ попавшихся книгъ и раскрывая ихъ наудачу то на той, то на другой страницѣ, легко могли ука-

---

[1]) Рягельманъ, II, 123 и 124.

[2]) Глѣбъ Ракошичь жилъ въ Кіевѣ при князѣ Изяславѣ Давидовичѣ. Ипат. лѣт. 341; Соловьевъ: Исторія Россіи (1869), II, 230.

[3]) Потому что неударное *о* во второмъ слогѣ легко могло перейти въ *у* по законамъ малорусской фонетики. Имя „Ракуша“, впрочемъ, не характерно и можетъ быть исключено изъ нашего списка.

[4]) Отъ какого имени происходитъ уменьшительное „Завиша“ и его разновидность „Завихно“, мы не знаемъ въ точности. Вѣроятнѣе всего отъ имени „Завидъ“, которое великорусскіе этнографы относятъ къ числу т. н. некалендарныхъ именъ.

[5]) Кіев. Стар. 1890, дек., стр. 446.

[6]) „Какъ судили и рядили съ запорожской сѣчи“ А. Скальковскаго. Кіевск. Стар. 1886, мартъ, стр. 604 и сл. Документы о Петрушѣ—стр. 608—609.

[7]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I, стр. 535.

[8]) И. Лучицкій: Сборникъ матеріаловъ для исторіи общественныхъ земель и угодій въ Лѣвобережной Украинѣ (Полтав. губ.). Универ. Извѣстія 1883 и 1884 г., стр. 119.

[9]) Тамъ же, стр. 92.

[10]) Тамъ же, стр. 53. Въ настоящее время, какъ извѣстно, обычное малорусское уменьшительное отъ „Трохимъ“ будетъ „Трушко“ и „Трушъ“ (съ окончаніемъ мужескаго склоненія). Такъ, одинъ извѣстный кобзарь (о немъ статья въ „Кіевск. Стар.“ 1882, т. III, стр. 262 и сл.), учитель Остапа Вересая, назывался Трушъ. Въ документахъ, изданныхъ г. Лучицкимъ, встрѣчается и „Труша“ и „Трушъ“,—напр., на стр. 29. Къ этой нашей замѣткѣ мы еще разъ возвратимся ниже.

зать г, Соболевскому (въ параллель къ его тремъ старо-кіевскимъ именамъ) десятка четыре малорусскихъ именъ на *ша* изъ разныхъ періодовъ малорусской исторіи [1]. Укажемъ здѣсь же нѣсколько малорусскихъ фамилій, которыя существуютъ и теперь, но образовались раньше нынѣшняго вѣка. Въ Черниговщинѣ есть фамиліи: Борейша [2], Дейша [3], Корейша [4], Тыша-Тыщинскій [5], Петруша [6]. Въ Кіевщинѣ есть фамиліи: Кате-

[1] Просимъ читателей помнить, что мы ограничились именно первыми попавшимися книгами и лишь бѣгло ихъ перелистали: не то могли бы свободно представить г. Соболевскому нѣсколько *сотенъ* такихъ малорусскихъ именъ. Жалѣемъ, что у насъ нѣтъ здѣсь въ Сиріи „Указателя собственныхъ именъ (Новицкаго) къ изданіямъ Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ". Изъ него, очевидно, можно было бы почерпнуть немало данныхъ.

[2] Напр., Вѣра Борейша, попечительница народной школы въ Пирятинскомъ у. Полтав. губ. отмѣчена въ памятной книжкѣ Кіевскаго учебнаго округа за 1896-й годъ. Фамилія старинная. Панъ Иванъ Борейшевичъ послалъ, вѣроятно, около половины XVI в., „листъ" въ Печерскую Лавру (Кіев. Стар. 1886, іюнь, стр. 298).—Отъ того же имени, отъ какого образовано уменьшительное „Борейша" (т. е., очевидно, отъ Борисъ), производится уменьшительное съ окончаніемъ *ко*. Напр., Dyaryusz Сярчинскаго въ концѣ прошлаго вѣка называетъ подолянина Борейка, посла на сеймъ 1791-го года (Универ. Извѣстія, 1883, октябрь, приб. IV, стр. 219); въ половинѣ 18-го в. извѣстенъ подолянинъ Фелиціанъ Борейко (Кіев. Стар. 1886, іюль, 509); въ православномъ волынскомъ съѣздѣ 1710 г. участвовалъ волынскій дворянинъ Янъ Борейко Кнерульскій (Архивъ юго-зап. Р., т. I, ч. IV, стр. 362); въ овруцкихъ книгахъ гродскихъ записанъ въ числѣ протестующихъ православныхъ 1699-го года Самуэль Борейко (Арх. ю.-з. Р., т. 1-й ч. IV, стр. 348).

[3] Въ той же Черниговской губ., а кромѣ того въ Полтавской, есть фамиліи того же корня: Дейко, Дейкунъ, а въ Проскуровѣ (Под. губ.)—Дейчукъ. Чубинск., т. VI, стр. 266.

[4] Иванъ Корейша—народный учитель въ Борзенскомъ у. Черниговской губ.; Ефимъ Корейша—народный учитель въ Константиноградскомъ у. Полт. губ. См. памятную книжку Кіевск. учебн. округа на 1896-й годъ.

[5] Извѣстенъ малорусскій писатель этой фамиліи, умершій года два назадъ. „Тыщинскій" произведено отъ „Тышко", и такимъ образомъ въ обѣихъ составныхъ частяхъ фамиліи „Тыша-Тыщинскій" заключается указаніе на имя „Тихонъ". Срв. подобное же образованіе въ двойныхъ фамиліяхъ: Ворона-Воронинскій, Дробышъ-Дробышевскій, Гарничъ-Гарницкій и др.

[6] Козакъ Анастасій Петруша—попечитель народной школы въ Борзенскомъ у. Черниг. губ. (Пам. книжка Кіев. уч. округа на 1896-й г.). Въ г. Васильковѣ Кіев. губ. живетъ крестьянинъ Петруша (сообщ. Г. А. Иванецъ).

руша [1]), Бушша [2]), Поликша и Кукша [3]). Въ Подольской губ.: Садоша [4]), Конша [5]), Макейша [6]), Матюша [7]) Въ Харьковщинѣ — Хоша [8]).

Переходимъ къ современнымъ малоруссамъ, относительно которыхъ г. Соболевскій прямо утверждаетъ, что имъ уменьшительныя имена на *ша* чужды. Пожалуй, можно отмѣтить то обстоятельство, что въ настоящее время уменьшительныя на *ша* вытѣсняются именами съ мужескимъ окончаніемъ *шъ* (Дорошъ, Иляшъ, Степашъ, Грушъ, и пр.) [9]), *усь* (Петрусь, Павлусь и др.) и въ особенности именами на *ко* (Илько, Степко, Грицько и т. п.) [10]), но утверждать, будто у малороссовъ

---

[1]) Крестьянинъ Черкасскаго уѣзда Кіев. губ. См. Б. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, т. II (Черниговъ 1896), стр. 339.

[2]) Чубинскій, т. VI, стр. 167. Выше было нами указано имя Буша у старинныхъ малоруссовъ, напр. въ 1690-мъ г. Происходитъ оно, очевидно, отъ Буславъ (Богуславъ).

[3]) Жители Таращанскаго уѣзда Кіев. губ. Поликша—волостной писарь въ с. Жидовская Гребля.

[4]) Сообщено покойнымъ Ю. Карповичемъ (родомъ изъ Ямпольскаго у.) Срв. великорусскія имена Садко и Садошка („Этнограф. обозрѣніе", кн. IX, стр. 169)

[5]) Сообщеніе Ю. Карповича. Это имя, не какъ фамильное, а какъ личное (очевидно, отъ Кондратъ) существовало и у великоруссовъ. „Этнограф. обозрѣніе", кн. XVI, стр. 126.

[6]) Крестьянинъ Макейшенко упомянутъ у Чубинскаго, т. VI, стр. 312. У великоруссовъ въ 16-мъ в. было имя Макуша или Макоша, которое г. Чечулинъ считаетъ некалендарнымъ. „Библіографъ" 1890, № 8, стр. 83.

[7]) Чубинскій, VI, стр. 365.

[8]) Степанъ Хоша—крестьянинъ купянскаго уѣзда. „Харьк. губ. Вѣд". 1897 с. 17 дек. № 324. „Хоша" отъ „Фотій".

[9]) Суфиксъ *шъ* (грамматичнѣе—*шь*) есть по мнѣнію Миклошича чисто малорусскій; по мнѣнію галицкаго ученаго А. Петрушевича онъ заимствованъ у западныхъ славянъ—мнѣніе высказано въ Przeględzie Archeologicznym. См. Кіев. Старина 1885, янв., 173; а вѣрнѣе будетъ считать его общерусскимъ. Суфиксъ *шь* охотно употребляется вм. *ша* въ силу того безсознательнаго соображенія, что именамъ мужескаго рода болѣе подобаетъ мужеское окончаніе, чѣмъ женское.

[10]) Выше мы имѣли случаи отмѣтить въ старыхъ малорусскихъ документахъ нѣсколько образчиковъ параллельнаго и довольно аналогичнаго образованія обоихъ уменьшительныхъ: и на ша и на ко (напр., Борейша и Борейко).

вовсе нѣтъ теперь уменьшительныхъ на *ша*, значитъ показывать свое незнаніе малорусскаго языка. Въ наибольшемъ ходу уменьшительныя на *ша* (напр. Иванюша) у сѣверо-восточныхъ малоруссовъ [1]), но, въ силу странной случайности, г. Соболевскій помнитъ объ этихъ малоруссахъ только тогда, когда ему хочется провозглашать тождество малорусскаго нарѣчія съ великорусскимъ [2]), и забываетъ ихъ тогда, когда такое забвеніе полезно для его гипотезы о великоруссизмѣ старыхъ кіевлянъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи уменьшительныя на *ша* не такъ обычны, но все же часты. Возьмемъ, напримѣръ, Полтавщину. Въ селахъ Лохвицкаго и Лубенскаго уѣзда [3]) еще можно встрѣтить отъ „Тымохвій" уменьшительное „Тымоша", хотя, разумѣется, господствуетъ „Тымишъ". Въ Кременчугскомъ уѣздѣ [4]) иногда еще слышится отъ „Матвій" уменьшительное „Матюша" [5]), отъ „Карпо"—„Карпуша" [6]), отъ „Тыхонъ"—„Тыша" [7]), отъ „Свырыдъ"—„Свырыдуша" [8]) отъ „Андрій"—„Андріяша" [9]). Въ южной Черниговщинѣ есть имя „Маша" [10]). Въ Харьковской губ,—„Горпуша" (Горпина) [11]). На Подольи въ

---

[1]) Чубинскій, т. VII, стр. 531.

[2]) См. Кіев. Стар. 1898, іюнь, стр. 361.

[3]) Сообщилъ Вас. Павлов. Цымбалъ, близко стоящій къ народу, уроженецъ с. Ковалей Лохвицкаго уѣзда. Въ настоящее время находится въ г. Звенигородкѣ Кіевской губ.

[4]) Сообщилъ мѣстный уроженецъ Григ. Антонов. Иванецъ, живущій теперь въ Васильковѣ Кіев. г.

[5]) Матюша Кулида, по уличному Лелекъ, живетъ на хуторѣ Кривуши Кременч. уѣзда.

[6]) Карпуша Кукоба—наймитъ, извѣстный г. Иванцу.

[7]) Тыша Сурыжыкъ, по уличному Куршакъ, живетъ теперь въ заштатномъ городкѣ Градижскѣ.

[8]) Свырыдуша Сурыжыкъ—братъ Тыши.

[9]) Г. Иванецъ подчеркиваетъ, что „Андріяша"—уменьшительное именно отъ „Андрій", а не отъ „Андріанъ".

[10]) Имя это фигурируетъ въ старой малорусской пословицѣ: „Поговорымо Машко, про людей, а люды про насъ ще й бильше". См. малорусскій журналъ „Зоря" 1894 г., № 23, стр. 505.

[11]) Ивановъ: Изъ области народныхъ малорусскихъ легендъ въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ., стр. 126 и сл. („Этнографич. обозр.", кн. IX).

Ямпольскомъ уѣздѣ отъ „Кипріанъ“ образуютъ уменьшительное „Кыша“ [1]), а отъ „Антонина„—„Антоша“ (при болѣе частомъ „Антоха“). На Волыни въ 60-хъ годахъ употреблялось имя „Улыша“ и, вѣроятно, употребляется до сихъ поръ [2]), а я въ дѣтствѣ зналъ тамъ [3]) крестьянскаго мальчика Куземшу. И въ Галичинѣ не отсутствуютъ уменьшительныя на *ша*; такъ, есть тамъ имя „Маруша“ [4]), „Грабынюша“ (болѣе нѣжно „Грабынятко“) [5]) Насколько близки для галицкаго русина имена на *ша*, можно судить по слѣдующему факту: въ „Кіевской Старинѣ“ 1895-го года была статья г. Беньковскаго объ одномъ разбойникѣ по имени «Добрушъ»,—галичанинъ, рецензировавшій въ „Запискахъ Товарыства имени Шевченка“ упомянутую статью, передѣлалъ „Добрушъ“ въ „Добруша“ [6]). Какъ видимъ, уменьшительныя имена на *ша*, въ изобиліи существовавшія у малоруссовъ въ прежнее время, продолжаютъ существовать у нихъ и теперь.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ коснуться еще малорусскихъ *нарицательныхъ* именъ на *ша*. Нижеслѣдующая таблица покажетъ намъ, что, будемъ ли мы видѣть въ «Мостиша», «Ратоша» уменьшительныя (вмѣстѣ съ г. Соболевскимъ), будемъ ли мы принимать ихъ за слова самостоятельнаго образованія, выражающія постоянное качество (подобно слову «святоша»),—и въ томъ и въ другомъ случаѣ имена «Мостиша» и прочія будутъ соотвѣтствовать духу малорусскаго языка [7]).

---

1) Сообщилъ мѣстный уроженецъ Луковскій (теперь учитель въ г. Васильковѣ Кіев. губ.).

2) Ив. Левицкій-Нечуй: Причепа. Львовъ 1889, стр. 209.

3) Съ с. Грозовѣ Острожскаго уѣзда.

4) См. статью В. Охримовича: „Про сільські прозвища“. Житье і Слово 1895, т. Ш, стр. 304.

5) См. пѣсни, собранныя Теод. Анастазіевскою изъ Сапогова въ „Жіночій бібліотеці“ (видае Н. Кобриньска), кн. Ш, Львовъ 1896, ст. 89—90. Контекстъ ясно показываетъ, что „Грабынюша“ имя личное (произведенно, вѣроятнѣе всего, отъ „Евграфъ“).

6) „Записки“, т. XII, наукова хроніка, стр. 24.

7) Нижепомѣщенный списокъ составленъ мною всего изъ пятидесяти словъ,—количество, которое мнѣ кажется вполнѣ достаточнымъ; если бы оказалось нуж-

Билявша (и билявка)—особое насѣкомое (Libellula по Желеховскому); у великоруссовъ этого слова нѣтъ [1]).

Благоша—юродивый, «дурепыще» (Цымб.) [2]). Срв. великорус. «благуша» (дурачекъ, малоумный) Даль I, 80.

Бокша и бокуша (иначе: бочуля, бочыста корова)—см. объясненіе у Желех. I, 38. По-великорусски нѣтъ.

Брендуша (брендуля, брендушка)—а) изящная, опрятная женщина (срв. глаголъ «брендуваты», у Желех. «брындуваты»), б) цвѣтокъ Crocus vernus [3]). По великорусски нѣтъ; есть только „брындикъ" (ряз. и владим.) въ значеніи „щеголекъ", „франтикъ". Даль I, 117.

Брандюша [4])—crocus reticulatus [5]). По-великор. нѣтъ.

Братывша—переборчивый въ ѣдѣ (у Желеховскаго—братившлывый) [6]). По-великор. нѣтъ.

Волокуша — большой неводъ (Желех.). У великоруссовъ „волокуша" и „волока" (Перм. губ.)—нѣчто вродѣ саней и повозки для таски бревенъ. Даль I, 209.

Гнылоша и гнылуша. По-великор. перваго нѣтъ, а второе означаетъ „гниль" (Даль I, 319). Малорусскій словарь Желеховскаго показываетъ для обоихъ словъ свое спеціальное значеніе (прозвище третьей четверти мѣсяца и лѣнивая женщина), но

нымъ, то списокъ можетъ быть увеличенъ ad libitum. Составивши списокъ, я провѣрилъ его по словамъ Желеховскаго: оказывается, у Желеховскаго найдется половина приведенныхъ здѣсь словъ; я къ такимъ словамъ не буду давать подробныхъ объясненій, такъ-какъ читатель можетъ найти самъ нужныя свѣдѣнія у Желеховскаго. Правописаніе Желеховскаго переведено на то, которое принято въ Россіи.

[1]) Выраженіе: „у великоруссовъ этого слова нѣтъ" означаетъ и здѣсь, и ниже только то, что даннаго слова нѣтъ въ великорусскомъ *словарѣ Даля.*

[2]) Вас. Павл. Цымбалъ сообщилъ мнѣ, по-малорусски, толкованіе нѣсколькихъ словъ на ша, и я привожу его толкованія буквально.

[3]) Желеховскій пишетъ въ этомъ корнѣ то е, то ы,—смѣшеніе вполнѣ понятное, такъ-какъ неударныя е и ы у малоруссовъ обыкновенно не различаются.

[4]) Звукъ а (точнѣе: я, отвердѣвшее послѣ р) вм. е—обычное явленіе малорусской фонетики. Объ этомъ подробно см. ниже, въ главѣ четвертой.

[5]) Словарь Роговича въ запискахъ юго-зап. отдѣла Имп. Геогр. общ., т. I, стр. 120.

[6]) Желеховскій пишетъ „братівшливий".

извѣстно, что и по-малорусски они могутъ означать то же, что и великорусское „гнилуша". „Гнилушею" называется село, подаренное Мазепою Лизогубу въ 1689-мъ году [1]).

Гаркуша—то же, что „гаркавый", т. е. картавый [2]). Много историческихъ лицъ носили прозвище Гаркуша, напр., черниговскій полковникъ при Богданѣ Хмельницкомъ (въ 1651-мъ г.), извѣстный разбойникъ и др. У великоруссовъ „гаркуша" значитъ „крикунъ" (Даль I, 304).

Горбаша—холмистое мѣсто, „де скризь горбы" (Цымб.), иначе—горбатка. На Волыни есть село Горбаша [3]). У великоруссовъ, вѣроятно, нѣтъ этого слова.

Гопша—по значенію немного сильнѣе, чѣмъ „гопка". Чубинскій (т. VII, стр. 262) объясняетъ, что гопшею называется „худая, высокая и неуклюжая *женщина*" (що гопае), но на самомъ дѣлѣ это существительное общаго рода [4]). По великор. нѣтъ.

Гудеша—особый видъ жука (гудыкъ, по Верхратскому, Melolontha solstitialis, у Желех.) Лаврентій Гудеша—житель г. Умани Кіев. губ. [5]).

Довбеша—„довбня", „довбешка".

Довгуша—особая муха. Есть въ Харьковщинѣ крестьянинъ Довгуша [6]).

Доброша—добрячище. Великор. „добруша". Даль I, 395.

Дядюша—„дядына" (тетка). Въ Полтавщинѣ есть фамилія Дядюша [7]).

---

[1]) Кіев. Стар. 1882, янв., стр. 105.

[2]) Россійсько-українськый словарь М. Уманця і Спілки (Львів 1894), т. II, стр. 10.

[3]) Упоминается въ жалобѣ 1611-го года. Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. I, ч. 3, стр. 155.

[4]) По крайней мѣрѣ мнѣ приходилось слышать его въ муж. родѣ на Волыни. То же подтверждаетъ полтавецъ г. Цымбалъ.

[5]) „Кіевлянинъ" 1898, № 147.

[6]) Сообщилъ Г. А. Иванецъ.

[7]) Иванъ Яковлевичъ Дядюша живетъ въ Хорольскомъ уѣздѣ. См. „Полтав. губ. Вѣдомости" 1898 г 5-го февр. № 28.

Катуша—пыточное орудіе (Желех.). У великоруссовъ только „катушка“. Даль II, 713.

Кывша—кывунъ, кывуха, кывлывый (кокетливый). Есть фамилія Кывшенко (по-русски пишется „Кившенко“,—напр., живописецъ). Великор. „кивуша“ (=кивунья). Даль II, 721.

Кедруша (Жел.)—птица-кедровка, Corvus caryocatactes [1]). По великорусски нѣтъ.

Клапша—оборванецъ (клаптуля, клаптавый, клапшывый—у Жел.). По великор. нѣтъ.

Кобоша (Жел.)—круглая корзина (коба, кобка, кобеля). По великор. нѣтъ

Колоколуша—черемуха (Prunus padus). Въ словарѣ Даля (II, 751) это слово указано, какъ существующее у западныхъ великоруссовъ.

Кокоша. Обыкновенно это слово—женскаго рода и значитъ курица (срв. великорусское новгородское „кокша“ въ томъ же значеніи, Даль II, 746; старорусское и соврем. галицкое кокошь, польск. kokosz). Въ Полтавщинѣ же „кокоша“—общаго рода, и такъ называется очень хорохорящійся человѣкъ; говорятъ пренебрежительно: „у, ты! кокоша убогый!“ (Цымб.); срв. „кекотъ“, „кокотень“ (рѣзвушка), „кокотиты“ (хорохориться).

Колотуша—кушанье, приготовленное изъ взбитаго творога и сметаны (Желех.). По великорусски это слово значитъ „водяная мельница“. Даль II, 752.

Красоша—красавецъ, „красоха“. По великор. нѣтъ.

Крывша и крывуша—кривногій. Михаилъ Крывша—житель г. Василькова Кіев. губ. [2]); Иванъ Крывуша—священникъ въ Черниговскомъ уѣздѣ [3]); Иванъ Крывуша—козакъ-помѣщикъ Прилукск. у. Полтав. губ. [4]). И по великорусски есть „кривуша“. (Даль, II, 800, 2-й столб.).

---

[1]) По объясненію, полученному г. Верхратскимъ въ Десятинѣ (Галичинѣ), названіе это дано птицѣ за то, что она „йисть насинье кедры“. Правда 1878, т. II, стр. 237.

[2]) Сообщилъ Г. А. Иванецъ.

[3]) См. Памятную книжку Кіевск. учебн. округа на 1896-й годъ

[4]) Сообщилъ Г. А. Иванецъ. Кромѣ того онъ знаетъ крестьянъ съ подобными прозвищами въ Харьковщинѣ.

Крякша — кряква. Великор. „крякуша". Даль II, 799, столб. 2-й.

Кукша—неуклюжій человѣкъ (общаго р.) По великорусски это слово ж. р. (Даль II, 819).

Крыкуша. См. разсказъ: „Черезъ крыкушу. Зъ народнихъ устъ" [1]).

Ливша—а) лѣвая рука, б) человѣкъ, дѣйствующій лѣвою рукой [2]),

Лукша—прибрежная кора подъ корнемъ дерева. Срв. старинное „лукно" (бобровая нора).

Макуша (Желех. по Федьковичу)—старая кокетка („макуха"). По великорусски значитъ „маковка". Даль II, 891.

Малюша—то же, что великор. „малуша" и западно-великорусское „малюшка". Даль II, 893.

Матуша—а) матушка, б) тетка (Желех.), вѣроятно, съ материнской стороны.

Мылуша—милочка. Есть въ Полтавщинѣ фамилія Мылуша [3]).

Мурмоша (иначе «мурмоса»)—дующійся и ворчунъ. Срв. „балакае, якъ мурма" (Цымб.).

Паноша—баричъ (иронич.). У Желеховскаго (вѣроятно, подъ польскимъ вліяніемъ) истолковано, какъ собирательное. По великор. нѣтъ.

Пакыша—неуклюжій. По-великорусски „пакша", „пакуша". Даль III, 5. Срв. „пакля" (неуклюжая рука).

Перкоша--драхва. По объясненію, записанному г. Верхратскимъ, „самецъ (драхвы), якъ токуе, крычыть: перкъ, перкъ!" [4]) По-великорусски нѣтъ.

Правоша (иронич.)—хозяйничающій, заправило. (Отсюда глаголъ „правошыты"). По-великорусски нѣтъ.

---

[1]) Правда (галицкая) 1895, См. „Заря" 1895, стр. 340.

[2]) Примѣчаніе Желеховскаго, что „ливша" есть несклоняемое, простая описка, или опечатка.

[3]) Даныло Мылуша—крестьянинъ Золотоношскаго уѣзда. „Полтав. Губ. Вѣд." 1898 г. 13 янв. № 9.

[4]) Правда 1878, т. II, ст. 240.

Правша—а) противоположность лѣвшѣ, б) правая рука. У Желеховскаго первое значеніе не показано.

Пукыша—толстый ребенокъ (срв. напу́катысь—наѣсться до-отвалу, „пукатый"—толстый). У Желех. „пукишка" [1]) съ *і* вѣроятно, въ силу небнаго произношенія *к*, хотя возможно, что „пукишка"=„пукôшка" (въ такомъ случаѣ это послѣднее слово происходитъ отъ предполагаемаго „пукоша"). По-великор. нѣтъ, а слово „пукша" означаетъ птицу сою. Даль III, 492.

Ревша—рева, ревунъ. По великор. „ревуша". Даль IV, 46.

Ропша (отъ „ропа")—торфъ (Желех). По-великор. нѣтъ.

Серуша—is, qui saepe cacat.

Сыводракша—птица Coracias qarrula, „сыводрака" [2])

Скупоша—скупецъ (Жел).

Смакоша—любитель смаковать („смакунъ").См. „Жиноча библіотека", кн. III, стр. 107. Польск. smakosz.

Святоша—то же, что и по великор. Срав. Б. Гринченко: Этнографич. матеріалы, т. II, стр. 153; Рудченко: Сказки: т. I, стр. 46.

Сынаша (и „сынашъ", съ муж. оконч.)—сынокъ. [3])

Трабша—бѣгущій рысью („трабомъ") Фамилія „Трабша" распространена въ Малороссіи [4]).

Черкуша—особая порода сливъ. По великорусски такъ называется сошка съ желѣзнымъ зубомъ. Даль IV, 542.

Юноша—а) молодой человѣкъ (Желех.), б) холостякъ (сообщено г. А. Борковскимъ изъ народныхъ устъ. См. Желех. II. 1109). Въ великорусскомъ употребленіи это слово, кажется, заимствовано изъ церковнаго языка.

Достаточно просмотрѣть эту полусотню малорусскихъ словъ на *ша*, чтобы составить заключеніе о ихъ смыслѣ: а) они

---

[1]) Записано г. Верхратскимъ.

[2]) Форма, записанная г. Верхратскимъ въ Подольской губерніи. Правда 1878, т. II, стр. 237.

[3]) Г. Иванецъ пишетъ мнѣ „Сынашею меня называли въ дѣтствѣ дома, и въ другихъ семьяхъ въ Кременч. уѣздѣ я слышалъ эту форму, употребляемую для выраженія ласки".

[4]) Напр., Владиміръ Трабша—б. учитель Лубенской гимназіи. Есть Трабши въ Кіевѣ Кіев. Стар. 1895. янв., отд. II, стр. 18.

бываютъ формой ласкательной,—не то уменьшительной, не то скорѣе увеличительной, [1]), б) они выражаютъ усиленное, интенсивное, постоянное качество или дѣйствіе (подобно словамъ на *тель* и *унъ*). Оба значенія въ тѣсной связи между собою, и напримѣръ „благоша" одинаково служитъ ласкательнымъ къ „благый", какъ и обозначеніемъ человѣка, всегда благого. Старокіевскія имена „Мстиша", „Ратьша" „Путьша", понимать ли ихъ какъ прозвища, обозначающія постоянное качество („мститель", «воитель», «путникъ», или „путный—порядочный"),—во всякомъ скучаѣ они вполнѣ въ духѣ малорусскаго языка.

Итакъ, достаточно было бы г. Соболевскому взглянуть въ Волынскую лѣтопись, въ нѣсколько книгъ или документовъ по исторіи Малороссіи, да въ словарь Желеховскаго, и ему стало бы ясно, что странно говорить, будто имена на ша чужды малоруссамъ [2]). Г. Соболевскаго ослѣпило и лишило проницательности тенденціозное, предвзятое мнѣніе о великорусскости древнихъ кіевлянъ, и сбылось предсказаніе незабвеннаго Потебни, что ,,предположеніе, закинутое далеко напередъ болѣе

---

[1]) Что увеличительная форма имени выражаетъ ласку, вещь общеизвѣстная Слуга Андрея Боголюбскаго назывался Кузьмище (Ипат. лѣт 400—401). Въ былинахъ встрѣчаются ласкательныя названія: „сильный Иванище" (Кирѣевскій, 1, стр. 18); Илья Муромецъ (Гильфердингъ, № 4 и № 48) привѣтливо величаетъ калику: „Ты, Иванищо, да е могучій" или „здравствуй, сильноё, могучо ты Иванище". См. еще у Гильфердинга № 245: „славно Иванище"; также № 15 у Рыбникова, и пр., и пр., и вездѣ къ этому Иванищу пѣвцы относятся сочувственно. Увеличительный суффиксъ *ина* (великор. „домина", малор. „хлопчына") образуетъ ласкательную форму именъ собственныхъ: Кузьмына (заглавіе одной сказки В. Чайченка), Иванына, (Иванина, или Иванъ Берлинскій—подолянинъ около 1551 года, —Грушевскій: Барское староство, стр. 182), Федына (въ документѣ 1767 г., — Лучицкій: Сборн. матер. для истор, общ. землевл., стр. 190), Грыцына(такъ называется одинъ галичанинъ,—Зоря, 1885, стр. 84), Марусына (т. е. Маруся) — имя, встрѣчающееся въ пѣсняхъ. Увеличит. суффиксъ *иця* (срв. малор. „хлопыця"—мужичище, „братыця"—братище) встрѣчается въ собственныхъ именахъ: Иваныця (Полт. актъ прошлаго вѣка,—Лучицкій, назв. соч., стр. 250), попъ Микулица (во Владимірѣ на Клязьмѣ при Андреѣ Боголюбскомъ,—Ипат. лѣт. 402). Собственныя имена: Сашура, Митюра (въ актѣ 1650 г., Кіев. Стар., мартъ, 489) составлена по образцу: „цинура" (цѣпище), ,,чапура" (цаплища, отъ „чапля").

[2]) Это утвержденіе находится въ обоихъ изданіяхъ „Лекцій": 1883 и 1891 гг.

основательныхъ фактическихъ изслѣдованій, по свойственной людямъ склонности поставить на своемъ, можетъ дать одностороннее пристрастное направленіе будущимъ работамъ автора“ [1]).

Объ именахъ на съ и ся.

Въ параллель къ старокіевскимъ мнимо-немалорусскимъ именамъ на *ша* г. Соболевскій находитъ или старается найти старыя галицкія и волынскія имена: Волъдрись (и производитъ его отъ „Володарь“), Блюсь и Митуса (въ нихъ онъ видитъ „Блю*сь*“ и „Миту*ся*“). Имена на сь, ся, по мнѣнію г. Соболевскаго, специально малорусскія, и разъ ихъ нѣтъ въ старо-кіевскихъ памятникахъ, то это должно доказывать, что старые кіевляне не были малоруссами, а если теперь такія имена есть „около Днѣпра“, то это значитъ, что современные жители Кіевщины пришли изъ Галичины и Волыни.

Для оцѣнки общенаучныхъ пріемовъ г. Соболевскаго обратимъ вниманіе на два пункта: 1) Самъ г. Соболерскій (ставя вопросительный знакъ при „Володарь“) питаетъ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ „Волъдрися“, а имена „Блюсь“ и „Митуся“ прямо создаетъ отъ себя, какъ гипотезу, а затѣмъ, чтобы доказать другую гипотезу о великорусскости старыхъ кіевлянъ, ссылается на первую гипотезу, т. е. доказываетъ неизвѣстное неизвѣстнымъ. 2) Видитъ онъ доказательство въ умолчаніи. Ну, а если въ старомъ Кіевѣ *были* таки ласкательныя на сь, то развѣ они *непремѣнно должны были* попасть и въ лѣтопись?

Филологическія знанія и филологическіе пріемы г. Соболевскаго характеризуются здѣсь тоже двумя обстоятельствами: 1) онъ говоритъ, что уменьшительныя на сь, ся—спеціально малорусскія, тогда какъ они общерусскія, 2) въ созданіи именъ

---

[1]) Извѣстія Академіи Наукъ (отдѣл. русск. языка и слов.) 1896, т. I, кн. 4. стр. 807. Наклонность настаивать на своемъ до того сильна у г. Соболевскаго, что во 2-мъ изданіи „Лекцій“ сохранены странности 1-го изданія, указанныя съ полной очевидностью такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Ягичъ.

„Волъдрись", „Блюсь" и „Митуся" допущенъ г. Соболевскимъ рядъ грубыхъ ошибокъ и странностей.

Уменьшительныя на сь, ся (напр., Петрусь, Маруся), дѣйствительно, существуютъ въ малорусскомъ нарѣчіи [1]). Но они въ изобиліи существуютъ также въ нарѣчіи бѣлорусскомъ, „которое, *конечно*, есть часть великорусскаго нарѣчія" [2]), существуютъ и въ великорусскомъ. Въ словарѣ Даля (I, 29) отъ „баба" показано великорусское уменьшительное „бабуся„, „бабусенька" и приведена также пословица: „Была бъ моя бабуся—никого не боюся". Отъ „дѣдъ" (Даль I, 454) уменьшительное „дѣдуся"; твердое слово „дидко" Даль поясняетъ (I, 387) словомъ: „дѣдусь",—значить, на его взглядъ форма „дѣдусь"—одна изъ наиболѣе обычныхъ и удобопонятныхъ для великорусса. Отъ „мать" (Даль II, 905)—великорусское уменьшительное „матуся" (южн. и зап.) и отъ „мама"—„мамуся"; отъ „мама" есть еще уменьшительное „мамусь" или "мамысь" (костромское,—Даль II, 895). Въ параллель къ „мамысь" укажемъ московское слово „мурысь", т. е. малорослая женщина (Даль II, 954, 2-ой столб.) [3]). Отъ—„тетка"—уменьшительное „тетуся" (Даль IV, 369, 1-й ст.). Отъ „тата" [4]) уменьшительное „татуся" (Даль IV, 417). Въ Москвѣ употребляются ласкательныя: „милуся" (и „милушка") и „дуся" [5]). И такъ, эта

[1]) Замѣтимъ кстати, что уменьшительныя на сь, ся (Петрусь, Маруся), чрезвычайно распространенныя въ Полтавской губ., очень рѣдки въ *Кіевской* губ., и насколько мнѣ извѣстно, среди *крестьянъ* Кіевщины они и вовсе не встрѣчаются. Должно быть, это обстоятельство извѣстно было и г. Соболевскому, когда онъ вмѣсто „Кіевская губ." употребилъ неопредѣленное выраженіе: „около Днѣпра" (Лекціи, 2-е изд., стр. 255).

[2]) Выраженіе самого г. Соболевского „Лекціи", стр. 2.

[3]) При случаѣ отмѣчаемъ, что подобно тому, какъ окончаніе ся (ж. р.) чередуется у великоруссовъ съ сь, окончаніе ша чередуется у нихъ съ шь. Напр., наряду съ „матуша" есть калужское „матушь". Даль II, 905.

[4]) Для тѣхъ, кто вообразилъ бы, будто это слово не чисто великорусское, сообщимъ (по Далю IV, 359), что оно употребляется даже въ губерніи архангельской и псковской.

[5]) Фабричная подмосковная пѣсня поетъ:

Два годочка миновало,
Съ милымъ я въ лѣсу гуляла.

форма уменьшительныхъ именъ не есть исключительно малорусская, но есть *общерусская*; присутствіе ея въ галицко-волынской лѣтописи само по себѣ не могло бы еще служить доказательствомъ малорусскости старыхъ галичанъ и волынянъ, равно какъ присутствіе этой общерусской формы теперь около Днѣпра не можетъ свидѣтельствовать о галицко-волынскомъ происхожденіи современныхъ приднѣпровцевъ.

Но этой формы вовсе и нѣтъ въ галицко-волынской лѣтописи. Присмотримся ко всѣмъ тремъ именамъ, которыя предлагаетъ г. Соболевскій: 1) Волъдрись, 2) Блюсъ и 3) Митуса.

1) *Волъдрись.* Г. Соболевскій думаетъ, что отъ „Володарь" можетъ быть уменьшительное „Волъдрись". Не такъ еще давно А. Вельтманъ [1]) доказывалъ, что если съ умѣньемъ прочитать имя „Кыяне", то выйдетъ „Guni" и „Huni", и поэтому гунскаго царя Аттилу онъ титуловалъ: „Аттила, великій князь Кіевскій и всея Руси самодержецъ" [2]). Г. Соболевскій, образуя отъ „Володарь" уменьшительное „Волъдрись", показалъ, что попытки гг. Вельтмановъ еще не отошли въ область преданія: ни одинъ филологъ не пойметъ, почему звукъ *о* (Вол*о*дарь) перешелъ въ *ъ* (Волъдрись), куда дѣвалось *а* послѣ *д* (бывшее въ Волод*а*рь) и откуда передъ *сь* появилось *и* (Волъдр*и*сь). Но на самомъ дѣлѣ имени „Волъдрись" и не было никогда. Единственное мѣсто Ипатьевскаго списка лѣтописи, содержащее въ себѣ имя даннаго лица, читается вотъ какъ [3]): „посла сѣдѣльничего своего по невѣрныхъ Молибоговичихъ и по Волъдрисѣ". Не трудно сообразить, что „по Волъдрисѣ" значитъ: „по Ольдрихѣ" [4]), причемъ начальный призвукъ *в*, чрезвычай-

Онъ шепталъ мнѣ: „Моя дуся!
На тебѣ, ей-ей, женюсь я".

Хотя ш въ „душа" принадлежитъ корню, но отношеніе между „дуся" и „душа" совершенно такое же, какъ напримѣръ, между „Маруша" и „Маруся".

[1]) А. Вельтманъ: Аттила и Русь IV и V вѣка. Москва 1858.

[2]) Назв. соч., стр. 119.

[3]) Это стр. 509-ая; на нее ссылается и г. Соболевскій.

[4]) Если-бы имен. падежъ былъ Волъдрись, то мѣстный падежъ, по правилу, оканчивался бы не на *ѣ*, но на *и* и былъ бы: по Волъдрис*и*. Правда, Ипатьевскій

но любимый малоруссами, здѣсь почти неизбѣженъ, ради устраненія зіянія между двумя *о* („п*о О*лъдрисѣ"). Имя „Ольдрихъ"—совершенно обычное имя у западныхъ славянъ [1]). Въ Галичинѣ и на Волыни, какъ извѣстно, всегда въ изобиліи циркулировали западныя имена, а тѣмъ болѣе при Даніилѣ, при которомъ происходилъ цѣлый наплывъ иноплеменниковъ, и среди бояръ были и чехи, и ляхи, и угры; Ольдрихъ жилъ при Даніилѣ и былъ, судя по лѣтописи, бояриномъ.

2) *Блюсъ.* Г. Соболевскій понимаетъ это начертаніе какъ „Блюсь". Начнемъ съ того, что въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи, въ которомъ встрѣчается это имя и на который ссылается г. Соболевскій, написано не „Блюсъ", а „Блусъ", съ *у* послѣ *л* (585). Умышленно ли совершилъ г. Соболевскій это искаженіе [2]) или неумышленно, мы во всякомъ случаѣ должны принять къ свѣдѣнію, что на ссылки г. Соболевскаго не всегда можно полагаться [3]). Во вторыхъ отмѣтимъ, что къ предложенной

списокъ изрѣдка (какъ исключеніе) предлагаетъ *ѣ* и въ мягкомъ склоненія, но филологу необходимо имѣть предвзятую мысль, чтобы видѣть исключеніе какъ-разъ въ начертаніи „по Волъдрисѣ", если въ *сосѣднемъ* же „Молибоговичихъ" вполнѣ правильно соблюдено окончаніе мягкаго склоненія. Пожалуй, имя „Волъдрись" усмотрѣлъ и составитель печатнаго указателя къ Ипатьевскому списку, но у того это вышло по его филологическому невѣжеству, равно какъ и много другихъ ошибокъ (напр., отъ дат. падежа „Ореви" онъ образовалъ имен. пад. не „Оръ" но „Орева"; отъ вин. пад. „Митусу" им. падежъ у него не „Митуса", но „Митусъ", и т. д., и т. д.); весь указатель переполненъ ошибками.

[1]) Напримѣръ, всѣмъ извѣстенъ изъ исторіи чешскій князь Oldřich, который въ 1012-мъ г. изгналъ брата своего Яроміра, сталъ одинъ царствовать надъ чешскою землею и умеръ въ 1037-мъ г.,—тотъ Oldřich, о которомъ первый номеръ краледворской рукописи говоритъ:

veleslwny kniéže!
Bóh ti buiarost da u wše údy,
Bóh ti da viehlasy w buinu hlavu!

(Rukopis Kralodworsky, od Wáclawa Hanky, w Praze. 1835, стр, 1).

[2]) Дѣйствительно, форма „Блюсь" звучала бы какъ-то больше въ малорусскомъ духѣ, чѣмъ „Блусь".

[3]) Въ такомъ случаѣ его „Лекціи", лишенныя значенія своими невѣрными толкованіями фактовъ, не имѣютъ большого значенія даже какъ сборникъ сырыхъ матеріаловъ.

г. Соболевскимъ формѣ „Блюсь" трудновато подыскать основную, не уменьшительную форму имени; г. Соболевскій, обращая „Блусъ" въ „Блюсь" и считая „Блюсь" за *уменьшительное*, долженъ былъ высказать соображенія, по которымъ „Блюсь" могло бы дѣйствительно считаться за уменьшительное; а то вѣдь если уменьшительною формою мы будемъ считать всякое слово съ окончаніемъ сь, то старинное сѣверно-русское имя города Олоньсь (соврем. Олонецъ) тоже должно быть признано за уменьшительное. Далѣе спросимъ: имѣлъ ли г. Соболевскій какія-нибудь основанія считать окончаніе съ въ „Блусъ" за сь. Нѣтъ, не имѣлъ: лѣтопись вѣдь пишетъ: „Блусомь", т. е. склоняется „Блусъ" по твердому склоненію, а не по мягкому. Если же по мнѣнію г. Соболевскаго достаточно какому-нибудь имени имѣть окончаніе съ, чтобы считаться за уменьшительное на сь, то филологическому произволу открывается такой просторъ, при которомъ не только въ Галичинѣ и на Волыни, но и во всякой русской области отыщутся уменьшительныя на сь, въ томъ числѣ въ Кіевской, и такимъ образомъ галицко-волынская гипотеза г. Соболевскаго будетъ поражена его же принципами, а кромѣ того возникнетъ множество филологическихъ странностей. Въ старомъ Кіевѣ было, напр., имя Борисъ; кто принимаетъ „Блусъ" за уменьшительное, тотъ съ еще большимъ правомъ долженъ принять „Борисъ" за уменьшительное отъ „Борихъ" [1]). Имя бога Волоса придется, по методу г. Соболевскаго, считать за уменьшительное отъ „володь" (волосы) [2]), или отъ «володарь» (властелинъ); или отъ „волотъ" (исполинъ); а другая форма этого божьяго имени „Велесъ" окажется уменьшительнымъ отъ «велетъ» (исполинъ) или отъ „велеславъ", и эта гипотеза привлекательнѣе „блюсевской" ужъ

---

[1]) Борихомъ называется Борисъ въ угорскихъ лѣтописяхъ. См., напр., у Туроца (Turocz: chron. Hung., c. LXIV): „Borich, itaque ascito Ruthenorum Polonorumque auxilio"... и т. д. Рѣчь идетъ о князѣ Борисѣ Коломановичѣ, сынѣ дочери Владиміра Мономаха.

[2]) Матеріалы для словаря древне-русскаго языка—И. Срезневскаго. СПБ 1893, т. I, стр. 291 („густою володію").

по тому, что у малоруссовъ дѣйствительно существуетъ имя „Велесь“ [1]). Имя бога солнца „Хрьсъ“ также окажется уменьшительнымъ (срв. зендское hvare, санкр. svar, перс. chûr). Найдутся такія уменьшительныя и на далекомъ сѣверѣ: лѣтописный „Синеусъ“ [2]), былинный „Бермасъ“ [3]). Филологъ осторожный, конечно, не найдетъ возможности видѣть въ „Блусѣ“ и въ подобныхъ именахъ уменьшительныя типа „Петрусь“; но г. Соболевскій, для котораго Блусъ=Блюсь, долженъ признать перечисленныя нами имена какъ разъ за уменьшительныя типа „Петрусь“ и, тѣмъ самымъ, признать форму на сь за *обще*русскую, не исключительно галицко-волынскую.

3) *Митуса* (Ипат. 528). Еще Максимовичъ [4]) предположилъ, что „Митуса“ есть сокращеніе имени „Димитрій“; но, зная хорошо малорусское нарѣчіе, онъ и не подумалъ сказать, чтобъ окончаніе *са* нужно было принимать за *ся*. Г. Соболевскій, напротивъ, принимаетъ „Митуса“ за „Митуся“, не зная или упуская изъ виду, что суфиксы *са* и *ся* далеко не тождественны по значенію. Имена на *ся* имѣютъ смыслъ уменьшительный, тогда-какъ имена на *са* бываютъ: а) обозначеніемъ предметовъ, въ которыхъ какое-нибудь качество очень прочно, или которые постоянно повторяютъ одно и то же дѣйствіе, б) формой увеличительной, или ласкательной. Вотъ примѣры какъ малорусскіе, такъ и великорусскіе: плакса, крикса, рюмса, бекса, хныкса, кукса, мытуса [5]), лытуса, мурмоса (бурмоса), мом-

---

[1]) Встрѣчается въ актѣ 1596-го года. Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. I, ч. 3-я, стр. 102.

[2]) Русская передѣлка скандинавскаго имени Сніо или Синніутеръ. Погодинъ. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. М. 1846, т. II, стр. 68—69.

[3]) Вав. Миллеръ и Н. Тихонравовъ: Русскія былины старой и новой записи М. 1894, II, стр. 169, 170, 171. Обыкновенно же Бермасъ называется въ былинахъ Бермятою или Берметею.

[4]) Основа 1861, іюнь, VI, 19 и въ Собраніи сочиненій, т. I (Кіевъ 1876), стр. 129.

[5]) Суетливый, непосѣда, егоза. Не исключена возможность, что и лѣтописное имя Митуса образовалось отъ нарицательнаго, а не отъ „Димитрій“.

са, мамса, мамыса (костромское) [1], стырса (=стырта), кырса (=кырта), дудаса, выкрутаса, малюса, дубаса [2], мордаса и т. д., и т. д. Какъ видимъ, образованіе именъ на *са* аналогично съ образованіемъ на *ша*; а у нѣкоторыхъ именъ параллельно существуютъ въ одномъ и томъ же значеніи обѣ формы, на *ша* и на *са*, (напр., бекса и бекша [3]) кукса и кукша, мурмоса и мурмоша, лытуса и лытуша [4]), изъ чего дѣлается еще болѣе ясною взаимная близость этихъ формъ и отдаленность *са* отъ *ся*.

О буцахъ и гуцалахъ.

„Отсюда (т. е. оттого, что Кіевщину заполнили галицкіе переселенцы) у жителей Черкасскаго уѣзда Кіевской губерніи слово гуцалы́ (это—искаженное галицкое гуцулы), употребляемое ими для своихъ сосѣдей на востокѣ, и слово буцы́ (это—искаженное старое галицкое бо́йци—бойки), которымъ они пользуются для означенія сосѣдей съ запада—подолянъ. См. Труды этнограф.—статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, собр. Чубинскимъ, т. VII, вып. II, стр. 463".—Ссылку г. Соболевскаго на Чубинскаго необходимо немножко поправить. У Чубинскаго ничего не говорится о „западныхъ и восточныхъ сосѣдяхъ", а просто сказано: „Жители Черкасскаго уѣзда называютъ подолянъ буцами, полтавцевъ—гуцала́ми"; и странно было бы называть подолянъ „сосѣдями" черкасцевъ да еще западными, если Черкассы находятся на восточной границѣ Кіевщины, а Подолія прилегаетъ къ ея юго-западу, и если Черкащина отдѣлена отъ Подоліи всѣмъ пространствомъ Кіевской губерніи.

---

[1]) Отъ „мама". См. Даль II, 895.

[2]) Слово „дубоса" (съ *о* вм. *а*) мнѣ лично не пришлось слышать, но глаголъ „дубосыты" (вм. „дубасыты")—приходилось. Онъ есть и въ печати,—см. Бораковського: Збiрныкъ драматычныхъ творивъ, Львовъ 1888, № 3, стр. 9.

[3]) Андрей Бекша—народный учитель въ Радомысльскомъ у. Кiев. губ. См. Памятную книжку Кiевск. уч. округа на 1896 г.

[4]) Даль II, 873; IV, 448, столб. 2-й.

Разсужденія г. Соболевскаго по поводу „буцовъ" и „гуцаловъ" можно формулировать въ видѣ слѣдующаго силлогизма:

Въ Подоліи и Полтавщинѣ живутъ пришлые галичане.

Кіевщина не есть ни Подолія, ни Полтавщина.

Ergo: Въ Кіевщинѣ живутъ пришлые галичане.

Въ этомъ „силлогизмѣ" и первая посылка не вѣрна, и выводъ сдѣланъ не по правиламъ логики. Сначала коснемся первой посылки.

По малорусски слово „гуцало" означаетъ: увалень, неповоротливый, а „буцъ"—задора, но неуклюже-комичный [1]). Въ глазахъ дѣятельнаго, живого черкасца флегматичный полтавецъ крайне неповоротливъ, а живость подолянина напоминаетъ черкасцу смѣшную задирчивость барана, и поэтому полтавца черкасецъ насмѣшливо называетъ гуцаломъ, а подолянина—буцомъ [2]). Это объясненіе, съ большими или меньшими варіаціями [3]) услышитъ каждый, кто вздумаетъ на мѣстѣ разспросить крестьянина о причинахъ насмѣшливаго прозванія подолянъ „буцами" и полтавцевъ „гуцулами". Догадка же г. Соболевскаго, будто „буцы" и „гуцалы" означаютъ бойковъ и гуцу-

---

[1]) И одно и другое слово чрезвычайно часты и имѣютъ много производныхъ. Гуцаты—неуклюже топтаться на одномъ мѣстѣ, а съ вин. падежемъ—покачивать ребенка на рукахъ или на колѣнѣ. „Пидгуцькуваты"—въ томъ же смыслѣ:

То якъ не хоче втыхнуть (ребенокъ)—не кладуся:
И дгуцкуючи вздовжъ по хати перейдуся.

(Фаустъ, переводъ И. Франка, Львовъ 1882, стр. 132). „Гуцымъ"—то же, что „гуцало" (сообщилъ В. П. Цымбалъ, сказавши, что одинъ лично знакомый ему крестьянинъ села Козловки Лохвиц. у. получилъ уличное прозвище „гуцымъ"). Междометіе „буцъ!" выражаетъ баранье боданіе. „Буц(ь)каты", „буцнуты"—бодать, боднуть. „Ходыть якъ овечка, а буцькае якъ баранъ" (послов.) „Буцьо"—все, что выпячиваютъ впередъ, и поэтому „буцьо" можетъ обозначать и бодливаго быка, и ребенка съ туго набитымъ желудкомъ или надутыми щеками, и яблоко (Желех.); „буцыки"—родъ галушекъ (Закрев.).

[2]) Полтавецъ тоже называетъ „гуцаломъ" неуклюжаго человѣка (свидѣтельство В. П. Цымбала), а подолянинъ говоритъ черкасцу въ отвѣтъ: „Самъ ты буцъ!"

[3]) Напримѣръ, мнѣ однажды пришлось слышать объясненіе на счетъ подолянина: „Та вы на його пыку подывитьса! якъ не (=вотъ-вотъ) буцне!"—объясненіе, касающееся даже внѣшняго вида подолянина.

ловъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія въ народномъ поясненіи этихъ прозвищъ, а со стороны филологической возвращаетъ насъ въ тѣ, казалось бы, прошедшія времена, когда люди позволяли себѣ понимать „кыяне“ какъ „гуны“. Въ самомъ дѣлѣ: если форма бойци и существовала когда-нибудь въ старину [1]), то вѣдь родит. падежъ былъ отъ него всегда „бой*к*овъ“, дательный—„бой*к*амъ“ и т. д.; и могъ ли малоруссъ, столь чувствительный къ переходному и непереходному смягченію задненебныхъ , упустить изъ виду это *к* и перенести *ц* во всѣ падежи?! Передѣлка *ой* въ *у* (б*ой*ци—б*у*цы) такъ же невѣроятна, какъ невѣроятна Вельтмановская передѣлка *ыя* въ *у* (кыяне—гуны). Да и обращеніе „гуцулы“ въ „гуцалы“ трудновато предположить, такъ-какъ малорусское нарѣчіе любитъ ассимилировать сосѣдніе гласные звуки (срв. „б*а*г*а*тый“ изъ „богатый“), а не диссимилировать ихъ, и скорѣе можно было бы ждать передѣлки „гуцаловъ“ въ „гуцуловъ“, чѣмъ наоборотъ. Прибавимъ еще, что ни рѣчь полтавская не похожа на гуцульскую, ни подольская на бойкскую. Итакъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы поддерживать самоувѣренное утвержденіе г. Соболевскаго, будто прозвища „буцы“ и „гуцалы“ представляютъ искаженіе словъ „бойци“ и „гуцулы“.

Но если г. Соболевскій и былъ увѣренъ, что въ Полтавщинѣ и на Подольи живутъ потомки галичанъ, то переносить этотъ выводъ на Кіевщину онъ не имѣлъ права. Нелогичность

---

[1]) Бойки въ своемъ говорѣ употребляютъ нарѣчіе „бойе“, неизвѣстное другимъ говорамъ. Точное значеніе слова „бойе“ подвергалось многократному обсужденію этнографовъ—филологовъ и вызывало споры, но одна вещь вполнѣ ясна: что именно отъ этого страннаго слова бойки получили свое названіе. См. статью Верхратскаго въ Archiv für slavische Philologie 1894, потомъ полемику его и Партыцкаго въ „Дили“ № 255, 256, 263, 264, 278, статьи Охрымовыча и Франка въ „Жытти и слови“ 1895, кн. I; см. еще Желех. I, 37 и Огоновскаго: Studien 160. Предполагать, что нарѣчіе „бойе“ и прозвище „бойки“ очень стары, нѣтъ достаточныхъ основаній. Г. Соболевскій, такъ безповоротно заявляя, будто „буцы“ есть старое галицкое „бойци“, долженъ былъ бы указать хоть одинъ старый памятникъ, гдѣ встрѣчалось бы „бойци“.

его вывода до того очевидна, что распространяться объ этомъ не стоитъ.

Объ имени Малая Русь.

Имя Малой Руси сперва (съ конца XIII в.) принадлежало только Галичинѣ и Волыни, а Кіевская земля прежде называлась просто Русью. Въ XIV в. и къ Кіевской землѣ начали примѣнять имя „Малая Русь". Этого обстоятельства г. Соболевскій иначе объяснить себѣ не можетъ, какъ при томъ условіи что въ XIV в. исчезло старинное населеніе Кіевской земли и замѣнилось пришлымъ галицкимъ и волынскимъ. Что сѣверная Русь усвоила себѣ одно *общее* названіе Великой Руси, хотя состояла изъ *нѣсколькихъ* племенъ, этого г. Соболевскій не находитъ неестественнымъ [1]), а если немного позже южноруссы западные (галичане и волыняне) и южноруссы восточные (потомки старыхъ полянъ, не истребленные никакимъ татарскимъ нашествіемъ) также поняли свою національную близость и получили всѣ одно общее имя „Малой Руси", то этого обстоятельства г. Соболевскій не можетъ взять себѣ въ домекъ. Мы очень сожалѣемъ, что г. Соболевскій безъ своей галицко-волынской гипотезы не можетъ понять очень простой вещи, и только напомнимъ ему, какъ человѣку занимающемуся исторіей русскихъ нарѣчій, что въ XIV-мъ вѣкѣ существовали особыя обстоятельства, понуждавшія исконное кіевское населеніе принять имя Малой Руси. Старинное имя Кіевщины „Русь", принадлежавшее до XII в. исключительно ей, еще подъ конецъ удѣльнаго періода потеряло свой исключительный характеръ, а въ періодъ монгольскій распространилось безусловно на всякую русскую область; между тѣмъ нарѣчія русскія къ XIV вѣку пріобрѣли значительныя *отличія* другъ отъ друга (это очень

---

[1]) Названіе Великороссіи (Μεγάλη Ῥωσία) встрѣчается, напримѣръ, около 1347-го года въ грамотѣ Византійскаго императора. См. Русская Историч. Библ., т. VI, столб. 21—34.

хорошо извѣстно г. Соболевскому), и нарѣчія „Великой Руси“ стали рѣзко отличаться отъ нарѣчій Галичины, Волыни и Кіевщины. Что жъ удивительнаго, если въ противовѣсъ „Великой Руси“ Кіевщина, сверхъ имени „Русь“, давно ужъ потерявшаго свой исключительный характеръ, начала и отъ чужихъ, и отъ своихъ получать имя „Малая Русь“,—то имя, которое носили сосѣдніе Волынь и Галичина, очень близкія къ ней по языку [1])?

О „должны были“.

„Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV вѣка“, говоритъ г. Соболевскій, какъ бы сознавая слабость своихъ аргументовъ объ исчезновеніи кіевлянъ послѣ Батыя, „то нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вобще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область *должны были* уменьшить число говорившихъ имъ на столько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины“.

Немногочисленная народность грузинская на Кавказѣ и румынская да болгарская на Балканскомъ полуостровѣ въ теченіи многихъ вѣковъ стояли передъ варварами въ худшемъ

---

[1]) Первый разъ имя „Малая Русь“ прилагается къ Кіевской области не въ какомъ-нибудь южно-русскомъ памятникѣ, а въ греческой грамотѣ цареградскаго синода 1354-го года, на которомъ присутствовалъ великорусскій митрополитъ Алексѣй: Ἐιχε μὲν ἡ ἁγιωτάτη μητρόπολις Ῥωσίας, μετὰ καὶ τῶν ἄλλων κάστρων καὶ χωρῶν ὑπὸ τὴν ἐναρίαν ταύτης τελούντων, καὶ τὸ ἐν τῇ Μικρᾷ Ῥωσίᾳ κάστρον τὸ Κύεβον ἐπονομαζόμενον (т. е. „Святѣйшая русская митрополія, вмѣстѣ съ другими городами и селеніями, находящимися въ ея предѣлахъ, имѣла еще въ Малой Руси городъ, именуемый Кіевъ“). Быть можетъ, и сами греки изъ частыхъ сношеній съ Русью хорошо знали, что языкъ Кіевщины въ это время выработалъ такія особенности, которыя его дѣлали довольно или очень близкимъ къ языку Галичины и Волыни и отличнымъ отъ языка Великороссіи; но гораздо вѣрнѣе, что причисленіе Кіева къ Малой Россіи состоялось въ грамотѣ со словъ великорусса Алексѣя, ставленника Москвы, которая въ это время считала себя не только Великой Русью, но и Русью по преимуществу (Напр., Симеонъ Гордый, 1341—1358, въ договорной грамотѣ съ братьями (Собр. Грам. и Догов. I, № 23) называетъ себя Великимъ княземъ всея Русіи).

положеніи, чѣмъ кіевляне передъ крымцами, и однакожъ не были истреблены. Резонъ *„должны* были" не есть резонъ, разъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ фактомъ, что вещь, долженствовавшая по чьему-либо мнѣнію случиться, *не* случилась.

Мы посвятили разбору аргументовъ г. Соболевскаго довольно много мѣста не столько ради ихъ опроверженія (ихъ опровергнуть можно было бы гораздо короче), сколько для выясненія научныхъ пріемовъ г. Соболевскаго, берущагося писать исторію малорусскаго нарѣчія. Тенденціозность (заставляющая г. Соболевскаго забывать законы и логики, и здравой филологіи), сообщеніе невѣрныхъ данныхъ, неправильное толкованіе и извращеніе несомнѣнныхъ фактовъ—вотъ отличительные признаки разсужденій г. Соболевскаго, когда онъ касается вопроса о происхожденіи современныхъ малоруссовъ. Зловѣщее пред чувствіе Потебни на счетъ г. Соболевскаго сбылось какъ нельзя печальнѣе. Можемъ безъ преувеличеній сказать: когда г. Соболевскій коснется своей галицко-волынской гипотезы, тогда весь его научный методъ заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакого научнаго метода.

Что же касается незнакомства г. Соболевскаго съ малорусскимъ нарѣчіемъ, то это было отмѣчено нами въ предыдущей главѣ, отмѣчено въ настоящей и будетъ еще много разъ отмѣчено въ слѣдующихъ главахъ.

А. Крымскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Просимъ читателей „Кіевской Старины" исправить опечатки, замѣченныя въ іюньской книгѣ:

На стран. 355, строка 6-ая, вмѣсто „дающими" нужно читать: „дѣющими".

На стран. 357, строка 10-ая, вм. „отвергнутое теоріей" читать: „отвергнутое исторіей".

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ ВЪ СВѢТѢ КРИТИКИ.

*(Продолженіе *).*

II.

Извѣстныхъ намъ украинскихъ произведеній Котляревскаго четыре: Энеида, Ода до князя Куракина, Наталка-Полтавка и Москаль-Чаривныкъ. Самое ранее его произведеніе—четыре части Энеиды, написанныя въ подражаніе Осипову; остальныя двѣ части созданы послѣ 1809 г., т. е., какъ мы думаемъ, послѣ выхода дополнительныхъ частей пародіи Котельницкаго. Словомъ, въ томъ и другомъ случаѣ украинская пародія написана въ зависимости отъ русской. Это обстоятельство не повліяло однако серьезнымъ образомъ на первую и не даетъ поэтому права считать ее произведеніемъ несамостоятельнымъ; наоборотъ, по всеобщему признанію, наша пародія далеко превосходитъ русскую и можетъ считаться произведеніемъ вполнѣ оригинальнымъ: такъ умѣло облекъ поэтъ въ національную одежду тотъ безжизненный остовъ, который былъ заимствованъ у великорусскихъ пародистовъ.

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 7—8.

Что-же однако представляетъ изъ себя украинская Энеида? зачѣмъ она написана и какъ исполнена?

Въ отношеніи содержанія она является, въ общемъ, схемой поэмы Вергилія, взятой съ пародированнаго русскаго образца послѣдней и перекроенной по своему. Много фактовъ, упоминаемыхъ даже Осиповымъ, нашъ поэтъ опустилъ, но самая канва разсказа соблюдается имъ точно. Слѣдовательно, наша Энеида, вслѣдъ за русской, пересказываетъ главнѣйшіе факты римскаго первоисточника. Однако эти-ли факты имѣлъ въ виду Котляревскій, когда задумалъ украинскую передѣлку? Иными словами, что хотѣлъ онъ дать публикѣ своей Энеидой: изложеніе-ли эпизодовъ римской поэмы, или что-либо другое? Отвѣтъ на данный вопросъ можетъ быть облегченъ тогда, если мы поставимъ тотъже вопросъ относительно хотя-бы Осипова. У послѣдняго, судя по его Энеидѣ, было цѣлью дать каррикатурное изображеніе приключеній Энея, способное потѣшить публику насчетъ представителей классическаго міра. Для достиженія своей цѣли Осиповъ поставилъ послѣдній въ великорусскую обстановку. Знакомому впрочемъ, съ произведеніемъ Осипова извѣстно, что великорусскаго въ ней, кромѣ языка, нѣтъ ничего, что на изображеніе народной жизни нѣтъ въ ней и намека и что самъ Эней несравнѐнно болѣе похожъ на завсегдатая кабака, чѣмъ на типичнаго великоросса. Впрочемъ, нехудожественность русской народіи для насъ, въ данномъ случаѣ, значенія не имѣетъ: въ ней важно только то, что Осиповъ хотѣлъ изобразить если не народнаго, то національнаго Энея. Имѣя въ виду этотъ фактъ, мы считаемъ возможнымъ объяснить цѣль созданія украинской пародіи слѣдующимъ образомъ. Прочитавъ русскую Энеиду, Котляревскій, въ противоположность ей, захотѣлъ создать Энеиду украинскую, захотѣлъ облечь боговъ и героевъ ея въ народно-національныя одежды. Чему-же приписать появленіе національной формы послѣдней? Разумѣется, прежде всего индивидуальности Котляревскаго; однако, вдумавшись глубже, мы увидимъ, что онъ былъ только объектомъ дѣйствія тѣхъ соціальныхъ законовъ, о которыхъ упомянулъ еще въ „Хуторной поэзіи“ Ку-

лишъ. Безсознательно или сознательно — это теперь рѣшить трудно,—но Котляревскимъ въ данномъ случаѣ руководила національная гордость, какъ отраженіе вліянія всемогущей въ извѣстный періодъ среды, которой поэтъ подчинился всецѣло.

Дѣло въ томъ, что автономныя стремленія Украйны конца прошлаго вѣка были довольно сильны; черты нравовъ, обычаевъ, языка и національныхъ традицій, живо сознаваемыхъ болѣе культурными слоями украинскаго общества,—все это было достаточнымъ для того, чтобы украинскую народность обособлять въ отдѣльную единицу. Украинцы, туго пріобщаясь своей массой къ русской культурѣ, въ сущности продолжали жить своей собственной внутренней жизнью. Такая-же обособленность чувствовалась и среди украинскихъ семинаристовъ, которые „на панычей“, проникшихся общерусскимъ духомъ, были не похожи вовсе и представляли изъ себя обыкновенныхъ украинскихъ „хлопцевъ“, только обучающихся неизвѣстнымъ народу наукамъ. Чѣмъ характеризовалось отношеніе украинцевъ къ „москалямъ“, можно видѣть и изъ тогдашнихъ пословицъ и изъ многихъ мѣстъ, разбросанныхъ въ произведеніяхъ Котляревскаго. Послѣдній, судя по его творчеству, долженъ былъ явиться сознательнымъ выразителемъ этой самобытности въ высшей степени или во всякомъ случаѣ не составлять въ данномъ направленіи исключенія. И это обстоятельство окончательно установило въ немъ мысль написать украинскую національную пародію.

Какъ человѣкъ, сознающій себя поэтомъ, юмористомъ и классикомъ, Котляревскій могъ написать русскую Энеиду; но какъ продуктъ упомянутой среды, сообщавшей выходившимъ изъ нея личностямъ опредѣленную психику, онъ долженъ былъ создать украинскую, а не русскую пародію. Слѣдовательно, созданіе первой является не личнымъ произволомъ поэта, а объясняется тѣми условіями украинской обособленности, которая просто продиктовала ему мысль написать національное произведеніе. И мы думаемъ, что если-бы наше объясненіе было невѣрно, то мы не имѣли-бы ни одного украинскаго произведенія Котляревскаго, въ томъ числѣ и Энеиды: безъ извѣстной доли національной гор-

дости, основанной на любви къ родинѣ, Котляревскому не для чего было отдаваться писанію произведеній на „мужицкомъ" языкѣ. Передъ нимъ разстилалось обширное поле россійскаго стихотворства, на которомъ онъ, подобно прочимъ украинцамъ, могъ-бы подвизаться далеко не безъ успѣха. Однако бряцаніе россійскихъ лиръ нашего поэта къ себѣ не привлекло; писать по-русски онъ не возъимѣлъ желанія и, оказавшись выше своихъ современниковъ, очевидно, больше ихъ всѣхъ отразилъ на себѣ вліяніе національной среды. Автономизмъ послѣдней, перешедшій и на поэта, обусловилъ такимъ образомъ и цѣль Энеиды: этимъ своимъ произведеніемъ поэтъ захотѣлъ показать публикѣ, что можетъ быть не только русская пародія, но и украинская, поэтому, создавая послѣднюю, онъ имѣлъ въ виду приподнять значеніе украинской народности, при помощи художественнаго творчества.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, цѣль созданія Энеиды, обратимся теперь къ выясненію того, какъ выполнилъ поэтъ свою задачу, но предварительно считаемъ нужнымъ подчеркнуть слѣдующее. Котляревскій задумалъ писать свою пародію, вѣроятно, еще въ 1791 году, т. е. въ бытность чиновникомъ. Однако писать ее онъ еще не начиналъ; причины этого мы излагали въ другомъ мѣстѣ, но теперь важно напомнить ихъ снова. Прежде всего эпизодъ о Дидонѣ въ первой части русской Энеиды не былъ оконченъ, и нашъ поэтъ долженъ былъ ожидать появленія второй части. Въ 1792 г., послѣ выхода въ свѣтъ послѣдней, Котляревскій писать свою пародію уже могъ, однако, какъ мы полагаемъ, все еще ее не началъ. Если мы вспомнимъ высокую цѣль Котляревскаго, то начать Энеиды онъ и не могъ: поэтъ хотѣлъ написать не только пародію на національномъ языкѣ, но національную пародію, и вотъ для этого именно у него и не хватало знаній. Самъ онъ сознавалъ, что для написанія своей Энеиды ему необходимо изучить жизнь и мысль народа и что безъ этого его произведеніе будетъ національнымъ только по языку. Въ силу-ли этого обстоятельства, или, можетъ быть, по какимъ нибудь другимъ соображеніямъ, только черезъ годъ послѣ выхода второй части русской пародіи, Котляревскій бросаетъ

канцелярію, даетъ уроки помѣщичьимъ дѣтямъ и, какъ передаютъ старѣйшіе біографы, серьезно изучаетъ народъ. Какъ результатъ этого, появляются сначала первыя части украинской пародіи, а затѣмъ и остальныя, равно какъ и прочія произведенія поэта. Вотъ этотъ-то фактъ изученія народа имѣетъ для насъ огромное значеніе: онъ помогаетъ правильно освѣтить одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ относительно Энеиды — именно вопросъ о ея народности. Большинствомъ ученыхъ вопросъ этотъ рѣшается въ положительномъ смыслѣ, и украинская Энеида считается вполнѣ народной. Вѣрно-ли это мнѣніе? Намъ кажется—вѣрно вполнѣ. Помимо языка Энеиды, народность ея отражается, какъ въ изображеніи внѣшней сторороны украинскаго быта, такъ и внутренней. Въ первомъ случаѣ Энеида представляетъ положительно этнографическій сборникъ, подлинность котораго можетъ быть признана всякимъ знающимъ украинскій бытъ. Внутренняя сторона Энеиды, т. е. картина ея типовъ, также вполнѣ народна. Въ своемъ произведеніи Котляревскій олицетворилъ всестороннія явленія нашей жизни, начиная отъ простого крестьянина и кончая богатымъ паномъ.

И тѣмъ не менѣе, при всей возможности признать Энеиду за народное произведеніе, въ этомъ пунктѣ все таки были довольно крупныя сомнѣнія. Если даже не принимать во вниманіе перваго отзыва Кулиша, то останутся такіе критики, какъ проф. Котляревскій, который сомнѣвался въ народности Энеиды, и г. Минскій, все таки считающій цѣлью послѣдней смѣшить публику, да притомъ на счетъ народа. Но и мнѣніе Кулиша не можетъ быть оставлено безъ вниманія: въ немъ критикъ посылаетъ такую массу упрековъ по адресу Энеиды Котляревскаго, а во второй своей статьѣ такъ замалчиваетъ вопросъ о томъ, отказывается-ли онъ отъ первыхъ своихъ сужденій или нѣтъ, что отзыва его нельзя ни въ коемъ случаѣ миновать. Мы скажемъ здѣсь о немъ нѣсколько словъ, что-бы не возвращаться впредь къ тому же предмету. Кулишъ, какъ извѣстно, полагалъ, что украинская Энеида написана, во-пер-

выхъ, въ угоду панамъ, а во-вторыхъ, содержитъ насмѣшку надъ народомъ. Первое мнѣніе лелѣялъ одинъ Кулишъ, второе раздѣляли въ различной степени и другіе изслѣдователи. Первое положеніе можно назвать совершенно несостоятельнымъ. Предположивъ даже, что поэтъ имѣлъ въ виду потѣшить пановъ,—все-таки останется непонятнымъ тотъ фактъ, что Котляревскій не издавалъ своей Энеиды и что она появилась въ свѣтъ въ 1798 г., только благодаря неумѣстной любезности Парпуры. Если-бы Котляревскій имѣлъ въ виду панскую потѣху, то онъ принялъ-бы дѣятельное участіе въ изданіи своихъ произведеній хотя-бы для того, что бы достичь этой своей цѣли, т. е. угоды панамъ, и затѣмъ пристроиться у кого нибудь изъ нихъ въ качествѣ приживальщика, что Кулишъ признаетъ даже за несомнѣнный фактъ . Однако Котляревскій держитъ свою Энеиду подъ спудомъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ (1794—1809) и рѣшается ее издать, только вынужденный нахальствомъ Парпуры, второй разъ выпустившаго его произведеніе безъ позволенія. Очевидно, что Энеида была любимымъ дѣтищемъ автора, которое онъ берегъ почти ото всѣхъ и для котораго употребилъ столько времени, изучая народъ. Поэтому кажется неестественнымъ, чтобы безъ всякой нужды, не желая даже опубликовать своего труда, Котляревскій могъ такъ серьезно относиться къ послѣднему, имѣя въ виду только пановъ. Однако, кромѣ этихъ логическихъ соображеній, у насъ имѣются и фактическія данныя: стоитъ только обратить вниманіе на третью часть Энеиды, и тогда станетъ яснымъ, насколько справедливо обвиненіе Кулиша въ томъ, что поэтъ писалъ свою пародію въ угоду панамъ. Вся третья часть не что иное, какъ сатира на высшія сословія, выраженная такъ, какъ это можно было тогда сдѣлать. Неужели такъ могъ поступать тотъ человѣкъ, который изъ-за низкихъ соображеній захотѣлъ бы угодить панамъ? Врядъ-ли поздоровилось-бы панегиристу послѣднихъ, если-бы онъ задумалъ имъ пропѣть такой сатирическій гимнъ, какой мы находимъ въ описаніи ада и рая! Почему мѣста, въ родѣ указанныхъ, сходили съ рукъ самому Котляревскому—это другой

вопросъ. Во всякомъ случаѣ, даже одно упомянутое мѣсто совершенно опровергаетъ мысль объ угодѣ панамъ, какъ цѣли Энеиды. Мы же въ концѣ концовъ, прибавимъ, что такими цѣлями и не могъ задаваться тотъ поэтъ, который открыто въ своемъ произведеніи заявлялъ, что „панска правда на вси боки гнуча!“.

Обратимся теперь ко второму положенію, высказанному критикой, т. е. что отношеніе Котляревскаго къ народу было *насмѣшливое*. Не смотря на то, что это произведеніе явилось результатомъ сознательнаго чувства народности, ничто не мѣшало ему, конечно, быть по формѣ пародіей. Этотъ родъ комическаго эпоса заключаетъ, по своему существу, изложеніе важныхъ сюжетовъ, оттѣненное комическимъ настроеніемъ. Очевидно, что и Осиповъ и его послѣдователь Котляревскій имѣли въ виду комизмъ или желаніе посмѣяться. Что-же именно было объектомъ смѣха для нашего поэта? Цѣлью послѣдняго было потѣшиться надъ классическими богами и героями, но при томъ такъ, что-бы смѣхъ его каралъ пороки, наиболѣе распространенные въ тогдашней Украинѣ. Костомаровъ, какъ извѣстно, не придавалъ значенія украинской Энеидѣ, какъ пародіи; мы пойдемъ въ данномъ направленіи еще далѣе и скажемъ, что и самъ Котляревскій не придавалъ, вѣроятно, значенія тому факту, что пишетъ пародію. Эта послѣдняя была только средствомъ для его болѣе высокой цѣли, и, какъ средствомъ, онъ ею и воспользовался. Могъ, онъ конечно, формы пародіи не избирать, но въ силу тогдашнихъ условій, эта послѣдняя была для него самой удобной. Подъ формой Энеиды и ея классическихъ фигуръ, Котляревскій могъ выставить свое далеко не одобрительное отношеніе къ тогдашней украинской дѣйствительности, чего при иныхъ условіяхъ сдѣлать ему безнаказанно не удалось-бы. Но форма пародіи была для Котляревскаго благодарна и по другимъ мотивамъ: она была родственна тому юмористическому настроенію и комическому таланту, которыми нашъ поэтъ обладалъ въ большой степени. Такимъ образомъ, она была для молодого поэта во всѣхъ отношеніяхъ удобной, и естественно, что

въ этой формѣ Котляревскій, какъ мы видѣли, задумалъ реализировать два свои желанія: создать украинскую Энеиду и въ лицѣ ея героевъ осмѣять достойную порицанія украинскую дѣйствительность. Какъ выполнилъ поэтъ главное свое стремленіе, мы уже сказали: онъ изучалъ народъ, и его типы вышли, дѣйствительно, украинскими, отмѣченными въ изобиліи положительными чертами. Какъ-же выразилась другая, не менѣе важная сторона его цѣли, —осмѣяніе украинскихъ пороковъ въ лицѣ Олимпійцевъ и классическихъ героевъ? Для достиженія этой цѣли поэтъ поступилъ просто: героевъ и боговъ Энеиды онъ надѣлилъ такими качествами національно-украинской жизни, которыя ни въ комъ, конечно, не могли не вызвать смѣха. И вотъ за то именно, что Котляревскій надѣлилъ типы Вергиліевой Энеиды различными украинскими пороками, на него посыпался градъ упрековъ и обвиненій въ насмѣшкѣ надъ народомъ. Нечего и говорить, что такія обвиненія могли имѣть мѣсто только въ силу непониманія Котляревскаго или того шовинизма, которое старается закрывать свои національные недостатки! Въ сужденіяхъ Кулиша мы склонны видѣть и то и другое, такъ какъ онъ обвинилъ нашего поэта, во первыхъ, въ насмѣшкѣ надъ народомъ, а во вторыхъ, въ томъ, что эта насмѣшка была сдѣлана въ неурочное время. При малѣйшемъ анализѣ Энеиды, трудно не замѣтить всякому, что отрицательныя черты типовъ ея перемѣшаны съ положительными, надъ которыми поэтъ не насмѣхался уже во всякомъ случаѣ; а разъ это такъ, то въ Энеидѣ мы можемъ видѣть не насмѣшку надъ народомъ, а только вѣрное его изображеніе, которое остается такимъ-же и въ отношеніи непростонародныхъ типовъ. Если-же въ изображеніи послѣднихъ не всѣ черты привлекательны, то мы не будемъ дѣлать передержекъ и говорить, что надъ типами Энеиды можно только смѣяться; наоборотъ, мы, признавая эти типы смѣшными, въ то-же время скажемъ, что по поводу вѣрнаго изображенія не всегда красивой дѣйствительности не опечалимся нисколько.

Совершенно несправедливо упрекая Котляревскаго въ „осмѣяніи" народа, какъ соціальной группы, Кулишъ не счелъ однако нужнымъ упомянуть,что поэтъ смѣялся не надъ однимъ народомъ, а и надъ высшими сословіями украинской націи и—что очень важно—надъ другими народностями, особенно надъ „Москалями". Конечно, критику не удобно было обнаружить безпристрастіе, ибо въ такомъ случаѣ главное его обвиненіе рухнуло-бы, по крайней мѣрѣ, на добрую половину. Мы утверждаемъ, что исключительной насмѣшки надъ народомъ въ Энеидѣ нѣтъ, есть только реальное его изображеніе, являющееся одной изъ величайшихъ заслугъ поэта. Ясно, что уже въ одномъ этомъ Кулишъ не правъ совсѣмъ; но его ошибка простирается и дальше. Какъ вѣрно замѣчено и проф. Дашкевичемъ, въ Энеидѣ осмѣиваются и высшія сословія; мы-же скажемъ, что поэтъ осмѣиваетъ послѣднія несравненно болѣе, чѣмъ народъ, который онъ, судя по картинѣ рая, положительно прославляетъ. Всякіе судьи, сутяги, паны, и т. д.—все это подверглось сатирѣ нашего поэта, мало стѣснявшагося съ тогдашними привилегированными сословіями и засадившаго ихъ въ своемъ произвеленіи въ адъ. Трудно не замѣтить также, что осмѣиваемые въ типахъ Юпитера, Турна, Лавиніи и Аматы во всякомъ случаѣ отнесены быть къ „народу" не могутъ. И однако авторъ воздалъ справедливость и этимъ, наиболѣе осмѣяннымъ имъ персонажамъ. Въ описаніи ада и рая онъ замѣтилъ, что въ раю бываютъ и высшія сословія, только въ очень незначительномъ количества, ибо сами они не особенно-то стремятся попадать въ это блаженное мѣсто.

Смѣется поэтъ, какъ мы сказали, и надъ недостатками различныхъ народностей, но смѣется мало, при чемъ сатирическія выходки противъ нихъ вовсе не злы и отмѣчены проникающимъ всю Энеиду добродушіемъ.

Рѣшивъ вопросъ о народности Энеиды, разсмотримъ теперь то ея качество, о которомъ должны были говорить съ самаго начала: мы разумѣемъ степень художественности Энеиды. При установленіи степени художественности всякаго произведенія са-

мымъ важнымъ, конечно, является разрѣшеніе вопроса, насколько творецъ извѣстнаго произведенія съумѣлъ поставить различныя черты своихъ типовъ въ соотвѣтствіе съ главной идеей. То-же самое, очевидно, нужно разрѣшить и въ отношеніи украинской Энеиды. Замысломъ автора послѣдней было желаніе выставить въ яркомъ свѣтѣ украинское общество, пропущенное сквозь призму отчасти комической формы, но серьезнаго содержанія. Поэтому, отбросивъ пока эту форму, посмотримъ, насколько серьезное содержаніе украинской пародіи соотвѣтствуетъ замыслу поэта. Много говорить объ этомъ пунктѣ не придется, такъ какъ главный матерьялъ для его выясненія разобранъ уже выше. Идея Котляревскаго изобразить въ лицѣ классическихъ типовъ украинскую націю удалась ему вполнѣ. По нашему заключенію, сходному съ выводами лучшихъ знатоковъ поэзіи Котляревскаго, какъ напримѣръ—проф. Дашкевича, въ Энеидѣ отразилась Украйна прошлаго вѣка крайне рельефно. Правда, планъ и сюжетъ самой римской Энеиды, какъ и форма избранной нашимъ поэтомъ пародіи, скрываютъ настоящую идею украинской пародіи довольно глубоко, но тѣмъ не менѣе она ясна. Изъ-за условныхъ названій классическихъ типовъ, какъ живая, встаетъ галлерея типовъ украинскихъ, правдивыя черты которыхъ бьютъ въ глаза всякому. Рѣчи героевъ нашей Энеиды, ихъ поступки, психическія движенія и цѣлыя воззрѣнія,—все это запечатлѣно несомнѣнными чертами украинской національности, какъ извѣстно, поэтомъ нашимъ изученной вполнѣ. Характеръ поэмы Вергилія, не смотря даже на пародическую форму украинской Энеиды, сохранился въ послѣдней изумительно: произведеніе Котляревскаго есть настоящая поэма, широко задуманная и весьма удачно исполненная. Намъ она напоминаетъ болѣе всего „Мертвыя души“ Гоголя, съ которыми наша пародія имѣетъ много общаго, именно въ изображеніи типовъ: произведенія обоихъ украинцевъ представляютъ дѣйствительныя эпопеи украинской націи,—только наша поэма далеко шире русской и по замыслу, и по исполненію. Въ произведеніи Гоголя изображается, такъ сказать, феодальный классъ нашей націи, съ которымъ Гоголь былъ болѣе зна-

комъ; въ украинскомъ-же произведеніи выставлены всѣ классы украинской націи, и въ особенности народъ, который былъ изучаемъ Котляревскимъ въ высшей степени добросовѣстно. Но у обоихъ украинцевъ широкая картина національной жизни является, конечно, центромъ и красой ихъ произведеній. Итакъ, замыселъ Котляревскаго, какъ изобразителя народной жизни, выполненъ имъ удачно и даже мастерски. Но не помѣшало-ли этому выполненію то упомянутое нами обстоятельство, что изображеніе общества 18-го вѣка было пропущено нашимъ поэтомъ сквозь призму пародической формы Энеиды? Не нарушили-ли художественнаго такта и реальности типовъ юморъ и каррикатура Котляревскаго, какъ результатъ этой пародической формы произведенія, требовавшей отъ поэта возбужденія смѣха? Насколько могло показать наше изслѣдованіе народности Энеиды, послѣднее обстоятельство отрицательнаго вліянія на реализацію замысла поэта не имѣло. Юморъ вообще есть художественный элементъ, занимающій крупное мѣсто во многихъ произведеніяхъ общечеловѣческаго генія,—такимъ-же точно образомъ онъ занимаетъ важное мѣсто и въ отношеніи нашей Энеиды. Можно даже сказать больше: юморъ, проникающій послѣднюю, помогаетъ ея выполненію въ особенной степени. Самое изложеніе онъ дѣлаетъ болѣе привлекательнымъ и живымъ, а потому производящимъ впечатлѣніе, и даже пародическую форму Энеиды заставляетъ очень часто забывать: читая послѣднюю, столь богато успащенную юмористическимъ оттѣнкомъ, какъ-то невольно перестаешь думать, что имѣешь дѣло съ классическими именами, не то что съ обстановкой,—настолько струя народной шутки и веселья оживляетъ украинизованные типы Энеиды и вмѣстѣ съ ними переноситъ въ обстановку Украины прошлаго вѣка. Итакъ, силу эстетическаго впечатлѣнія юморъ поэта увеличиваетъ въ значительной степени. Какую-же роль играетъ въ данномъ направленіи каррикатурность изложенія, отмѣченная у Котляревскаго? Каррикатура, какъ таковая, есть, конечно, не реальное, а ложное изображеніе жизни и, если поэтъ задался мыслью изобразить дѣйствительную, а не фантастическую жизнь, то вся-

кая внесенная въ произведеніе каррикатурность на художественности его должна отразиться роковымъ образомъ. Ничего подобнаго по отношенію къ украинской Энеидѣ нѣтъ. „Каррикатура" Котляревскаго не есть даже каррикатура и, если мы въ отношеніи его произведеній употребляли это выраженіе, то только для того, что бы не запутывать тогда изложенія неумѣстными разъясненіями. Теперь-же выяснить истиное значеніе каррикатуры Котляревскаго мы считаемъ вполнѣ у мѣста. Прежде всего при изученіи Энеиды нужно хорошо помнить, что въ ней изображается пародія на героевъ и боговъ, величіе которыхъ развѣнчивается постоянно. А разъ это такъ, то, при юмористическомъ оттѣнкѣ Энеиды, всегда можно ожидать отъ ея автора неумѣстной иногда шутки, сильнаго словца или черезчуръ рѣзкой черты изображенія. Возможность этого особенно основывается на понятіи о смѣшномъ въ 18 в. и, кромѣ того, на томъ обстоятельствѣ, что всякіе недочеты въ изображеніи возможны даже въ произведеніяхъ геніальныхъ и опытныхъ писателей, а не то что въ первомъ опытѣ начинающаго поэта-юноши, какимъ былъ во время созданія своей пародіи Котляревскій. Въ силу всего этого произошли и указанныя Кулишомъ излишества послѣдняго, относительно изображенія Энея и Дидоны. Но эти излишества, беря ихъ даже безъ отношенія къ пародической формѣ, незначительны, а пародической формой устраняются почти совершенно. Потѣшаясь надъ героями и богами, поэтъ имѣлъ, конечно, полное основаніе надѣлить ихъ такими чертами, отъ которыхъ величіе ихъ носителей пропало-бы совершенно. Это была прямая его задача, какъ пародиста: чѣмъ сильнѣй онъ провелъ въ своемъ произведеніи пародію, тѣмъ успѣшнѣе его задача можетъ считаться выполненой. Итакъ, смѣшное въ богахъ и герояхъ Энеиды вполнѣ законно и стоитъ на своемъ мѣстѣ; порицаются только его излишества. Форма пародіи и понятіе о смѣшномъ того времени оправдываютъ такія излишества совершенно,—на это указалъ еще въ сороковыхъ годахъ Костомаровъ и особенно въ семидесятыхъ Онишкевичъ. Но для этихъ излишествъ нашелъ самое цѣнное, по нашему мнѣнію, объясненіе и оправданіе проф. Даш-

кевичъ, назвавъ „каррикатуру“ Энеиды исполненной, какъ мы сказали, въ духѣ народнаго юмора. Такъ, нельзя не замѣтить этого юмора въ рѣчи Энея къ богамъ, рѣчи Латина къ своимъ вельможамъ и т. д.: извѣстное количество элементовъ смѣха въ данныхъ мѣстахъ вполнѣ допустимо. Но въ нихъ еще замѣчается излишекъ чертъ, какъ матерьяла для смѣха. Излишекъ этотъ, какъ таковой, долженъ былъ-бы подвергнуться порицанію и изгнанію его изъ Энеиды,—и однако ни того ни другого онъ не заслуживаетъ. Ругань Энея или Латина есть максимумъ того, что въ данномъ случаѣ можетъ допустить па дѣлѣ или въ возможности самъ народъ. Степень этой ругани, пьянства и другихъ пороковъ зависитъ только отъ степени исключительности условій, какъ причинъ, вызывающихъ самую форму порока. Мало человѣкъ возбужденъ—онъ бранится мало; поставленъ онъ въ такія тягостныя условія, какъ Эней и Латинъ,—и его ругань достигаетъ апогея. Этотъ апогей изобразилъ и Котляревскій; но нужно замѣтить, что максимальная степень, положимъ, руготни въ Энеидѣ является таковой только для насъ, какъ людей съ очищеннымъ эстетическимъ вкусомъ, во первыхъ, и ушедшихъ отъ времени Котляревскаго на цѣлый вѣкъ, во вторыхъ. Но не таковой должна была казаться максимальность упомянутаго изображенія для людей того времени вообще и для народа въ частности. Грубое теперь не должно было казаться такимъ-же и для того времени; наоборотъ, оно было естественнымъ вполнѣ,—объ этомъ довольно хорошо, по нашему мнѣнію, сказала „Библіотека для чтенія“ сороковыхъ годовъ. Но если это мы можемъ сказать о вкусѣ, такъ сказать, культурной публики, то о народѣ нечего и говорить. Вся форма различныхъ пороковъ и рѣчей Энеиды не должна казаться ему грубой и теперь, не то, что въ 18 вѣкѣ. Мы даже скажемъ болѣе,—что самыя грубости Энеиды суть ничто въ сравненіи съ тѣми кажущимися грубостями, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ, въ особенности, въ брани,—можетъ допускать самъ народъ. Брань Венеры съ Дидоной есть только посредственная степень той брани, которой отличаются наши землячки-бублейныци. Пьянство Энея съ Троянцами есть только часть тѣхъ

богатырскихъ пьянствъ, которыя практиковались хотя-бы на Запорожьи и такъ мастерски, хоть и вскользь, обрисованы Гоголемъ. Во всякомъ случаѣ, излишества Энеиды съ исторической точки зрѣнія суть излишества мнимыя, и каррикатуры въ нихъ нѣтъ и слѣда. То, что кажется критикѣ каррикатурой, есть только сильная форма выраженія, для народа, впрочемъ, не являющаяся таковой отнюдь. На мѣстѣ классическихъ типовъ стоитъ самъ украинскій народъ; и если онъ думаетъ и поступаетъ иногда не вполнѣ эстетично, но животно-грубо, то виноватъ въ этомъ не онъ, а создавшіе его такимъ соціально-экономическія условія жизни.

Послѣ этого разъясненія, можно теперь представить себѣ правдивую сторону замѣчанія проф. Дашкевича: онъ глубоко правъ, называя „каррикатуру" Энеиды народной, но неправъ совершенно, называя объектъ своего заключенія каррикатурой. Итакъ, взглядъ нашъ на „каррикатуру" Котляревскаго долженъ быть ясенъ; то, что называется критиками въ изображеніи отрицательно-смѣшныхъ чертъ націи каррикатурой, мы считаемъ или шуткой, вызванной пародіей, или рѣзкостью выраженія, допущеннаго въ лицѣ Котляревскаго самимъ народомъ. Поэтому и мнимая каррикатура Энеиды реальности ея типовъ не исключаетъ нисколько: народность и реальность отлились въ ней рельефно. Имѣя передъ собой такой выводъ, вопросъ о степени ея художественности можно рѣшить вполнѣ. Возможно-ли послѣ всего этого признать за украинской пародіей художественность? Да, наша Энеида есть въ высокой степени художественное произведеніе, юмористически и реально воспроизводящее типы украинскаго общества прошлаго вѣка. Реализмъ и юморъ—вотъ основныя пружины нашей пародіи; почти полное соотвѣтствіе изображенныхъ типовъ замыслу самого поэта составляютъ вмѣстѣ съ этими пружинами Энеиды главную сущность ея художественности. Разумѣется, что для извѣстнаго уровня эстетическихъ понятій большая доза ея юмора и рѣзкости выраженій можетъ теперь считаться неудовлетворительной, но съ указанной нами точки зрѣнія эта неудовлетворительность окажется незначительной.

Держась такихъ взглядовъ, мы должны, какъ сказали и выше, признать украинскую Энеиду художественнымъ произведеніемъ. Нѣкоторая эпизодичность изложенія, замѣчаемая въ ней, не есть вина автора, да и вообще не можетъ считаться нарушеніемъ художественности. Отвѣтственъ за нее самъ Вергилій, схемой котораго, сокращенной по Осипову, пользуется и нашъ поэтъ. Но эта эпизодичность вполнѣ отвѣчаетъ характеру поэмы, написанной Вергиліемъ по образцу Гомера. Рядъ описаній, типовъ и характеристикъ—вотъ что было цѣлью эпоса Вергилія, что цѣликомъ перешло и къ Котляревскому. Поэма Вергилія есть въ полномъ смыслѣ слова поэма: драматическаго въ ней, даже съ классической точки зрѣнія, очень мало. Такъ понялъ Вергилія и Котляревскій, соотвѣтственно чему и создалъ свою пародію. Впрочемъ г. Минскій нѣсколько умалялъ достоинство Энеиды, какъ художественнаго произведенія, на томъ основаніи, что оттѣнокъ смѣха выдержанъ въ ней не всюду и въ первыхъ частяхъ является далеко въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ послѣднихъ. Это замѣчаніе критика мы считаемъ совершенно неосновательнымъ. Въ послѣднихъ частяхъ Энеиды юмора не меньше, чѣмъ въ первыхъ: онъ блеститъ въ нихъ на каждой страницѣ. Но даже если бы было такъ, какъ утверждаетъ г. Минскій, то и то Котляревскій здѣсь не при чемъ, а виноватъ можетъ быть одинъ только Вергилій. Дѣло въ томъ, что послѣднія двѣ пѣсни являются для писателя-юмориста матерьяломъ неблагодарнымъ; обѣ онѣ наполнены безконечными описаніями различныхъ битвъ, которыя и у Вергилія могутъ показаться скучными, а у современнаго юмориста способны потопить весь юморъ въ морѣ неинтересныхъ подробностей, и однако съ Котляревскимъ не случилось ничего подобнаго, ибо живое изложеніе такъ-же имѣетъ мѣсто въ послѣднихъ частяхъ Энеиды, какъ и въ первыхъ, при чемъ поэтъ ухищряется не разъ дать такія сцены, какъ Венеры съ Вулканомъ, Юпитера съ Юноной, или же такой типъ, какъ лѣчившаго Энея цирульника. Что въ этихъ послѣднихъ частяхъ меньше сатиры,—это вѣрно, но, собственно говоря, особенно яркая са-

тира есть только, по извѣстнымъ причинамъ, въ третьей пѣснѣ, въ остальныхъ же она расположена почти равномѣрно. Слѣдовательно, обвинять Котляревскаго въ невыдержанности, какъ юмориста, нѣтъ никакого основанія.—Будучи художественной въ цѣломъ, украинская Энеида должна быть таковой и въ частностяхъ, а потому такіе образцы послѣдней, какъ сцены, типы и описанія, должны отличаться живописностью. На нѣкоторыя образцовыя сцены Энеиды указывали уже С. Каминскій и проф. Дашкевичъ. Мы отмѣтимъ всѣ такія сцены отъ первой до послѣдней части. Весьма художественна въ первой части сцена Юноны съ Эоломъ, Дидоны съ Энеемъ, и затѣмъ съ сестрой своей Ганной. Во второй части выразительны сцены Венеры съ Бахусомъ, Ирыси съ Троянскими женщинами. Въ третьей части характерна сцена Энея съ Сивиллой. Въ четвертой живописенъ эпизодъ съ послами Энея у Латина и его семьи. Въ пятой части красивы сцены Венеры съ Вулканомъ, Цибелы съ Юпитеромъ, Ныза съ Эвріаломъ. Въ шестой части хороши сцены Юпитера съ Юноной, Венеры съ Юноной, наконецъ—Энея съ Турномъ. Всѣ упомянутыя мѣста рисуютъ пластическій талантъ Котляревскаго необыкновенно живо. Художественно исполненныхъ типовъ въ Энеидѣ множество, и всѣ они, вопреки Кулишу и г. Минскому, замѣчательно народны и реальны. Важнѣйшіе изъ нихъ:—Эней, Юпитеръ, Турнъ, Латинъ, Венера, Юнона и т. д. Описанія въ поэмѣ также необыкновенно изобразительны и мѣстами очень красивы. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: описаніе бури на морѣ, игръ и обѣда у Дидоны—въ первой части; описаніе поединка Энтелла съ Даресомъ—во второй; описаніе Харона, пекла и рая, гаданія ворожки въ пеклѣ—въ третьей; описаніе дома Латина, подарковъ Энея, сравненіе войска съ тучей—въ четвертой; явленіе Венеры Энею, описаніе щита—въ пятой; наконецъ въ шестой—картина возвращенія Энея отъ Эвандра, похороны Палланта и самая битва Энея съ Турномъ. Во всѣхъ упомянутыхъ мѣстахъ образность Котляревскаго весьма изящна и обличаетъ въ поэтѣ несомнѣнно развитой эстетическій вкусъ. Уже одно это обстоя-

тельство показываетъ наглядно, насколько выше своихъ современниковъ стоялъ нашъ поэтъ, хотя и набросавшій въ свое произведеніе столько признаваемыхъ нами грубостей. Итакъ, художественность Энеиды мы можемъ признать положительно: и проникающіе послѣднюю юморъ и сатира, и созданные въ этомъ духѣ сцены и типы, и, наконецъ, облеченныя въ поэтически-реальные образы описанія—доказываютъ эту художественность несомнѣнно.

Разобравъ относительно украинской пародіи главное, народность и художественность, необходимо теперь остановиться на второстепенномъ. Въ вопросѣ о художественности Энеиды мы упоминали уже о ея элементахъ—образности и юморѣ съ сатирой, какъ средствахъ вообще всякаго изображенія. Теперь необходимо коснуться ея стиля, какъ отраженія этой художественности, при чемъ особое вниманіе слѣдуетъ обратить на языкъ и стихъ Энеиды. Каждое поэтическое созданіе можетъ составляться изъ различной камбинаціи извѣстныхъ творческихъ элементовъ—1) рефлесіи и 2) изобразительности вмѣстѣ съ выразительностью и внушеніемъ, именуемыхъ художественностью стиля. Первое свойство стиля характеризуется нѣкоторой разсудочностью въ описаніи и выражается путемъ періодовъ, плеоназмовъ, тавтологіи и вообще описательныхъ выраженій. Такой рефлективный типъ творчества имѣется и въ украинской Энеидѣ, но въ очень ограниченномъ количествѣ. Средствъ художественности наблюдается въ ней далеко больше, а потому стиль ея можетъ считаться по преимуществу художественнымъ. Такіе элементы художественности, какъ сравненіе, метафора, метонимія, символъ, аллегорія, недоговариваніе, намекъ и т. п. находятся въ Энеидѣ въ огромномъ количествѣ и потому стиль ея дѣлаютъ необыкновенно символическимъ. Разсчитывая подробнѣй поговорить о стилѣ въ другомъ мѣстѣ, мы пока этимъ краткимъ замѣчаніемъ о немъ и ограничимся. Очень хорошъ вообще и языкъ Энеиды, о которомъ мы также сдѣлаемъ краткое замѣчаніе. Нарѣчіе, на которомъ писалъ нашъ поэтъ, есть переяславо-чигиринское нарѣчіе украинскаго языка, которымъ Котляре-

скій владѣлъ въ совершенствѣ. Рѣчь Энеиды вполнѣ народная и въ общемъ довольно чистая. Архаизмовъ поэтъ употребляетъ очень мало да и то они служатъ для его юмористическихъ цѣлей и употребляются не въ серьезномъ смыслѣ. Часть же этихъ архаизмовъ является вполнѣ привившейся и въ народной рѣчи. Для комизма изложенія употребляются поэтомъ и неологизмы, которые, поэтому, чистоты рѣчи не нарушаютъ нисколько. Болѣе всего имѣется въ Энеидѣ руссизмовъ, которые на чистоту рѣчи послѣдней вліяютъ не мало. Они имѣютъ чисто морфологическій характеръ и замѣчаются, главнымъ образомъ, въ усѣченныхъ окончаніяхъ прилагательныхъ и существительныхъ, въ дѣепричастной формѣ глаголовъ,—и только въ немногихъ случаяхъ относятся къ лексикѣ. Такъ или иначе, но фактъ этотъ въ отношеніи чистоты рѣчи является отрицательнымъ и долго возбуждалъ различныя нареканія. Въ то время, какъ одни, напримѣръ, С. Каминскій и проф. Дашкевичъ, рѣчь Энеиды находили болѣе, чѣмъ удовлетворительной, другіе, напр. Кулишъ, видѣли даже въ ея руссизмахъ неуваженіе къ языку. Нечего и говорить, что и это мнѣніе Кулиша опять таки совершенно не вѣрно. Неужели можно представить себѣ человѣка, который всю жизнь жилъ мыслью создавать произведенія на украинскомъ языкѣ, и этого языка не уважалъ? Психологически не вѣрно, чтобы человѣкъ добровольно занимался тѣмъ, что не пользуется его симпатіями! Неужели, затѣмъ, при неуваженіи къ языку, нашъ поэтъ такъ тщательно могъ его изучать для своей Энеиды, ходя въ народъ? А вѣдь и послѣдній фактъ Кулишу былъ небезъизвѣстенъ! Почему, кромѣ того, въ Нат.-Полтавкѣ и Москалѣ-Ч. этихъ руссизмовъ почти нѣтъ? А вѣдь, по теоріи Кулиша, они также и тамъ должны были находиться въ немаломъ количествѣ. Котляревскій, какъ мы это покажемъ въ другомъ мѣстѣ, былъ глубокій патріотъ. Уже въ силу этого одного, онъ къ родному своему языку неуважительно относиться не могъ. А что въ рѣчь Энеиды онъ ввелъ руссизмы, это объясняется совсѣмъ иными причинами, чѣмъ неуваженіе къ языку.

Дѣло въ томъ, что во время Котляревскаго какихъ бы то ни было теорій о чистотѣ украинскаго языка не было, да и не могло быть. Вліяніе великорусскаго, польскаго и славянскаго языковъ на искусственныя произведенія украинской литературы давало себя чувствовать изрядно. Въ частности-же великорусскій языкъ особенно оказывалъ такое вліяніе на литературу лѣвобережной Украйны. Книжныя произведенія, написанныя на украинскомъ языкѣ, только съ небольшой примѣсью великорусскаго, были тогда рѣдкостью; въ большинствѣ-же случаевъ, украинскій языкъ фигурировалъ только въ интерлюдіяхъ, соотвѣтственно народному ихъ содержанію. Встрѣчались, конечно, въ Украинѣ прошлаго вѣка и чисто украинскія, по языку, произведенія, въ родѣ стихотвореній Климовскаго или легенды о Маркѣ, но это были исключительныя явленія, и то изъ области книжно-народной литературы;—между тѣмъ, какъ въ литературѣ искусственной писаніе на украинскомъ языкѣ было до нѣкоторой степени mauvais ton. Естественно поэтому, что къ времени Котляревскаго украинскихъ пуристовъ относительно языка не могло и быть. Итакъ, уже этимъ однимъ указывается дѣйствительная причина внесенія Котляревскимъ въ его Энеиду руссизмовъ; несомнѣнный-же фактъ подражанія Осипову еще лучше уясняетъ эту причину. Сличеніе обоихъ произведеній, во первыхъ, показываетъ, что почти всѣ руссизмы украинской пародіи взяты изъ великорусской, и, во вторыхъ, что почти всѣ они вводятся или для рифмы, или для размѣра. Это двойное обстоятельство для насъ очень важно. Оно наглядно показываетъ, что хотя Котляревскій допускалъ свои руссизмы и сознательно, но, такъ сказать, противъ воли. Вводя впервые въ украинскій стихъ ямбическій размѣръ, поэтъ не могъ не ощущать затрудненій; эти послѣднія должны были увеличиться еще оттого, что Котляревскій задумалъ писать пародію на украинскомъ языкѣ, имѣя передъ глазами пародію великорусскую. Въ трудныхъ мѣстахъ онъ легко могъ соблазниться русскими формами и вводить ихъ въ свою рѣчь, все таки сознавая, что, въ общемъ, эта рѣчь есть истинно украинская, несомнѣнно но-

сящая на себѣ слѣды тщательнаго изученія. Но и при всемъ этомъ, руссизмовъ у него не такъ много, какъ можно было-бы ожидать, зная его широкое, хоть и формальное пользованіе великорусской Энеидой. Такъ или иначе, но причину ихъ мы можемъ считать выясненной: они явились плодомъ несовершенства техники стиха Котляревскаго и оправдываются современными поэту взглядами на чистоту украинскаго языка.

Въ силу этого, нельзя предъявлять къ Энеидѣ неумѣстныхъ претензій языковаго пуризма, и слѣдуетъ даже удивляться той „дерзости", съ какой Котляревскій задумалъ и выполнилъ свою пародію на народномъ языкѣ. Обвинять-же его за руссизмы мы совсѣмъ перестанемъ тогда, если вспомнимъ тотъ фактъ, что отъ руссизмовъ не свободны и нѣкоторые современные украинскіе писатели, и даже Шевченко. Этотъ послѣдній фактъ говоритъ очень выразительно, какъ вообще трудно при невыработанности родного языка создавать на немъ литературу въ то самое время, когда всю свою жизнь приходится работать, будучи окруженнымъ могучими вліяніями богатой русской литературы.

Итакъ, въ общемъ, языкъ украинскій, отразившійся въ рѣчи Энеиды, при нѣкоторыхъ своихъ недостаткахъ, есть языкъ, дѣйствительно, чистый, народный и вообще достойный той характеристики, какую ему дали въ особенности г. Минскій и проф. Дашкевичъ. Въ рѣчи Энеиды, какъ и въ ея типахъ и сценахъ, вполнѣ нашла себѣ мѣсто идея Котляревскаго написать произведеніе національное, какъ предметъ, возвеличивающій родную народность. Въ вопросѣ о данной цѣли Энеиды, рѣчь послѣдней является только новымъ и сильнымъ доказательствомъ. Но если относительно рѣчи нашей пародіи и могли съ нѣкоторымъ основаніемъ подыматься упреки и обвиненія, то относительно стиха ея ничто подобное не должно было-бы имѣть мѣста. Однако, на дѣлѣ вышло не такъ; одобряя даже самое исполненіе ямбическаго стиха, выбраннаго поэтомъ для Энеиды, нѣкоторые критики находили выборъ его антинароднымъ и для украинской поэзіи будто-бы совсѣмъ неподходящимъ.

Мнѣніе это впервые было высказано Костомаровымъ, и, подъ его вліяніемъ, отзывъ этотъ повторили другіе изслѣдователи поэзіи Котляревскаго—Кулишъ, Пискуновъ и Онишкевичъ. Едва-ли стоитъ много распространяться по этому поводу, чтобы ложность этого мнѣнія стала очевидною: намъ кажется, что и безъ нашихъ разсужденій странность его бросается въ глаза всякому. Но чтобы покончить вопросъ объ этомъ разъ навсегда, мы все-таки нѣсколько словъ о немъ скажемъ. Для характеристики упомянутаго мнѣнія очень важно знать, что оно исповѣдуется главнымъ образомъ Костомаровымъ. Знаніе этого обстоятельства ставитъ его въ соотношеніе съ общими взглядами Костомарова на вопросъ объ украинской литературѣ и въ высокой степени облегчаетъ его оцѣнку. Нашъ историкъ отличался, какъ извѣстно, въ вопросѣ объ украинской литературѣ до извѣстной степени консервативностью: широкаго, мірового развитія онъ ей не придавалъ и позволялъ, такъ сказать, расти для домашняго обихода. Въ силу этого, какъ содержаніе, такъ и форма нашей литературы должны были обязательно стоять чуть-ли не на уровнѣ народнаго творчества и понятій. Держась такихъ взглядовъ на украинскую литературу вообще, Костомаровъ, конечно, долженъ былъ строго отнестись и къ тѣмъ частнымъ явленіямъ, которыя съ этими взглядами шли въ разрѣзъ. Поэтому, четырехстопный ямбъ Энеиды Котляревскаго, отсутствующій въ народной поэзіи совершенно заставилъ критика отнестись къ нему скептически. По этому поводу можно только сказать, что если народная поэзія не имѣетъ искусственнаго ямбическаго стиха, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вообще въ національной литературѣ этотъ размѣръ, вмѣстѣ съ другими, не могъ имѣть мѣста. Формы, какъ и содержаніе, искусственныхъ художественныхъ произведеній есть шагъ впередъ по сравненію съ созданіями народными, и потому держаться болѣе низкихъ формъ только потому, что они народны, едва-ли основательно. Указавъ на умѣстность стиха, скажемъ нѣсколько словъ и объ его достоинствахъ. Стихъ Энеиды вообще необыкновенно легокъ, плавенъ, а потому и красивъ; рифмы со-

зданы очень удачно, и многія изъ нихъ далеко превосходятъ рифмы въ ямбахъ Шевченка.

Такимъ образомъ, мы разобрали всѣ главнѣйшіе вопросы о художественномъ значеніи Энеиды; въ результатѣ оказалось, что мнѣніе о народности и художественности послѣдней, вопреки нѣкоторымъ изслѣдователямъ, можно считать для Котляревскаго вполнѣ благопріятнымъ. Широкое понятіе художественной правды приложимо къ его произведенію цѣликомъ: оно реально-народно, освѣщено юморомъ и сатирой и облечено въ художественную форму. Это вытекаетъ изъ всѣхъ предъидущихъ нашихъ разсужденій и вполнѣ отвѣчаетъ высокой цѣли поэта,—создать національно-патріотическое произведеніе. Итакъ, насколько мы могли видѣть, и замыслъ, и выполненіе „Энеиды" соотвѣтствуютъ вполнѣ другъ другу.

Послѣ оцѣнки „Энеиды", перейдемъ теперь къ другимъ произведеніямъ Котляревскаго, прежде всего къ „Одѣ до князя Куракипа". Еще въ большей степени, чѣмъ Энеида, это произведеніе вызвало противъ себя неумѣренные нападки опять таки Кулиша, заявившаго, что въ особенности эта ода показала, кто былъ по своимъ убѣжденіямъ Котляревскій.—А былъ онъ, по Кулишу, чѣмъ-то въ родѣ политическаго лакея. Но если критикъ не правъ въ отзывѣ объ Энеидѣ, то въ сужденіи объ „Одѣ" не правъ вдвойнѣ. Ода эта въ особенности ясно показываетъ, каковы были истинныя воззрѣнія нашего поэта, котораго Кошовый называетъ даже демократомъ; въ ней-же съ новой стороны обнаруживается и талантъ послѣдняго, такъ что уже въ виду этого одного она представляетъ необыкновенный интересъ. Возраженія Кулишу по данному поводу приводились еще въ 60-хъ годахъ С. Каминскимъ, но нѣкоторая реабилитація „Оды" принадлежитъ только въ 80-хъ годахъ изслѣдователю ея, г. Минскому. Послѣдній назвалъ ее произведеніемъ замѣчательнымъ, и мы, съ своей стороны, считаемъ этотъ эпитетъ вполнѣ умѣстнымъ; какъ по содержанію, такъ и по формѣ, она представляетъ очень много интереснаго и важнаго. Написана она на новый годъ въ видѣ привѣтствія, какъ извѣстно, князю Куракину. Дѣло, конечно, не въ томъ, что написана въ

одѣ похвала, а въ томъ, стоилъ-ли послѣдней кн. Куракинъ, такъ какъ, въ какой бы ни было формѣ, восхваленіе высокихъ, въ общественномъ смыслѣ, людей продолжится до скончанія міра. Котляревскій же порицается за то, что льстилъ, очевидно, не заслуживавшему этого вельможѣ. Да, если послѣдній былъ хвалимъ не по заслугамъ, то Котляревскій, конечно, достоинъ порицанія. Но такъ-ли это въ дѣйствительности? Ода эта, какъ извѣстно, помѣчена 1805 г., а между тѣмъ появилась въ печати только въ 1861 г.,—очевидно, поэтъ при жизни не хотѣлъ ее печатать. Какія-же были этому причины? Ихъ, по разсказамъ современниковъ, указываетъ уже С. Каминскій (1866 г.), и толкованіе его мы считаемъ вполнѣ правильнымъ. Главная причина упомянутаго факта заключалась именно въ содержаніи оды, т. е. въ тѣхъ заслугахъ кн. Куракина, которыя своимъ стихомъ привѣтствовалъ поэтъ. Нечего и говорить, что это объясненіе стоитъ совершенно въ связи съ той характеристикой личности Котляревскаго, которая обнаруживается даже въ его „Одѣ". Указывая на заслуги Куракина, поэтъ зналъ, что онъ тѣмъ самымъ произноситъ страшный приговоръ украинскому панству, занимавшемуся тогда весьма некрасивыми дѣлами. Онъ зналъ, что попадаетъ въ самое сердце общественныхъ золъ Украины; помнилъ, что если его воззрѣнія станутъ извѣстны широкой публикѣ, то ему не обраться тогда всевозможныхъ нареканій. А разъ онъ сознавалъ это и потому своей оды не печаталъ, то уже это одно заставляетъ думать, что Котляревскій хвалилъ вельможу за такія вещи, которыя для весьма вліятельной части украинскаго общества были большой сатирой. Зная этотъ фактъ и оставаясь при мнѣніи о сервилизмѣ Котляревскаго, мы попадемъ въ глубокое противорѣчіе: съ одной стороны нашъ поэтъ являлся такимъ безпощаднымъ сатирикомъ украинскихъ вельможъ, что даже не рѣшался до конца своей жизни выпустить своей сатирической оды въ свѣтъ; съ другой-же стороны онъ, по мнѣнію критика, куритъ вельможѣ ѳиміамъ и является потому сервилистомъ. Очевидно, что одно изъ этихъ положеній ложно и уничтожаетъ

другое; какое именно ложно,—показываетъ самое содержаніе оды: поэтъ хвалитъ въ Куракинѣ не вельможу, а общественнаго дѣятеля, равно какъ въ вельможахъ и вообще въ украинскомъ панствѣ порицаетъ деструктивную ихъ политику въ отношеніи къ низшимъ классамъ. Послѣ этихъ замѣчаній, основанныхъ на непреложныхъ фактахъ, врядъ-ли возможно даже съ оговоркой назвать нашего поэта сервилистомъ.

Но что-бы закончить вопросъ о высокомъ нравственномъ значеніи "Оды" Котляревскаго совершенно, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ лицѣ, кому эта ода была посвящена, и тогда увидимъ, на сколько справедливы упреки Котляревскому за кн. Куракина—дѣйствительнаго врага крѣпостного права. Князь Куракинъ, котораго прославляетъ нашъ поэтъ, есть одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей массонскаго движенія, гонимый за свои убѣжденія Екатериной II и реабилитированный только императоромъ Павломъ[1]). Твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ оставался при нихъ и въ царствованіе Александра I, продолжая участвовать и въ реформированныхъ тогда ложахъ. Считаемъ лишнимъ распространяться о крупномъ нравственномъ значеніи многихъ русскихъ массоновъ,—оно хорошо извѣстно. А разъ это такъ, то достоинства незаурядной личности Куракина и самая суть похвалъ ему Котляревскаго не только опровергаютъ слабо построенныя противъ послѣдняго обвиненія въ сервилизмѣ, но и освѣщаютъ Котляревскаго въ совершенно новомъ идеалистическомъ свѣтѣ. Самый фактъ существованія „Оды" можетъ только служить матерьяломъ для серьезныхъ похвалъ нашего поэта, но никакъ не для его порицаній. Въ „Одѣ", какъ въ заркалѣ, отражается высокая душа поэта, стоявшаго выше своего общества въ чемъ именно заключалось это превосходство Котляревскаго, мы скажемъ подробно въ другомъ мѣстѣ. Теперь-же разсмотримъ художественное значеніе „Оды", какъ поэтическаго произведенія. При чтеніи его сразу бросается въ глаза то обстоятельство, что „Ода" радикально отличается отъ прочихъ произведеній та-

---

[1]) Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I; стр. 321.

кого-же рода, какъ русскихъ, такъ и украинскихъ, и что отличій этихъ множество. Нѣтъ въ нашей „Одѣ“ никакого самоуниченія поэта, въ то-же время превозносящаго своего „героя“ выше небесъ, на что указалъ, напримѣръ по отношенію къ украинскимъ одамъ конца 18 в. и проф. Петровъ [1]); наоборотъ, въ ней видно полнѣйшее достоинство и объективизмъ поэта, какъ-бы желающаго подчеркнуть, что свое привѣтствіе Куракину онъ произноситъ далеко не безъ основаній. Другой характерной чертой “Оды“ являетстся отсутствіе миѳологическихъ символовъ и вообще аттрибутовъ псевдо-классицизма. За исключеніемъ очень умѣстнаго обращенія къ Орфею, въ „Одѣ“ не упоминается ни одно классическое имя, что придаетъ ей, конечно, большую жизненность и реальность. Встрѣчающееся-же упоминаніе о музахъ настолько проникнуто юморомъ, что еще болѣе увеличиваетъ эту необыкновенную реальность. Свободная отъ псевдо-классическихъ пріемовъ въ содержаніи, „Ода“ не заключаетъ въ себѣ ни напыщенности, ни трескучести, которыхъ не лишены даже оды Державина. Наоборотъ, украинская „Ода“ необыкновенно проста и весьма народна. Еще г. Минскій подмѣтилъ эту чрезвычайную ея простоту, указавъ на характеристику въ „Одѣ“ самого Куракина, котораго поэтъ, совсѣмъ не на классическій манеръ, величаетъ „воломъ“, и на другія образныя сравненія. Дѣйствительно, образы и картины житейскія въ „Одѣ“ обличаютъ большую степень наблюдательности и изобразительности поэта, не соблазнившагося никакими ходульными пріемами. Изъ частныхъ описательныхъ картинъ „Оды“, отличающихся большой рельефностью и живописностью, укажемъ на чисто-народныя описанія внѣшности Куракина, на изображеніе его пріемной, канцеляріи, мнимыхъ похоронъ князя. Всѣ эти болѣе значительныя по размѣру картины, какъ и мелкія сравненія, вродѣ уподобленія пріемной князя „Роменському ярмарку“ или писарей его—тучѣ „косаривъ въ Петривку“,—опять таки, какъ и въ Энеидѣ, показываютъ ясно, что въ своемъ из-

---

[1]) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка И. Петрова—стр. 22.

ложеніи Котляревскій говорилъ, какъ-бы отъ лица самого народа. Онъ въ своей одѣ являлся истиннымъ апологетомъ его нуждъ, равно, какъ и въ благодарности за заступничество князя былъ дѣйствительнымъ истолкователемъ воли народа. Спорить противъ этого врядъ-ли возможно, особенно если вспомнить все вышесказанное. Такимъ образомъ, основныя черты художественности въ „Одѣ" имѣются на лицо: реальность образовъ, наблюдаемая въ сравненіяхъ и описаніяхъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли поэта создать портретъ Куракина достойнымъ оды вообще. Къ этому еще необходимо прибавить и то, что вся „Ода" проникнута веселымъ чувствомъ юмора, съ одной стороны, и сатирическимъ настроеніемъ поэта—съ другой. Въ силу этого, жизненность художественной „Оды" увеличивается еще болѣе. Говоря о художественности послѣдней, необходимо сказать нѣсколько словъ и объ ея стилѣ. Послѣдній является символическимъ по преимуществу,—въ томъ смыслѣ, конечно, какъ мы это опредѣлили выше. Недостаткомъ его, замѣченнымъ еще въ Энеидѣ, является введеніе опять таки руссизмовъ, но уже не въ лексикѣ, а въ морфологіи; впрочемъ, ихъ мало, и они, вообще, дурнаго впечатлѣнія не производятъ. Присутствіе ихъ въ „Одѣ", какъ и въ „Энеидѣ", еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль о томъ, что поэтъ находился въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда воззрѣнія на пуризмъ украинскаго языка и кромѣ того стѣсненъ былъ формой стиха. Послѣдняя причина является особенно внушительной; ибо, если версификація является дѣломъ не совсѣмъ легкимъ даже для опытныхъ талантовъ и при большей выработанности языка, то для эпохи Котляревскаго она была тѣмъ болѣе трудной. Впрочемъ, и безъ этихъ поясненій, рѣчь „Оды" производитъ, въ общемъ, весьма благопріятное впечатлѣніе: она довольно изящна и притомъ народна. Такое же благопріятное впечатлѣніе производитъ и хореическій стихъ „Оды"; за рѣдкими исключеніями, онъ гладокъ, легокъ и довольно гармониченъ. Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній, мы можемъ о достоинствахъ „Оды" высказать свое окончательное мнѣніе: художественность ея, выражающая-

ся въ реально-народныхъ образахъ, соотвѣтствующихъ идеѣ поэта о заслугахъ Куракина,—несомнѣнна; изложеніе, въ общемъ юмористическое, живо и занимательно; рѣчь довольно чиста, и стихъ довольно легокъ, хотя и небезупреченъ. Изъ ряда прочихъ одъ, произведеніе Котляревскаго выдается какъ своей художественностью, такъ и благородствомъ настроенія, не стѣсняющагося въ изложеніи даже нѣкоторыми вульгарными сравненіями.

Имѣя передъ глазами такой экземпляръ лирики поэта, какъ „Ода" мы, дѣйствительно, вслѣдъ за С. Каминскимъ, не можемъ не пожалѣть, что Котляревскій ничего болѣе не писалъ въ лирическомъ духѣ, исключая „пѣсенъ". Въ самомъ дѣлѣ, общественный элементъ „Оды" показываетъ ясно, что изъ нашего поэта могъ-бы развиться представитель гражданской лирики, нѣсколько напоминающій Некрасова. Вообще-же „Ода" дополняетъ собой Энеиду и вмѣстѣ съ послѣдней даетъ хоть и нѣсколько субъективно-освѣщенную, но за то безусловно вѣрную картину главнѣйшихъ теченій тогдашней украинской жизни.

Кромѣ эпической Энеиды и лирической „Оды", Котляревскій написалъ еще два драматическихъ произведенія,—„Наталку-Полтавку" и „Москаля-Чаривныка", относимыя критиками къ 1819 году. Подобно прежнимъ произведеніямъ поэта, пьесы эти вызвали также немало разнорѣчивыхъ толковъ критиковъ, находившихъ въ нихъ всевозможные достоинства и недостатки. Насколько вѣрно указаны критикой достоинства обѣихъ пьесъ, покажетъ разборъ послѣднихъ, который мы сдѣлаемъ въ своемъ мѣстѣ. Насколько же справедливо отмѣчены ихъ недостатки, мы это укажемъ сейчасъ. Обратимся сначала къ „Наталкѣ-Полтавкѣ". Слишкомъ хорошо извѣстный сюжетъ этой пьесы вызвалъ противъ себя со стороны Кулиша и особенно Маруси К. цѣлую бурю возмущеній. Посмотримъ-же, насколько они основательны. Пьеса Котляревскаго обвиняется прежде всего въ аффектаціи и особенно въ сантиментальности. Этотъ упрекъ высказанъ былъ впервые Костомаровымъ и Кулишомъ и развитъ, но не обоснованъ, Марусей К; послѣдній критикъ находитъ даже въ „Наталкѣ" особенную, „нѣмецкую", какъ онъ

выражается, сантиментальность, и даже благодаритъ Бога, что о ней нашъ народъ —„и понятія не имѣетъ“. При этомъ, по его мнѣнію, въ хваленую нѣмецкую сантиментальность впадаютъ *всѣ* дѣйствующія лица. Отзывъ, какъ видите, очень строгъ, но не правъ совершенно. Что такое „сантиментальность“ „Наталки-П.“, хорошо выяснено и г. Минскимъ, и проф. Дашкевичемъ. Къ большому, вѣроятно, удивленію Маруси К., они открыли, что „нѣмецкая сантиментальность“ пьесы Котляревскаго есть доморощенная украинская, только понимаемая не въ смыслѣ Карамзинскомъ, т. е. ложно, а вполнѣ реально. Присущая нашему народу „сантиментальность“ не есть культивированная въ различныхъ литературныхъ парникахъ, особенно въ Англіи, приторная чувствительность, которая потому именно и является чуждой нашему народу. Нѣтъ, „сантиментальность“ послѣдняго есть здоровая и нормальная психологическая форма именуемая „чувствительностью“. Выражаясь, для наглядности, англійскими терминами, украинская „сантиментальность“ есть „sensibility“, отличая отъ „sentimentalism“, именно и обозначающаго сантиментальность, какъ приторную чувствительность,— чувство, слѣдовательно, наносное и болѣзненное.

Такимъ образомъ, по мысли только-что упомянутыхъ критиковъ, облекающее „Наталку-П.“ чувство есть присущая украинцамъ чувствительность. Для большей иллюстраціи своего положенія, г. Минскій предпринялъ даже, какъ мы говорили, сравненіе „Наталки-П.“ съ Карамзинской повѣстью и выполнилъ свою задачу вполнѣ удовлетворительно. Онъ именно показалъ наглядно, что „Наталка-П.“ не принадлежитъ къ литературѣ сантиментализма, и послѣ его сравнительнаго опыта доказывать нормальность эстетической стороны „Наталки“ было-бы излишне. Толковать о несантиментализмѣ послѣдней мы и не будемъ; мы только пойдемъ дальше г. Минскаго и покажемъ вкратцѣ, чѣмъ вызвана была упомянутая ошибка критиковъ, высказавшихъ по адресу Котляревскаго серьезные упреки. Разъясненіемъ этого мы надѣемся еще болѣе утвердить мысль о томъ, что не только „Наталка“ Котляревскаго, но и такія

произведенія украинской литературы, какъ „Маруся“ Основьяненка, не имѣютъ даже и намека на сентиментализмъ. Какъ намѣтили г. Минскій и проф. Дашкевичъ, чувствительность бываетъ нормальная и болѣзненная, именуемая сентиментализмомъ. Какъ та, такъ и другая, являются, конечно, продуктами общественной жизни, хотя и одинаково естественными, но не одинаково законными. Чувствительность есть явленіе нормальное и, какъ таковое, имѣетъ право на культивированіе въ педагогическихъ и общественныхъ цѣляхъ; наоборотъ, сентиментализмъ, какъ явленіе нездоровое, долженъ изъ общественной среды изгоняться всѣми возможными этическими средствами. Такое воззрѣніе на обѣ приведенныя формы чувства имѣетъ большое значеніе, какъ для уразумѣнія ошибки особенно Маруси К. и его прототиповъ Костомарова и Кулиша, такъ и для оцѣнки формы чувства, изображаемаго въ нѣкоторыхъ лицахъ „Наталки“.

Къ какому-же типу относится „Наталка“? Нѣкоторые критики отнесли ее къ типу произведеній, сочувственно относящихся къ сентиментализму. Къ сожалѣнію, это глубоко невѣрно. Приговоръ критиковъ основанъ на предварительномъ недоразумѣніи, а именно: они допустили смѣшеніе понятій — 1) изображеніе чувствительности и 2) сентиментальнаго изображенія. Къ типу вторыхъ произведеній они отнесли и „Наталку“, хотя для этого нѣтъ серьезныхъ основаній, если только признавать, какъ это и дѣлаютъ г. Минскій и проф. Дашкевичъ, что въ чертахъ украинскаго народа есть чувствительность. Игнорировавъ почему-то послѣднюю, критики не могли не допустить и ошибки въ различеніи понятій чувствительности и сентиментальности и обязательно должны были придти къ заключенію, что „Наталка“ написана въ сентиментальномъ духѣ. Изслѣдованіе типовъ пьесы можетъ убѣдить въ совершенно противоположномъ. Терпылыха не дѣлаетъ ни одного поступка, имѣющаго даже намекъ на сентиментальность,—она вполнѣ реальна. Наталка и Петро—чувствительны, но ни въ какую аффектацію не впадаютъ: каждое движеніе Наталки естественно и искренно,—и не рождаетъ никакого недоумѣнія. Единствен-

ный будто бы неестественный поступокъ Петра,—какъ то отдача заработанныхъ денегъ Наталкѣ, — вполнѣ логиченъ и не изумляетъ совершенно: деньги онъ зарабатывалъ только для Наталки, и безъ нея онѣ были ему не нужны. Макогоненка и Мыколу обвинить въ сантиментализмѣ трудно, такъ какъ для послѣдняго даже нѣтъ ни малѣйшаго повода. То-же самое мы можемъ сказать и о Возномъ, къ изображенію котораго Марусей К. предъявляются претензіи такъ же, какъ и въ отношеніи типа Петра. Поступокъ Markdown Вознаго въ концѣ пьесы вполнѣ психологиченъ; ему предшествуетъ, цѣлая драматическая сцена, въ которой симпатіи *всѣхъ* обращаются къ Петру, и Возный остается безъ всякой поддержки. Послѣдній увидѣлъ, что дѣло плохо, такъ какъ единственнымъ выходомъ для него былъ только добровольный отказъ отъ Наталки. Всякій мало-мальски умный и самолюбивый человѣкъ оказался бы въ данномъ случаѣ благороднымъ, если-бы онъ, даже лицемѣря, изобразилъ изъ себя добровольно отказывавшагося отъ невѣсты, которая, какъ онъ самъ понималъ, послѣ упомянутой сцены, перестала быть его. Но, подъ вліяніемъ всеобщаго напряженнаго чувствованія и слезъ женщинъ, Возный даже могъ не лицемѣрить и въ самомъ дѣлѣ обнаружить минутное благородство, ибо, во всякомъ случаѣ, оно было неизбѣжно. Поэтому, всякія нареканія на поэта за неестественность поступка Вознаго мы должны, послѣ анализа этого поступка, признать лишенными почвы. То-же самое можемъ мы сказать и Марусѣ К. по поводу ея взгляда на поступокъ Петра, узнавшаго о выходѣ замужъ Наталки и хладнокровно-де разсуждающаго о театрѣ съ ея женихомъ. Строгій критикъ не вчитался какъ слѣдуетъ въ „Наталку",—иначе онъ увидѣлъ-бы, что Петро говоритъ хладнокровно только потому, что онъ говоритъ не съ Вознымъ, а съ Выборнымъ. Не замѣтивъ этого, критикъ, конечно, не могъ и взглянуть правильно на разбираемое имъ положеніе. Такъ или иначе, но мнѣнія Маруси К. и прочихъ порицателей „Наталки" оказываются совершенно неправильными; допущенное ими неразличеніе чувствительности и сантимента-

лизма, ставшее исходной точкой ихъ претензій по отношенію къ Котляревскому, не позволило имъ вѣрно оцѣнить эстетической сущности „Наталки“ и ввело ихъ въ заблужденіе. Въ изложеніи пьесы нѣтъ сантиментализма и тѣни, а изображеніе поэтомъ украинской чувствительности выдержано всюду безъ преувеличеній. Допустивъ глубокую ошибку въ воззрѣніи на „Наталку“, какъ на продуктъ, по мнѣнію критиковъ, сантиментализма, эти послѣдніе не могли, конечно, найти въ пьесѣ Котляревскаго и народности, какъ оттѣнка реализма. Маруся К. заявила даже, что „Наталка“ не выдерживаетъ этнографической критики и что народнаго въ ней только музыка да пѣсни. Мнѣніе это, разумѣется, крайне несостоятельно, но за то послѣдовательно. Вѣдь если, въ самомъ дѣлѣ, наша пьеса проникнута сантиментализмомъ, то, очевидно, что въ ней народнаго или реальнаго весьма мало: все ложно изображенное есть, безъ сомнѣнія, ложь. Только такой выводъ изъ положеній порицателей Котляревскаго и можно сдѣлать. Однако съ такимъ выводомъ по отношенію къ „Наталкѣ“ соглашаются далеко не всѣ, и на ихъ сторонѣ, безъ сомнѣнія, и правда. Вѣрно изображая сердечную жизнь народа и нигдѣ не допуская утрировки, „Наталка“, очевидно, тѣмъ самымъ является произведеніемъ реальнымъ и народнымъ, и всякую этнографическую критику, безъ сомнѣнія, выдержать можетъ. Если поэтъ своей пьесой трогалъ и трогаетъ сердца до сихъ поръ, то, очевидно, въ его произведеніи есть такая волнующая душу жизненность, которая именно и является цѣлью всякаго художественнаго произведенія.

Послѣ разсмотрѣнія обвинительныхъ пунктовъ относительно „Наталки“ и признанія ихъ несостоятельными, скажемъ съ своей стороны нѣсколько словъ о художественномъ значеніи этой пьесы. По мнѣнію положительной критики, „Наталка“ является очень цѣннымъ произведеніемъ украинской литературы и, во всякомъ случаѣ, обнаруживаетъ художественный талантъ Котляревскаго. Нѣкоторые даже полагаютъ, что послѣдній только въ „Наталкѣ“ и сталъ на твердую почву реализма и

народности, сомнительной еще, по ихъ мнѣнію, въ Энеидѣ. Раздѣляя мнѣніе этой критики о достоинствахъ „Наталки“ и находя послѣднюю глубоко-народной, мы конечно, не считаемъ появленія ея чѣмъ-то экстраординарнымъ въ отношеніи къ другимъ произведеніямъ поэта и находимъ въ ней, хотя и въ большей степени, черты Энеиды. Разница только та, что закрытая въ Энеидѣ пародической формой жизнь народа открывается въ „Наталкѣ“ вполнѣ рельефно и показываетъ, кромѣ того, сердечную сторону послѣдняго, въ то время, какъ въ Энеидѣ и „Одѣ“ преобладали мотивы соціальные и бытовые. Юморъ-же, сатирическій оттѣнокъ и благородное настроеніе автора постоянно проглядываютъ и въ этомъ его произведеніи, какъ и въ предыдущихъ. Впрочемъ, характеристика типовъ „Наталки“ должна это показать яснѣе. Идея „Наталки“ очень незамысловата; въ своемъ произведеніи Котляревскій задумалъ изобразить эпизодъ изъ жизни простой семьи, въ которую, вопреки идеальнымъ цѣлямъ дочери и согласно очень реальнымъ— матери, пытается вторгнуться вліятельное лицо, Возный. Эпизодъ этотъ, особенно по тому времени, является весьма драматическимъ и особенно рѣзко подчеркиваетъ мысль о томъ, насколько угнетающе дѣйствуетъ экономическое основаніе даже въ области сердца. На этомъ, можетъ быть и не вполнѣ сознательномъ для поэта базисѣ, и построена украинская пьеса. Какъ по характеру, такъ и по разработкѣ, она носитъ вполнѣ драматическій оттѣнокъ и, не смотря даже на свою форму „оперы“, имѣетъ большое значеніе, именно какъ драматическій эскизъ. Съ другой стороны, форма „оперы“ можетъ оправдать всякіе, почти отсутствующіе впрочемъ, недостатки „Наталки“, какъ драматическаго произведенія; на это и нужно было обратить особенное вниманіе критикамъ, вродѣ Маруси К. Итакъ, драма въ области чувства, основанная на идеѣ о всемогуществѣ экономики, является пружиной „Наталки“, типы которой и позиціи созданы именно въ указанномъ смыслѣ. Болѣе всего отражается вліяніе этой могущественной экономики на Терпылыхѣ, и, какъ слѣдствіе, тому-же вліянію подвергаются Наталка и Петро. Пред-

ставители экономической силы—Возный и отчасти Выборный, который дѣлается сознательнымъ орудіемъ перваго. Впрочемъ о философскомъ смыслѣ „Наталки" мы скажемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, а теперь посмотримъ, насколько психологически-вѣрно нарисовалъ поэтъ свои типы соотвѣтственно задуманной идеѣ. Обратимся сначала къ матери Наталки—Терпылыхѣ. На протяженіи почти всей пьесы, она является угнетателемъ своей дочери, любящей ее и потому, при всей привязанности къ Петру, соглашающейся выйти замужъ за нелюбимаго человѣка. Однако такую угнетательную политику по отношенію къ Наталкѣ ея мать ведетъ не въ силу злого сердца,—наоборотъ, она добросердечна, и урѣзываетъ стремленія Наталки только благодаря своей крайней бѣдности. Поэтому, она съ радостью соглашается на предложеніе Вознаго и въ пользу его склоняетъ и свою дочь. Всѣ дѣйствія ея естественны и выдержаны въ изображеніи автора прекрасно. Вполнѣ послѣдовательно также и ея сочувственное отношеніе къ Петру, при видѣ его благороднаго поступка. Вынужденная обстоятельствами поступать вопреки своему добросердечію, Терпылыха сразу-же обнаруживаетъ послѣднее, когда стѣсняющія его оковы лопаются: поэтому-то она и выражаетъ къ Петру такія нѣжныя чувства, какъ мы это видимъ въ концѣ пьесы.—Не смотря даже на предыдущія угрозы Вознаго, она все-таки не боится вылить свое сердце особенно тогда, когда узнаетъ, что Петро возвратился не бѣднякомъ. То-же нужно сказать и о Наталкѣ, составляющей истинную красу оперы и изображенной превосходно. Всѣ дѣйствія и мысли Наталки отъ начала до конца реальны и глубоко вѣрны, привлекая вмѣстѣ съ тѣмъ симпатіи читателя въ большой степени. Не смотря на всю любовь къ Петру, она рѣшается однако, вопреки влеченію сердца, подчиниться желанію матери и пересилить глубокое чувство къ Петру. Подчиненіе ея волѣ матери вполнѣ естественно и болѣе логично, чѣмъ всякія отравленія и зарѣзыванія, которыми очень часто надѣляютъ современныя наши драмы украинскихъ дѣвушекъ. Какъ правильно замѣтилъ и г. Минскій, по-

ступокъ Наталки очень типиченъ, ибо на ея мѣстѣ такъ точно поступило-бы множество дѣвушекъ. Чувство любви несомнѣнно глубоко культивируется въ крестьянской средѣ, но совпаденіе брака и добрачной любви бываетъ далеко не всегда, такъ какъ украинская дѣвушка въ настоящее, да и въ прежнее время, почти всегда не выходитъ замужъ, а *выдается*, и притомъ, въ силу, главнымъ образомъ, экономическихъ мотивовъ. То-же самое вышло и съ Наталкой, которая уступила давленію сильнѣйшихъ обстоятельствъ. Однако, въ силу пламенности своего чувства и большой идеальности, присущей вообще молодости, Наталка сдавливаетъ свое чувство къ Петру съ трудомъ и потому, увидя возлюбленнаго, сразу забываетъ свое подчиненіе и рѣшается противиться браку съ Вознымъ, даже и не надѣясь выйти замужъ за Петра. Въ крайне драматическую минуту она даже упоминаетъ о „Ворсклѣ", т. е. объ утопленіи себя; но, къ счастью, все кончается благополучно. Поступокъ Петра, представшаго для Терпылыхи въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, именно благодаря заработаннымъ имъ деньгамъ, вноситъ въ драматическія позиціи переломъ, благопріятный для Петра и Наталки. Драма заканчивается бракомъ послѣднихъ, награжденныхъ такимъ образомъ за свое постоянство. Конечно, еслибы не благопріятная минута съ деньгами Петра и его моментальнымъ вліяніемъ на присутствовавшихъ, то Возный не расчувствовался-бы, и бракъ Наталки съ нимъ все-таки состоялся-бы, при всѣхъ угрозахъ первой утопиться,—тогда фигура Наталки предстала-бы предъ нами еще въ болѣе драматическомъ видѣ,—но и теперь типъ ея характеренъ и необыкновенно вѣренъ.

Рядомъ съ ней можно поставить такого-же добраго и благороднаго человѣка, какъ Петро.—Любовь его такъ-же глубока какъ и Наталки, но и онъ, однако, еще въ большей степени подчиняется вліянію экономики, чѣмъ его бывшая невѣста. Онъ побывалъ уже въ свѣтѣ не мало и знаетъ его больше послѣдней; потому-то и соглашается такъ быстро оставить ее, такъ какъ съ Вознымъ ему тягаться не подъ силу. Но и покидая

возлюбленную, онъ все-таки не изображаетъ труса или забитаго селянина и показываетъ сознаніе своего достоинства: Петро отдаетъ ей заработанныя деньги, какъ бы выражая этимъ протестъ противъ экономическихъ условій и безсознательно затрогивая, особенно въ Терпылыхѣ, чувство такого-же протеста противъ экономической силы. Какъ въ этомъ поступкѣ, такъ и въ другихъ, душа Петра выливается вполнѣ; отмѣченный теплотой чувства и благородствомъ, образъ Петра, подобно типу Наталки, реаленъ и прекрасенъ. Очень видное мѣсто въ пьесѣ занимаетъ Возный,—это, по мнѣнію одного критика, исчадіе литовскаго статута. Этотъ „завзятый юрыста“ и „хапунъ“, человѣкъ не первой молодости, пользуется своимъ экономическимъ преимуществомъ надъ Терпылыхой и, прельщенный Наталкой, добивается ея всякими средствами. Всѣ его поступки гармонируютъ съ характеристикой его, сдѣланной Мыколой, и весьма некрасивы уже по одному тому, что онъ дѣйствуетъ даже вопреки своему разсудку, говорящему ему, что онъ пользуется своей силой.

Благодаря такому характеру его дѣйствій, послѣдній „благородный“ его поступокъ удивилъ особенно Марусю К., хотя и полагающую, что Возный не золъ, а потому и можетъ сдѣлать доброе дѣло.

Мы уже говорили, что упомянутый поступокъ Вознаго вполнѣ естественъ и вызывается ходомъ дѣйствія, а совсѣмъ не добродушіемъ его, какъ думаетъ Маруся К. Золъ или не золъ Возный, этого изъ пьесы не видно, но что онъ человѣкъ низкой души—это ясно до очевидности, и уже по одному этому онъ могъ бы не сдѣлать своего „добраго“ дѣла. Послѣднее-же отъ него лично зависитъ мало и является совершенно вынужденнымъ, хотя Возный и изображаетъ будто-бы благородство. Какъ мы говорили и выше, только сознаніе того, что противъ него *всѣ*, заставило его на мигъ измѣнить свою натуру. Но, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ и мысляхъ, типъ Вознаго изображенъ весьма реально. Довольно ярокъ, хотя и не въ такой степени, образъ Выборнаго—Макого-

ненка. Этотъ хитрый и умный человѣкъ знаетъ, на чьей сторонѣ сила, и, не обладая идеальными стремленіями, беретъ сторону Вознаго со всѣми его антиэтичными вожделѣніями и поступками. Между тѣмъ, въ глубинѣ души онъ далеко не золъ и не лишенъ благородства. Обнаруживается оно особенно въ послѣдней сценѣ съ деньгами Петра, гдѣ Выборный, по влеченію сердца, принимаетъ сторону послѣдняго и этимъ самымъ, безъ сомнѣнія, очень вліяетъ на рѣшеніе своего товарища, Вознаго. Вообще, типъ его выдержанъ въ большой степена, и естественныя его черты поражаютъ своей рельефностью. Особенно хорошо изображенъ онъ въ только что упомянутой сценѣ, гдѣ наблюдается въ немъ пробужденіе человѣка съ сердцемъ. Наименьше мѣста въ оперѣ удѣлено Миколѣ—родственнику Терпылыхы; но этотъ типъ бурлаки такъ живо изображенъ поэтомъ, что производитъ самое полное впечатлѣніе. Мыкола является „добрымъ духомъ“ Наталки и Петра и, дѣлая все возможное, составляетъ тайную оппозицію Возному. Въ заключительной сценѣ онъ является поддержкой опять таки для Наталки и Петра и вообще каждый свой поступокъ совершаетъ съ необыкновенной добротой и готовностью. Словомъ, изображеніе этого второстепеннаго типа ничѣмъ не отличается отъ прочихъ.

Итакъ, вотъ передъ нами вся портретная галлерея „Наталки“, блистающая жизненной правдой и, въ большинствѣ случаевъ, привлекательностью. Подборъ типовъ „Наталки“ и расположеніе чертъ въ послѣднихъ совершенно соотвѣтствуетъ, какъ мы могли видѣть, основной идеѣ пьесы, какъ изображенія драматическихъ положеній въ области чувства, возникающихъ отъ разлада послѣдняго съ дѣйствующими ему наперекоръ экономическими условіями. Такимъ образомъ, въ общемъ, художественность нашей драмы-оперы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но помимо художественности „Наталки“, какъ вообще поэтическаго созданія, послѣдняя отличается и достоинствами драматичности. Завязка сдѣлана просто, но съ намеками на будущую борьбу Наталки, достигающую своего апогея въ

третьемъ дѣйствіи и направляющуюся на благопріятную дорогу только отъ случая минуты. Разумѣется, драматичность „Наталки" много ослабляется формой ея, какъ оперы, въ томъ смыслѣ, какъ послѣднюю понимали въ 18 в.; въ силу этой формы, дѣйствующія лица часто занимаются „пѣснопѣніями", ослабляющими силу самого изложенія. Правда, драматичность піесы не изобилуетъ никакими эффектами и показными позиціями, но этому главная вина—самый складъ прежней крестьянской жизни, придавленной матерьяльно. Драматическія вспышки различныхъ дѣйствующихъ лицъ не разъ подавляются представленіемъ ихъ о собственномъ безсиліи, въ силу чего драма совершается больше въ области чувства, чѣмъ воли, но и при всемъ этомъ, тягостное впечатлѣніе отъ столкновенія чувствъ съ дѣйствительностью само свидѣтельствуетъ въ пользу силы драматизма въ народной жизни. Изъ особенныхъ достоинствъ ея художественности слѣдуетъ отмѣтить также живость дѣйствія, характеризующаго всю пьесу. Дѣйствующія лица именно дѣйствуютъ, а не занимаются однимъ говореніемъ: исключеніе составляетъ только бесѣда Петра съ своими слушателями о театрѣ, хотя и лишняя съ современной точки зрѣнія, но имѣвшая въ свое время большое публицистическое значеніе. Извѣстное, и утомительное теперь, мѣсто, гдѣ юморъ заключается въ вопросахъ—„а винъ тоби що, а ты ему що", также имѣло въ свое время техническое значеніе. Затѣмъ почти нѣтъ въ „Наталкѣ" длинныхъ монологовъ и докладовъ публикѣ, такъ вредящихъ изобразительности пьесы. Вообще-же, какъ мы сказали и выше, наша „опера", если отбросить нѣкоторые ея недостатки, является вполнѣ художественнымъ поэтическимъ созданіемъ, съ оттѣнкомъ истиннаго драматизма. Живость и естественность дѣйствія, реальность типовъ и полная ихъ разработка—все это какъ нельзя лучше рекомендуетъ произведеніе нашего поэта, какъ изобразителя внутренней, эмоціональной жизни украинцевъ. Таково значеніе „Наталки" въ цѣломъ. Въ частностяхъ „Наталка" также представляетъ большія достоинства и подтверждаетъ мнѣніе о ней, какъ о художественномъ про-

изведеніи. Прежде всего слѣдуетъ, понятно, указать на отдѣльныя ея сцены, отличающіяся большой красотой отдѣлки. Изъ нихъ хороши сцены: Наталки съ Вознымъ, Наталки съ матерью—въ первомъ дѣйствіи. Въ слѣдующемъ дѣйствіи очень жизненны сцены—Мыколы съ Петромъ, Петра съ Наталкой, и послѣдняя сцена, гдѣ участвуютъ всѣ дѣйствующія лица.

Изъ другихъ достоинствъ „Наталки", какъ вообще поэтическаго произведенія, слѣдуетъ отмѣтить многія пѣсни, сочиненныя самимъ поэтомъ. Эти пѣсни, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, представляютъ образецъ типичной лирики, созданной Котляревскимъ художественнымъ образомъ. Изъ этихъ лирическихъ стихотвореній слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія, проникнутыя тономъ чувствительности: „Выдно шляхы Полтавськіи", „Чи я тоби, дочко, добра не желаю", дуэтъ Петра и Наталки и „Ой, я дивчына Полтавка". Всѣ перечисленныя стихотворенія очень изящны и притомъ составлены совершенно въ духѣ народной поэзіи. Изъ лирическихъ стихотвореній съ оттѣнкомъ сатиры большой интересъ представляетъ пѣсня Вознаго „Отъ юныхъ лѣтъ не зналъ я любови"; правда, она написана по русски и не дѣлаетъ вклада въ нашу лирику, тѣмъ не менѣе и она интересна по той чертѣ сатиричности, съ которой поэтъ не разстается ни въ одномъ своемъ произведеніи. Такимъ образомъ и это стихотвореніе Котляревскаго, вмѣстѣ съ предыдущими, наглядно представляетъ намъ разносторонній талантъ его, какъ поэта-художника. Послѣ всего сказаннаго, очень кстати указать на второстепенныя достоинства „Наталки", какъ-то на рѣчь ея монологовъ и стихъ пѣсенъ. Рѣчь „Наталки" очень хороша и народна; руссизмы встрѣчаются въ ней крайне рѣдко, а другихъ элементовъ, затемняющихъ рѣчь, въ ней почти не имѣется. Канцелярскія лингвистическія изобрѣтенія Вознаго въ счетъ, конечно, идти не могутъ: различныя актовыя и вообще русскія дѣловыя слова, вторгающіяся въ рѣчь этого юриста, приведены для большаго оттѣненія „чернильности" Вознаго и такимъ образомъ отрицаются поэтомъ въ самомъ ихъ существѣ. Но, исключая это, рѣчь „Наталки"

совершенно народно-украинская. Тѣми-же качествами отличается вообще рѣчь стихотвореній Котляревскаго; къ достоинствамъ послѣднихъ нужно еще отнести прекрасный ихъ стихъ—хореическій или ямбическій, наблюдаемый особенно въ игривомъ стихотвореніи „Ой, я дивчына Наталка“ и въ энергическомъ и также хореическомъ „Начынаймо-жъ веселыться“. Какъ можно изъ этого видѣть, поэтъ навсегда бросаетъ силлабическій стихъ и держится тоническаго. Итакъ, вотъ и весь анализъ нашей драматической „оперы“; онъ далъ намъ основаніе заключить, что послѣдняя является, особенно по тому времени, довольно художественнымъ созданіемъ съ живыми позиціями и реальными типами; написана она прекраснымъ языкомъ и, въ общемъ, является произведеніемъ глубоко-народнымъ. Такимъ образомъ наше мнѣніе о Наталкѣ вполнѣ согласуется съ первымъ очень выразительнымъ сужденіемъ о ней Срезневскаго и радикально противоположно мыслямъ о ней такихъ критиковъ, какъ Кулишъ или Маруся К.

Кромѣ „Наталки“, Котляревскій написалъ еще другую „оперу“—подъ заглавіемъ „Москаль-Чаривныкъ“. Какъ показалъ проф. Дашкевичъ, фабула этой оперы заимствована изъ французской оперетты, но разработана совершенно самостоятельно, такъ какъ у нашего поэта она имѣетъ національно-украинскій характеръ. Профессоръ-же Дашкевичъ обстоятельно указалъ на достоинства „Москаля-Ч.“, равно какъ и на недостатокъ пьесы, относящійся къ интригѣ. Насколько правъ его упрекъ въ отношеніи „Москаля“, мы увидимъ послѣ, теперь-же займемся опроверженіемъ болѣе важныхъ, предъявлявшихся поэту упрековъ. Обвиненія послѣдняго за эту новую пьесу однородны съ прежними: Кулишъ и Маруся К. считаютъ ее искаженіемъ дѣйствительности, причемъ первый видитъ въ „Москалѣ“ пренебреженіе къ народу, а второй не находитъ даже въ оперѣ Котляревскаго никакой идеи. Трудно опредѣлить степень невѣрности обоихъ этихъ мнѣній, но ужъ, во всякомъ случаѣ, въ искаженіи дѣйствительности можно скорѣе обвинять критиковъ, а не нашего поэта, вторая опера котораго

была совершенно ими не понята. Главный пунктъ обвиненія, имѣющій мѣсто въ нареканіяхъ Кулиша и повторяемый цѣликомъ Марусей К., состоитъ въ томъ, что въ „Москалѣ" является обманутымъ не солдатъ, а чумакъ, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ должно-де было случиться иначе.

Основаніемъ этихъ претензій было то, что чумаки на Украйнѣ являлись самымъ развитымъ классомъ. Какъ-бы ни было справедливо это мнѣніе критиковъ о развитости чумаковъ, во всякомъ случаѣ съ „развитостью" солдата, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ обмана, никакой чумакъ не могъ поспорить. На счетъ всякихъ обмановъ солдаты, какъ извѣстно, всегда были виртуозы, что сознавалъ и нашъ народъ, сложивъ пословицу, гласящую: „зъ москалемъ дружы, а каминь за пазухою держы".

Не мудрено поэтому, что даже наши чумаки постоянно были обманываемы солдатами, что и показываетъ въ своемъ мѣстѣ проф. Петровъ, иллюстрируя это примѣромъ изъ народной поэзіи. Такимъ образомъ самые факты говорятъ противъ обвинителей. Но кромѣ этихъ фактовъ, въ самой пьесѣ имѣются новыя данныя, говорящія въ пользу Котляревскаго. Во первыхъ, на счетъ чего обманываетъ солдатъ чумака? На счетъ „чертовщины", вѣра въ которую глубоко лежитъ и понынѣ. При томъ солдатъ называется колдуномъ,—а вѣдь кто не знаетъ, какое представленіе о всемогуществѣ „характерниковъ" всегда имѣлъ нашъ народъ, у котораго и до сихъ поръ процвѣтаютъ на селахъ всякіе колдуны-знахари обоихъ половъ. Очевидно, что въ дѣлѣ обмана солдатъ ударилъ въ самую слабую точку нашего народа и безусловно могъ разсчитывать на успѣхъ. Во вторыхъ, что очень важно, Чупрунъ, напримѣръ, изображенъ далеко не дуракомъ, какъ это думаетъ отчасти Маруся К., и затѣмъ умъ его обнаруживается совсѣмъ не въ разговорахъ о сенатѣ или министрахъ, а въ томъ, чего не примѣтили суровые критики. Дѣло въ томъ, что и при всемъ своемъ суевѣріи, Чупрунъ проявляетъ скептицизмъ, ибо, принеся изъ-подъ бодни курицу, забываетъ сразу о всякомъ волшебствѣ и, узнавъ въ принесенной „мыскѣ" свою собственную, сразу

обращается къ женѣ, подозрѣвая здѣсь какія-то шашни. Подозрѣнія эти настолько сильны, что замѣчаетъ ихъ даже солдатъ и спѣшитъ скорѣе ихъ потушить. Итакъ, одинъ уже этотъ фактъ показываетъ, что самъ поэтъ смотрѣлъ на Чупруна, какъ на человѣка умнаго. Затѣмъ дальше; солдатъ предлагаетъ Чупруну вызвать чорта, на что тотъ и соглашается, вполнѣ вѣря солдату. Но развѣ въ этомъ обстоятельствѣ есть что-нибудь невѣроятное? Вѣдь Чупрунъ уже такъ выпилъ, что даже распѣлся, а при такихъ условіяхъ онъ могъ выкинуть и бóльшую, съ нашей точки зрѣнія, глупость. Но вѣдь вызовъ солдатомъ чорта кажется глупостью только намъ и отнюдь не казался таковымъ Чупруну, какъ не показался-бы нелѣпымъ и современнымъ апостоламъ спиритизма, медіумизма и всякихъ другихъ родовъ суевѣрія. А обладая, какъ и Чупрунъ, послѣднимъ, да еще подвыпивши, можно увѣровать въ истинность и болѣе колоссальной нелѣпости, чѣмъ предложеніе солдата. Такимъ образомъ, какъ факты народной поэзіи, такъ и анализъ „Москаля" показываютъ, что нареканія на Котляревскаго за искаженіе дѣйствительности неосновательны.

Такимъ-же образомъ совершенно не правы критики, и особенно Маруся К., относительно характера Тетяны. Маруся К. вполнѣ искренно думаетъ въ первомъ своемъ отзывѣ о „Москалѣ", что въ лицѣ Тетяны поэтъ исказилъ типъ украинской честной „жинкы", но это мнѣніе совершенно не вѣрно: критикъ игнорировалъ факты въ пьесѣ, говорящіе противъ его заключенія. Въ самомъ дѣлѣ,—Маруся К. заявляетъ, что никакой Фынтыкъ не осмѣлился бы ловеласничать съ честной украинской „жинкой", такъ какъ послѣдняя сразу-бы показала ему двери. Мысль совершенно вѣрная, но въ отношеніи положеній пьесы Котряревскаго допускающая исключенія. Тетяна—женщина, безъ сомнѣнія, нравственная: въ пьесѣ нѣтъ ни одного ея поступка, свидѣтельствующаго иное. Какъ воспитанная въ честныхъ правилахъ, она и поступила бы такъ, какъ говоритъ критикъ, со всякимъ другимъ ловеласомъ, только не съ Фынтыкомъ. Съ послѣднимъ же она совѣстится поступить грубо

по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, она уважаетъ мать Фынтыка и только въ силу этого спускаетъ ему всѣ навязыванья; во вторыхъ, Фынтыкъ съ ней затѣялъ игру въ любовь только три недѣли назадъ и, въ третьихъ, онъ не позволяетъ въ отношеніи къ ней ни одной цинической выходки и только говоритъ о поцѣлуяхъ. Въ силу всего этого, добродушная Тетяна не отталкиваетъ пока отъ себя непрошеннаго ухаживателя, хотя, судя по ея отношеніямъ къ нему, все равно сдѣлалабы это въ скоромъ времени. Итакъ, указанныя причины, по которымъ Тетяна не рѣшается прогнать отъ себя сына уважаемой ею женщины, въ большой мѣрѣ защищаютъ ее отъ обвиненій въ легкомысленномъ поведеніи. Выясненіе-же отношеній ея къ Фынтыку должно реабилитировать честь Тетяны совершенно. Вынося покамѣстъ навязчивость Фынтыка, Тетяна тѣмъ не менѣе всюду показываетъ свое отрицательное отношеніе къ послѣднему. Она смѣется надъ его манерой пѣть, говоритъ ему много горькихъ словъ за его отношеніе къ матери, въ препираніяхъ Фынтыка съ солдатомъ не упускаетъ случая, вмѣстѣ съ послѣднимъ, показать ничтожество панича и, какъ обнаруживается далѣе, вообще не имѣетъ ничего противъ того, чтобы кто-нибудь проучилъ его по заслугамъ. Правда, въ пьесѣ есть мѣста, какъ бы говорящія противъ Тетяны, но недоумѣніе, ими вызываемое, легко устраняется при большемъ проникновеніи во всѣ вообще дѣла и слова Тетяны. На первый взглядъ, напримѣръ, можетъ показаться страннымъ, что при отрицательномъ отношеніи къ Фынтыку, Тетяна устраиваетъ ему закуску, въ которой однако отказываетъ возвратившемуся мужу. На самомъ же дѣлѣ, здѣсь нѣтъ ничего страннаго. Фынтыкъ не былъ для Тетяны дорогимъ гостемъ и потому тратиться на него послѣдняя отнюдь не имѣла желанія,—доказательствомъ этого служитъ хотя бы то, что оставленный ея мужемъ „спотыкачъ" остался и по возвращеніи его въ цѣлости, чего-бы, конечно, не могло быть при сочувственныхъ отношеніяхъ Тетяны къ Фынтыку. А не желая угощать послѣдняго и до времени не прогоняя его, Тетяна, естественно, предпочитала его затѣи удовле-

творять его же деньгами: вещь вполнѣ обыкновенная. Не удивительно затѣмъ и то, что Тетяна не угощаетъ своего мужа Фынтыковымъ ужиномъ: роскошныя для обыденнаго стола крестьянки кушанья, безъ сомнѣнія, могли вызвать подозрѣнія Чупруна въ томъ, что они приготовлены для кого-то другого. Этого Тетяна очень боялась, тѣмъ болѣе что опасенія ея вскорѣ и оправдались, когда Чупрунъ принесъ въ хату Фынтыковы, добытыя будто-бы волшебствомъ яства.

Мы уже видѣли, что и при наличности волшебства, Чупрунъ все-таки къ упомянутому факту отнесся подозрительно,— но эта подозрительность, при другихъ условіяхъ, выразилась-бы, конечно, для Тетяны не въ особенно мягкой формѣ и могла окончиться побоями. Разумѣется, Тетяна всего этого не хотѣла, не желая страдать невинно. Еще болѣе ясенъ тотъ фактъ, что Тетяна боится, какъ бы не узнали о посѣщеніяхъ ея Фынтыкомъ; причину этого страха она указываетъ сама: ей было-бы очень непріятно, если-бы кто-нибудь, узнавъ объ ухаживаніи за ней Фынтыка, заключилъ отсюда о ея мнимой измѣнѣ мужу. Это опасеніе, конечно, было основательно, и еще болѣе очищаетъ Тетяну отъ всякихъ обвиненій въ легкомысленности, на которую не указываетъ ни одинъ фактъ, находящійся въ самой пьесѣ [1]).

Итакъ, если Чупрунъ и его жена вѣрны психологически, то никакого пренебреженія народомъ, какъ это утверждаетъ Кулишъ, Котляревскій въ изображеніи упомянутыхъ типовъ не обнаружилъ. Послѣднее глубоко народно, и за дѣйствительное представленіе народныхъ недостатковъ поэтъ, разумѣется, порицаться не можетъ. Но и помимо этого, въ пьесѣ Котляревскаго не только нѣтъ пренебреженія къ народу, но, наоборотъ, поэтъ даже подчеркиваетъ достоинство личности украинца, земляки котораго находятся вмѣстѣ съ русскими, и въ сенатѣ и

---

[1]) Упреки Котляревскому, сдѣланные проф. Дашкевичемъ за типъ Тетяны, совершенно сходны съ упреками Маруси К., поэтому возраженія наши послѣдней цѣликомъ относятся и къ первому.

среди министровъ,—какъ это и заявляетъ Мыхайло. Слѣдовательно, и любовь къ народу и довольно вѣрное изображеніе его представителей такъ-же характеризируетъ настоящую оперу Котляревскаго, какъ и остальныя его произведенія. Эти двѣ черты суть вообще основныя черты его творчества, направленнаго на изображеніе національно-народныхъ типовъ. Снявъ, по возможности, съ „Москаля" обвиненія въ ненародности, скажемъ съ своей стороны нѣсколько словъ о художественномъ значеніи пьесы.

Идея этого водевиля-оперы глубоко патріотическая;—она заключается въ осмѣяніи лицъ, вышедшихъ изъ народа и пренебрегающихъ послѣднимъ до цинизма. На этой почвѣ строится вся пьеса Котляревскаго; къ этому-же основному пункту удачно пристегивается и вопросъ о народномъ суевѣріи, картинки котораго разыгрываются въ концѣ пьесы. Не будь основной идеей поэта желаніе осмѣять отторженіе отъ народа и вытекающихъ отсюда аттрибутовъ вродѣ циническихъ воззрѣній антинародныхъ креатуръ на всякую женщину изъ народа, не было-бы и самого водевиля. Женѣ Чупруна некого было-бы прятать отъ своего мужа и солдату не надъ чѣмъ было-бы изощрять солдатское свое остроуміе. Такимъ образомъ ясно, что веселая сцена съ остроумнымъ осмѣяніемъ украинскаго суевѣрія стоитъ въ тѣсной связи съ упомянутой основной идеей пьесы. Въ перспективѣ этой идеи разставлены и дѣйствующія лица, изображенныя въ своихъ поступкахъ очень народно и вѣрно и только въ нѣкоторыхъ разговорахъ ихъ тенденціозно. Центральное мѣсто въ пьесѣ занимаетъ, конечно, Фынтыкъ. Онъ сродни нашему Возному и представляетъ, вѣроятно, образъ послѣдняго въ юности. Фынтыкъ—это распущенное и оторванное отъ своего народа существо. Какъ таковое, это канцелярское отродье пренебрегаетъ и своей не барыней матерью, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не игнорируетъ также не барыни Тетяны, въ лицѣ которой мечтаетъ удовлетворить свои чувственныя поползновенія. —„Шкодлывый, якъ кишка", Фынтыкъ однако труслывъ, какъ заяцъ, и при появленіи мужа Тетяны считаетъ за лучшее

скрыться подъ печку. Ничтожество его обнаруживается еще болѣе, когда солдатъ заставляетъ Фынтыка вылѣзть изъ-подъ печки и предстать предъ лицо мужа его возлюбленной. Напуганный всей компаніей, Фынтыкъ раскаивается въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но, конечно, не искренно: такія распущенныя и не дорожащія своей честью существа нуждаются въ слишкомъ строгой опекѣ, чтобы вести жизнь, соотвѣтствующую ихъ раскаянію. А безъ этой опеки, „Фынтыкы“ оставляютъ свою донжуанскую дѣятельность въ одномъ мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы начать ее въ другомъ. Судя по этимъ чертамъ, типъ Фынтыка изображенъ совершенно вѣрно и согласно тогдашней дѣйствительности.

Канцелярская его рѣчь вполнѣ реальна и вполнѣ соотвѣтствуетъ сатирической цѣли автора, удавшейся въ лицѣ этого типа какъ нельзя лучше. Крупное мѣсто въ пьесѣ занимаетъ также типъ Тетяны, вызвавшій въ свое время не мало порицаній. Какъ мы сказали выше, Тетяна можетъ быть реабилитирована отъ всякихъ нареканій и считаться типомъ положительнымъ. Представляетъ она женщину, безъ сомнѣнія, честную и высоконравственную, не способную поддаться ухаживаньямъ никакого panыча и стойкую до послѣдней степени. На каждомъ шагу она проявляетъ сознаніе своего достоинства и врожденное благородство, культивированное въ нашемъ народѣ вѣками. Въ силу такихъ своихъ качествъ, она мститъ неласковому солдату отказомъ въ ужинѣ и щадитъ бѣднаго Фынтыка, котораго, по ея мнѣнію, мужъ могъ убить, стрѣляя въ цѣль. Въ поступкахъ ея наблюдается затѣмъ нѣкоторая мягкость, особенно въ отношеніи къ Фынтыку, съ которымъ она, не смотря на всю его злонамѣренность, не рѣшается обойтись грубо. Въ большой мѣрѣ обладаетъ она и правдивостью, обнаруживающейся, напримѣръ, въ признаніи мужу. Объ ея умѣ трудно сказать что-нибудь опредѣленное, такъ какъ многія ея рѣчи принадлежатъ самому автору, но проницательность ея выражается хотя-бы въ томъ, что она сразу поняла и оцѣнила Фынтыка по достоинству. Вообще-же этотъ типъ выдержанъ очень умѣло и очерченъ живо и совершенно правильно.

Не такое мѣсто занимаетъ въ пьесѣ Чупрунъ; но и его изображеніе носитъ характеръ большой реальности и жизненности. Главныя черты его—смышленость и суевѣріе, вступающія въ пьесѣ въ коллизію и сливающіяся въ концѣ концовъ въ одну картину суевѣрія, которое поэтъ въ своихъ цѣляхъ и утилизировалъ. Изъ другихъ его чертъ слѣдуетъ отмѣтить разсудительность и сознаніе своего національнаго достоинства, которыя и обнаруживаются въ разговорахъ его съ солдатомъ. Стоитъ также отмѣтить незлобіе, съ которымъ онъ относится къ разсказу жены объ ухаживаньи за ней Фынтыка и затѣмъ къ самому этому ухаживателю. Вообще, типъ Чупруна, какъ и его жены, судя по изображенію ихъ поэтомъ, дѣлаютъ честь украинскому народу—съ одной стороны, и затѣмъ таланту самого изобразителя—съ другой.

Типъ солдата къ украинской средѣ не относится, но при всемъ этомъ, введеніе его въ пьесу Котляревскимъ имѣетъ очень большое значеніе. Дѣло въ томъ, что солдатъ изображается, въ общемъ, вѣрнымъ дѣйствительности и притомъ соотвѣтственно воззрѣніямъ на него народа. Въ силу этого, какъ роль солдата на селѣ, такъ и „иностранное", хотя и ласковое къ нему отношеніе украинскаго народа, представляется намъ въ яркомъ свѣтѣ. Солдатъ изображается шумящимъ и хитрымъ, въ свою очередь и украинцы, въ лицѣ Тетяны, платятъ ему за неласковость тѣмъ-же и только при показанномъ къ нимъ уваженіи со стороны солдата также проявляютъ великодушіе и благородство. Такимъ образомъ, помимо реализаціи главной идеи, пьеса представляетъ еще большой интересъ, какъ гуманная картина конфликта двухъ народностей, изъ которыхъ, по выраженію Тетяны,—„одни дуже шпарки, а други смырни".—Вотъ и всѣ типы этого незамысловатаго водевиля, очерченные довольно живо. Главная мысль произведенія, какъ-то осмѣяніе антинародныхъ „креатуръ", выдержана вообще хорошо и потому даетъ основаніе назвать оперу Котляревскаго довольно художественной. Такой она можетъ считаться и теперь; она была-бы вполнѣ даже художественной, еслибы авторъ не внесъ въ свою пьесу нѣко-

торой тенденціозности, дѣлающей типы до извѣстной степени ненатуральными. Эта тенденціозность, какъ вѣрно отмѣтила и Маруся К., заключается въ несоотвѣтствующихъ развитію дѣйствующихъ лицъ разговорахъ. Какъ примѣръ такихъ бесѣдъ, можно привести моральныя сентенціи Тетяны въ болтовнѣ съ Фынтыкомъ, толки солдата о преимуществахъ военной службы, патріотическія реплики Чупруна о сенатскихъ и министерскихъ землякахъ и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ разговоровъ наводятъ скуку—признакъ неполной художественности оперы. Впрочемъ, всѣ упомянутыя бесѣды ничуть не искажаютъ вообще реальности типовъ, ибо ведутся все таки въ народномъ духѣ; съ другой стороны, если теперь онѣ и производятъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, съ эстетической точки зрѣнія, то въ свое время, какъ указалъ и проф. Дашкевичъ, онѣ были умѣстны. Въ виду этого, при оцѣнкѣ художественнаго значенія „Москаля“ необходимо опредѣлять его, сообразуясь съ эстетическими понятіями того времени; а при такомъ отношеніи къ дѣлу, извѣстная доля художественности должна быть признана за „Москалемъ“ неизбѣжно.

Та-же художественность отражается и въ частностяхъ пьесы,—и прежде всего въ различныхъ сценахъ, которыя и проф. Дашкевичъ признаетъ живыми и бойкими. Изъ такихъ сценъ стоитъ отмѣтить въ первомъ явленіи почти весь діалогъ Тетяны съ Фынтыкомъ; часть разговоровъ Фынтыка съ солдатомъ—во второмъ явленіи; діалогъ Фынтыка съ Тетяной въ третьемъ явленіи; затѣмъ всѣ почти діалоги солдата, Мыхайла и Тетяны до конца пьесы. Изобразительность и веселость этихъ сценъ несомнѣнны, а сатирическое отношеніе поэта къ Фынтыку юмористическую окраску пьесы увеличиваетъ еще болѣе. Изъ числа достоинствъ ея нужно также отмѣтить пѣсни и куплеты автора, рисующіе его симпатичный стихотворный талантъ. Правда, русскіе куплеты и пѣсни „Москаля“ не составляютъ вклада въ украинскую лирическую поэзію, но собственно пѣсни Фынтыка наглядно показываютъ отношеніе поэта къ тогдашнему великорускому творчеству канцелярскаго пошиба. Вмѣстѣ съ тѣмъ интересенъ въ нихъ оттѣнокъ сатиры, на

которую поэтъ не скупился при изображеніи всякихъ чиновниковъ; это обстоятельство опять таки заставляетъ пожалѣть, что изъ Котляревскаго не выработался поэтъ-лирикъ. Къ особенностямъ, какъ украинскихъ, такъ и русскихъ стихотвореній въ оперѣ, слѣдуетъ отнести гладкій ихъ стихъ, которымъ поэтъ владѣлъ вообще хорошо. При изученіи пьесы, останавливаетъ также вниманіе украинская рѣчь Мыхайла и Тетяны, очень красивая и вполнѣ народная. Впечатлѣніе, получаемое отъ нея, затемняется нѣсколько языковымъ дуализмомъ пьесы, но и при всемъ этомъ, достоинства украинской ея рѣчи остаются, конечно, попрежнему значительными. Рѣчь эта отрывиста, развязна и совершенно подходитъ къ общему тону пьесы, носящей характеръ водевиля. Вотъ такимъ образомъ и всѣ достоинства и недостатки „Москаля-Чаривныка", какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ. Данная пьеса признается почти всѣми изслѣдователями ниже „Наталки-Полтавки", и такое заключеніе о ней кажется намъ вѣрнымъ. Реальность типовъ „Наталки" почти, такъ сказать, идеальна. Нѣкоторыя скользкія мѣста въ ней, происходящія отъ необработанности таланта, все таки объясняются въ пользу Котляревскаго; а все прочее въ пьесѣ дѣлаетъ „Наталку" по художественному значенію высокой. Наоборотъ, реальные въ общемъ типы „Москаля-Ч.", въ силу оправдываемой, положимъ, тенденціозности поэта, страдаютъ нѣкоторой ненатуральностью, и только потому, что послѣдняя относится не къ акціи пьесы, а къ ея діалогамъ,—данную оперу все-таки можно признать художественной. Лишенная и этихъ недостатковъ, „Наталка-Полтавка", очевидно, должна стать выше „Москаля-Чаривныка".

Послѣ всего вышесказаннаго, мы можемъ нарисовать полную картину, какъ сущности, такъ и художественнаго значенія всего творчества Котляревскаго, равно какъ и оцѣнить смыслъ и справедливость произнесенныхъ надъ нимъ приговоровъ. Мы нашли, что его произведенія глубоко-народны: въ нихъ или непосредственно дѣйствуетъ самъ народъ, или, какъ въ Энеидѣ, отъ лица разныхъ, ненаціональныхъ по имени, типовъ ведутся

разговоры или чисто-народные, или составленные въ народномъ духѣ. Будучи народными, произведенія Котляревскаго затрагиваютъ болѣе или менѣе всю національную жизнь и представляютъ потому широкую картину ея въ благородномъ освѣщеніи автора. Въ этой картинѣ запечатлѣны воззрѣнія тогдашней эпохи въ лицѣ различныхъ соціальныхъ группъ, относительно которыхъ поэтъ занимаетъ весьма опредѣленное положеніе. Какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, онъ во многихъ отношеніяхъ становится выше своего вѣка и высказываетъ подчасъ мысли, не старыя и теперь. Вообще-же изображенію дѣйствительности Котляревскій вѣренъ всегда.

Такимъ образомъ въ вопросѣ о народности его произведеній новѣйшая критика можетъ вполнѣ сойтись съ прежней, признавшей эту особенность безусловно. Мнѣнія порицателей Котляревскаго въ данномъ случаѣ въ счетъ идти не могутъ, такъ какъ главный изъ нихъ, Кулишъ, отъ перваго своего мнѣнія, можно считать, отказался. Тѣмъ самымъ отвергаются и мнѣнія его послѣдователей, вродѣ г.г. Маруси К. и Онишкевича, изъ которыхъ первая опять таки высказала мнѣніе 1881 года [1]), не похожее совсѣмъ на первое свое сужденіе о поэтѣ—1865 года. Послѣ достоинства народности, за произведеніями Котляревскаго слѣдуетъ еще признать художественное воспроизведеніе отдѣльныхъ сценъ, отмѣченныхъ нерѣдко изобиліемъ юмора,—на что опять таки указала старая критика въ лицѣ, напримѣръ, Костомарова и С. Каминскаго, совпадающая съ новой критикой въ лицѣ г.г. Минскаго и Онишкевича и профессоровъ: Петрова, Огоновскаго и Дашкевича. Юморъ Котляревскаго, съ нѣкоторыми оговорками, признается даже въ первомъ отзывѣ Кулиша. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить довольно изящный стихъ его произведеній и хорошую украинскую рѣчь. Достоинства стиха, напримѣръ, Энеиды признаются безъ исключенія и старыми и новыми критиками, начиная съ Костомарова и кончая проф. Дашкевичемъ; красота-же и выразительность рѣчи его произведеній признается также и теперь, какъ прежде,

---

[1]) Подъ псевдонимомъ „Кошовый“. Совітъ. 1881 р.

только съ нѣкоторой оговоркой. Проф. Дашкевичъ, напримѣръ, компетентный изслѣдователь поэзіи Котляревскаго, признавая красоты украинской рѣчи Энеиды, находитъ въ ней не мало грубости. Мы съ нимъ согласны и думаемъ, что его мнѣніе самое вѣрное.

Такимъ образомъ, подводя итогъ изслѣдованію поэзіи Котляревскаго, мы должны признать за ней художественность и въ частности народность. Дѣлая-же выводъ о сужденіяхъ всей критики по поводу этой поэзіи, мы должны сказать, что достоинства послѣдней, какъ и недостатки, вѣрно оцѣнила еще старая критика,—въ лицѣ Срезневскаго, С. Каминскаго, Костомарова, Евецкаго и т. д., и эта критика, подтвержденная новѣйшими изслѣдователями, проф. Петровымъ, г. Минскимъ и проф. Дашкевичемъ, должна поэтому пріобрѣсть особенное значеніе. Изъ такой заслуги старыхъ критиковъ отнюдь однако не вытекаетъ, чтобы выводы новой критики о Котляревскомъ не имѣли значенія,—наоборотъ, послѣднее очень велико. Новая критика, какъ мы сказали, во первыхъ, подтвердила старыя сужденія о нашемъ поэтѣ; а во вторыхъ, показала неосновательность воззрѣній на данный предметъ изслѣдователей, вродѣ Кулиша. Въ этомъ ея глубокая заслуга, которая увеличивается еще тѣмъ, что новая критика, въ особенности въ лицѣ г. Минскаго и проф. Дашкевича, старалась раскрывать сущность и значеніе поэзіи Котляревскаго, приводя различныя доказательства,—а старая выражала хотя и правильныя мнѣнія о послѣднемъ, но все-таки въ видѣ бездоказательныхъ сужденій.—Такъ что критикой, въ сущности, можно назвать только новѣйшія изысканія о Котляревскомъ; прежнія-же сужденія о немъ, въ большинствѣ случаевъ, являются только отзывами. Вотъ и все о критикахъ нашего поэта, почти единогласно отмѣчавшихъ въ поэзіи Котляревскаго различныя достоинства художественности. Но значеніе его поэзіи, какъ ряда художественныхъ созданій, есть только часть ея значенія вообще. Эта поэзія важна и въ другихъ отношеніяхъ, о которыхъ мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ.

И. Стешенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Г. П. Галагана къ Н. Д. Бѣлозерскому [1]). М. Г. П. Д.! Съ письмомъ вашимъ передъ глазами буду отвѣчать вамъ, чтобы не пропустить ни одного обстоятельства. Прежде всего о лѣченіи молокомъ. Дѣйствительно, Ник. Андр. Маркевичъ [2]), приговоренный къ смерти и весь уже налитый водою, которая не давала ему ни дышать, ни лечь въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, въ глазахъ моихъ началъ лѣченіе молокомъ и на третій день дышалъ свободно, а черезъ двѣ недѣли былъ здоровъ. Теперь онъ другой человѣкъ, все въ немъ обновилось, онъ не толстъ, а худъ и здоровъ... Читалъ о трудахъ Пант. Алекс. Кулиша. Душа радуется. Только я думаю, что въ настоящее время надобно выждать,—не будетъ ли чего новаго утѣшительнаго въ цензурѣ; иные люди надѣются; осуществятся ли эти надежды...

О Николаѣ Михайловичѣ [3]) я, будучи въ Черниговѣ, и безъ вашего извѣщенія, самъ узнавши объ этомъ, хлопоталъ предъ губернаторомъ и взялъ съ него обѣщаніе, что онъ удержитъ его въ редакціи и не дастъ въ обиду Компанейщикову [4]). Я за этимъ буду слѣдить. Надобно ему непремѣнно быть редакторомъ.

---

[1]) *Николай Даниловичъ Бѣлозерскій* († 1879 г.) богатый Борзенско—Конотопскій помѣщикъ, былъ извѣстенъ своею любовью къ литературѣ и къ малорусской старинѣ; онъ помогалъ матеріально Кулишу въ его изданіяхъ.—Письмо печатается съ сокращеніями.

[2]) Авторъ „Исторіи Малороссіи".

[3]) Бѣлозерскомъ († 1896 г.), издателѣ „Южно-русскихъ лѣтописей".

[4]) Н. М. Б—ій бывъ въ это время помощникомъ редактора черниг. губ. вѣдомостей. Компанейщиковъ—тогдашній черниговскій вице-губернаторъ.

Третій томъ Велички въ печати и обѣщаютъ его скорое появленіе. Тогда вмѣстѣ съ Грабянкой я ихъ пришлю вамъ. Записки Погодина я далъ переписывать Блохину и перешлю вамъ по вашему желанію. Николая Аркадьевича (Кочубея) въ Кіевѣ нѣтъ и сколько я знаю, то у него нѣтъ полнаго бродяги Аксакова, не Константина, а Ивана... На миръ опять стало мало похоже, и война можетъ быть страшная. Что же дѣлать, видно безъ этого условія не могутъ рѣшаться вопросы и не можетъ подвинуться впередъ человѣчество.

Глубоко васъ уважающій и преданный вамъ Г. Галаганъ.

Кіевъ. 17 марта 1855 г.

Предки П. А. Кулиша. Въ одномъ изъ писемъ къ С. Д. Носу П. А. Кулишъ жалуется, что онъ не былъ допущенъ къ слушанію лекцій въ Кіевскомъ университетѣ будто бы потому, что не могъ представить „дворянскаго протокола на свое, а не на панотцеве имя", прибавляя къ этому, что его «панотецъ зиставсь десятолиткомъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты герольдію» [1]), т. е. потому де и не могъ добиться въ герольдіи утвержденія въ дворянствѣ. Но дѣло въ томъ, что предки П. А. К—ша носили настолько не важные чины, что потомки ихъ въ дворянство не могли попасть, хотя объ этомъ и очень заботились. Дворянства этого предки Кулиша усиленно искали, наравнѣ со всѣми своими современниками и въ слѣдахъ своихъ поисковъ оставили намъ кое какія о себѣ свѣдѣнія, нелишенныя историческаго интереса. Полагая, что происхожденіе того или другого выдающагося въ сферѣ общественной дѣятельности человѣка можетъ имѣть значеніе, сообщаемъ здѣсь коротенькія свѣдѣнія о предкахъ неутомимаго изслѣдователя бытовой исторіи малорусскаго народа. Кулишъ былъ родомъ изъ глуховского мѣстечка Воронежа, гдѣ его предки изстари жили въ ряду мѣстныхъ козаковъ. Извѣстность этихъ предковъ, по бумагамъ, достигаетъ 1710 года. Послѣ изданія въ 1785 году дворянской грамоты, дававшей возможность и самой меньшей козацкой старшинѣ записаться въ дворянскіе списки и стать такимъ образомъ въ привилегированное положеніе относительно рядоваго козачества, всѣ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1897 г., май, стр. 295.

значковые и войсковые товарищи, сотенные писари, есаулы, хорунжіе—всѣ бросились искать дворянства [1]). А для этого, всѣ эти *полупанки* начали искать по разнымъ домашнимъ *схованкамъ* всяческихъ «шпаргаловъ», въ которыхъ только упоминался какой нибудь чинъ какого нибудь предка. Съ этою же цѣлію сталъ розыскивать свои дукументы и братъ дѣда П. А. Кулиша—Яковъ Ивановичъ *Кулѣшъ*, уволенный въ 1781 г. отъ службы, по болѣзни, съ чиномъ сотеннаго атамана. Но документовъ найдено было имъ немного,—всего два. Первый изъ нихъ, относящійся къ 1710 г., заключаетъ въ себѣ «заставное» обязательство «воронежскаго жителя» Ивана Бесовца войсковому товарищу Михайлу Кулѣшенку, по которому за долгъ «въ сорокъ талеровъ и одну копу» Бесовецъ отдаетъ Кулѣшенку въ «арештъ» на одинъ годъ «дворъ свой власный» и «всю свою худобу» (земельную), съ условіемъ, что если онъ, Бесовецъ, долга своего въ годовой срокъ не заплатитъ, то вся эта худоба поступаетъ въ собственность Кулѣшенку. Другой документъ представляетъ собою «объявленіе генеральной канцеляріи нѣжинскому полковнику и его старшинѣ 1759 г., о томъ, что за увольненіемъ отъ должности воронежскаго атамана Семена Торкуши за его «непорядочество» (по представленію сотника Холодовича), на мѣсто его воронежская старшина, куренные атаманы и козаки избрали «атамана надъ выборными той сотни воронежской козаками Ивана Кулѣша», и что выборъ этотъ генер. канцеляріей утвержденъ. За симъ самъ Яковъ Кулешъ имѣлъ у себя указъ нѣжинской полковой канцеляріи объ отставкѣ, выданной ему въ 1781 г.; въ указѣ этомъ значится, что воронежскій куренный атаманъ Яковъ Кулѣшъ «представилъ, что отецъ его, Кулѣша, атаманъ сотенный воронежскій Иванъ Кулѣшъ, чрезъ многіе годы будучи въ той должности, продолжалъ службу безпорочно по смерть свою, а по смерти его, братъ его, атамана, старшій Демьянъ Кулѣшъ служилъ съ нераздѣльныхъ съ нимъ добръ, куреннымъ воронежскимъ атаманомъ и въ томъ званіи умре; онъ же атаманъ Яковъ Кулѣшъ находился первѣе у письменныхъ де сотенной воронежской канцеляріи дѣлъ, а потомъ въ 1773 г. опредѣленъ отъ сотенной воронежской канцеляріи куреннымъ воронежскимъ атаманомъ»; съ этой должности Яковъ Кулѣшъ просилъ увольненія за болѣзнію, причемъ

---

[1]) См. монографію Д. П. Миллера О *малорусскомъ дворянствѣ* и наши *замѣчанія* на эту монографію.

полковая канцелярія, имѣя въ виду безпорочную службу Як. Кулѣша, наградила его «въ абшитъ чиномъ сотеннаго старшины».

Такимъ образомъ, отсюда видно, что первый извѣстный предокъ П. А. Кулиша былъ войсковой товарищъ Михайло Кулѣшенко; у этого Михайла было два сына: Демянъ и Иванъ, занимавшіе послѣдовательно уряды воронежскихъ куренныхъ атамановъ, при чемъ старшій братъ сталъ куреннымъ атаманомъ уже по смерти младшаго. У Ивана Михайловича Кулѣша было также два сына: Яковъ и Андрей; первый, какъ мы видѣли, получилъ при отставкѣ чинъ сотеннаго атамана, а Андрей (дѣдъ П. А. К—ша), какъ значится въ родословной, «безъ чина умре», изъ чего видно, что онъ изъ рядовыхъ козаковъ не выходилъ. Вотъ съ этими «доказательствами» Яковъ К—шъ и обратился въ Новгородсѣверское депутатское собраніе съ просьбою объ утвержденіи его съ братомъ Андреемъ въ дворянствѣ. Просьба Кулишей была уважена, какъ видно изъ слѣдующаго постановленія депутатскаго собранія:

«По указу ея и. величества, новгородскаго намѣстничества губернскій предводитель дворянства и уѣздные дворянскіе депутаты разсматривали списокъ съ доказательствами о благородствѣ атамана сотеннаго Якова и брата его Андрея Ивановыхъ сыновъ Кулѣшевъ (sic), изъ которыхъ, какъ по списку значится, Яковъ 34 лѣтъ..... Андрій 27 лѣтъ, женатъ на дочери значк. тов. Григорія Латыша Ефиміи, имѣетъ сыновей Александра 5-ти и Романа 3-хъ лѣтъ; по послѣдней 1782 года ревизіи записанныхъ за ними муж. п.—5 и женск.—7 душъ состоитъ наслѣдственныхъ, Кролевецкаго уѣзда, въ мѣст. Воронежѣ, живутъ въ Воронежѣ. Изъ нихъ Яковъ чинъ имѣетъ атамана сотеннаго въ отставкѣ, а Андрей чина не имѣетъ. О предкахъ же своихъ показали, что прадѣдъ былъ войск. товарищемъ, дѣдъ Демьянъ [1]) козакомъ, а отецъ Иванъ Кулѣшъ атаманомъ сотеннымъ воронежскимъ, въ доказательство чего представилъ (названы указанные документы 1710 и 1759 г.г.) да свидѣтельство отъ 12-ти человѣкъ дворянъ 1784 г., показывающихъ, что прадѣдъ ихъ Михайло былъ войск. товарищемъ, дѣдъ Демьянъ козакомъ, а отецъ атаманомъ сотеннымъ и, отправляя военную службу, вели жизнь благородную, сходственную съ дворянскимъ, что все, по силѣ грамоты о дворянствѣ 92-й ст., 11 и 12 отдѣленій, на дворянское ихъ Ку-

[1]) Какъ видно изъ представленныхъ Кулишами документовъ, Демьянъ Кулишъ былъ не дѣдомъ, а дядею (братомъ отца) Якова Кулиша.

лѣшевъ достоинство признается неопровержимымъ доказательствомъ и какъ притомъ чинъ войск. товарища, въ коемъ прадѣдъ ихъ состоялъ, есть военный оберъ-офицерскій, а оберъ-офицеры и ихъ дѣти, и ихъ потомки по указу государя императора Петра I-го, 1721 г., генваря 16-го состоявшемуся, хотябы и не изъ дворянства, суть дворяне. Для того губернскій предводитель дворянства и уѣздные дворянскіе депутаты, признавая ихъ, показателей, происходящими отъ помянутаго предка ихъ, отправлявшаго въ разсужденіи чина его дворянскую службу, единогласно приговорили: по содержанію 78-й статьи оной же грамоты о дворянствѣ, внесть ихъ: Якова и Андрея Ивановыхъ сыновъ господъ Кулѣшовъ съ потомствомъ ихъ во 2-ю часть дворянской родословной книги сего намѣстничества и о томъ, въ согласіе 85-й статьи выдать имъ грамоту. Это постановленіе однакожъ не было утверждено герольдіей, которая не имѣла основаній признать чинъ войсковаго товарища за «оберъ-офицерскій», и Кулиши могли впослѣдствіи считаться лишь личными дворянами да и то, согласно закону, при наличности у каждаго лица хотя перваго изъ табели о рангахъ чина. Но отецъ П. А. Кулиша, Александръ (род. 1781 г.) въ оффиціальныхъ бумагахъ называетъ себя «дворяниномъ безъ чина». У Ал. Андр. Кулѣша было два сына: Николай, родившійся въ 1803 г., отъ первой жены Марьи, и Пантелеймонъ, родившійся въ Воронежѣ, 1819 г. 26 іюля, отъ второй жены Катерины Ивановны.

Приведенные документы если не доказываютъ дворянства П. А. Кулиша, то во всякомъ случаѣ установляютъ исконную связь его съ тѣмъ народомъ, надъ изученіемъ котораго Кулишъ такъ много и такъ разнообразно потрудился.

А. Л.

Побережье Подоліи [1]). Днѣстровское побережье Подоліи, нося вообще своеобразный географическій характеръ въ извѣстной части своей, довольно рѣзко отличается также своими этнографическими и культурными особенностями. Житель такого «побережья» (мѣстный народный терминъ) на извѣстномъ разстояніи отъ берега прямо на-

---

[1]) Перепечатываемъ этотъ интересный очеркъ изъ Новороссійск. Телегр. за настоящій годъ, № 7518, 4-го іюля.

зывается «молдованомъ», самъ же онъ съ своей стороны выдѣляетъ себя какъ отъ собственно молдаванъ и румынъ Бессарабіи (мѣстн. «молдова»), такъ и отъ остальныхъ подолянъ, называя ихъ «руснаками» («Русчина»). Изъ этого видно, что, такъ называемое, побережье въ этнографическомъ и культурномъ смыслѣ, какъ мѣсто соприкосновенія двухъ чуждыхъ расъ—славянской и романской,—отличается переходнымъ, смѣшаннымъ характеромъ, съ весьма замѣтнымъ молдавскимъ вліяніемъ. Но въ чемъ именно состоятъ эти особенности побережья, въ чемъ и какъ выразилось въ немъ молдавское вліяніе, какія историческія условія благопріятствовали усиленію послѣдняго,—на всѣ эти небезынтересные вопросы попытаемся дать отвѣтъ въ предлагаемомъ краткомъ очеркѣ [2]).

Остановимъ наше вниманіе на одной характерной мѣстности побережья, какою можетъ считаться село Великая Косница на Днѣстрѣ, верстахъ въ 20 къ югу отъ уѣзднаго г. Ямполя, въ настоящее время насчитывающее, вѣроятно, около 5 т. жителей.

Общій географическій характеръ мѣстности опредѣляютъ уже одни названья мѣстныхъ урочищъ—«крутая», «кривая», «стѣнка» «мѣловина», «голобережье», «локоть» и т. п. названья, въ согласованіи которыхъ большею частью подразумѣвается слово «гора». Эти горы, собственно возвышенныя плоскости, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорѣзаны глубокими, дикими ярами (оврагами) и лощинами («глубочокъ»), заросшими низкорослымъ дубомъ и орѣшникомъ; склоны (мѣстн. «обоча»), нынѣ большею частью обнаженные, въ старину были покрыты густымъ лѣсомъ, какъ объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ названья урочищъ Ясенова, Тернова и друг. Въ

---

[1]) Собственно „побережьемъ", по опредѣленію П. П. Чубинскаго, называется мѣстность, заключающаяся между рр. Мурафою, Кодымою, Бугомъ и Днѣстромъ (Труды этн.-стат. эксп. въ ю.-зап. край, т. VII, 481. Спб. 1877), т. е. въ ямпольскомъ, ольгопольскомъ и отчасти въ балтскомъ уѣздахъ Подольской губ. Но, какъ извѣстно, уже у водораздѣла р. Буга начинаются чисто малорусскія поселенія,—съ другой стороны, въ это опредѣленіе не входитъ клинъ балтскаго уѣзда, между рр. Днѣстромъ и Ягорлыкомъ, гдѣ исключительно румынскій языкъ (?). Пишущему извѣстна группа слѣдующихъ побережныхъ поселеній: по р. Днѣстру—В. Косница, Грушка, Кузьминъ, Каменка, Подойма, Рашковъ; по р. Марковкѣ и ея притокамъ—Кетросы, Вербно-Валорашская, Дмугостра, Ольшанка побережная, Ялапецъ, Качновка; по р. Русовѣ—Писаревка-Волошская, Клембовка; по р. Каменкѣ—Димитрашковка, Кукулы, Требусовка, Окница.

этихъ лѣсахъ и оврагахъ, съ встрѣчающимися въ нихъ мѣловыми пещерами, кромѣ множества волковъ («звiри»), водились, такъ называемые, «полозы»—большія змѣи, которыя, по разсказамъ старожиловъ, нападали на скотъ и на людей. На широкихъ заливныхъ долинахъ («левада»), раздѣляющихъ горы, и на поляхъ расли высокія травы. Здѣсь находили для себя приволье табуны одичалыхъ лошадей, стада рогатаго скота и овецъ,—кромѣ того, въ лѣсахъ, садахъ (уроч. «Яблушна») и на хуторахъ (мѣстн. «одая») содержались большія пасѣки пчелъ [1]). Наконецъ, берега рѣчекъ Марковки и ея притока Ольшанки (мѣстн. «Саза») были покрыты густымъ, высокимъ камышомъ, вербами и лозами, а «въ Сази», между прочимъ, ловилось много щукъ...

Таковы вкратцѣ историко-географическія черты занимающей насъ мѣстности, граница которой простирается до 10 верстъ отъ берега Днѣстра.

Переходя затѣмъ къ вопросу о заселеніи, между прочимъ, замѣтимъ, что вообще нѣтъ основанія ограничивать давность заселенія данной мѣстности: вблизи большой пещеры, что въ Ясеновой (печера), на берегу Днѣстра были найдены кремневыя орудія каменнаго вѣка [2])... Но, не погружаясь въ доисторическую даль, на основаніи чисто русскихъ названій почти всѣхъ мѣстныхъ урочищъ, съ достовѣрностью можно сказать, что первоначальное населеніе мѣстности было русское. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также и самое названіе села—«Косница»,—происшедшее, вѣроятно, отъ расположенія первыхъ поселенцевъ по рѣчной косѣ, оканчивающейся далѣе, такъ-называемымъ, «мысомъ». Къ этому можно прибавить, судя по нѣсколько глухому характеру мѣстности, что первоначальное населеніе ея было немногочисленно.

Существующее дѣленіе села на части, или, такъ-называемые, «магалы» (турецкое слово, означающее часть, кварталъ), даетъ возможность нѣсколько болѣе оріентироваться въ занимающемъ насъ вопросѣ. Изъ этого дѣленія и сохранившихся названій отдѣльныхъ

---

[1]) Такія черты, кромѣ преданій, выступаютъ и въ мѣстныхъ *колядкахъ* и *щедривкахъ* при изображеніи „господаря“, т. е. хозяина.

[2]) *В. Б. Антоновичъ.* Изслѣдов. скальныхъ пещеръ по берегамъ Днѣстра и его притоковъ (см. рефератъ, читанный въ засѣданіи VI археол. съѣзда въ Одессѣ).

частей видно, что и самое заселеніе мѣстности происходило постепенно, по частямъ, причемъ заселеніе лѣвой стороны *«рѣчки»* (такъ обыкновенно называется попросту р. Марковка) совершилось значительно ранѣе правой стороны ея. Такъ, на лѣвой сторонѣ рѣчки находится часть села, которая доселѣ называется «Старе мисто», т. е. старое мѣстечко; о времени основанія его не сохранилось никакихъ извѣстій; тамъ указываютъ только старое кладбище (такъ называемый «Старый цвынтарь») и слѣды фундамента старой церкви... За болѣе обстоятельнымъ выясненіемъ этого вопроса обратимся къ мѣстнымъ преданіямъ.

Въ нихъ твердо сохранилась память о Старой церкви (Успенской): по однимъ разсказамъ она была разрушена страшнымъ наводненіемъ, а по другимъ—сожжена во время набѣга турокъ. Послѣднее преданіе въ общемъ совпадаетъ съ вполнѣ опредѣленнымъ извѣстіемъ, по которому турки, въ началѣ іюня 1674 г., перейдя Днѣстръ у г. Сороки, взяли городокъ Костницу и истребили тамъ всѣхъ жителей [1]), или-же, какъ добавляетъ мѣстное преданіе, народъ частью былъ взятъ въ полонъ, частью разбѣжался, и село опустѣло. Только спустя нѣкоторое время послѣ этого событія, обезлюдѣвшая мѣстность начинаетъ постепенно заселяться вновь.

На лѣвой-же сторонѣ рѣчки, вблизи стараго пепелища, находится часть Вурсуливки, болѣе позднее основаніе которой видно изъ сохранившихся о немъ нѣкоторыхъ подробностей: по преданію, часть эта была основана фамиліей Вурсулъ (или Урсолъ), выходцами изъ Молдовы (Бессарабіи), по занятію чабанами или пастухами, которые выжгли камышъ, покрывавшій берега рѣчки, и поселились здѣсь. Отсюда видно, что во время этого новаго заселенія, въ нашей мѣстности впервые цѣлою группою (фамиліей) поселяются молдаване· придавшіе и самому названію села молдавскій оттѣнокъ: «Кошница»,—плетеніе изъ прутьевъ, корзина Тогда же стала заселяться и сосѣдняя часть—«Цымбаливка», названіе которой могло произойти отъ того, что здѣсь, вѣроятно, поселились малороссы, у которыхъ «цымбалы» (kymballon)—самый распространенный народный инструментъ, притомъ вовсе неизвѣстный у молдаванъ. Кромѣ призывовъ жить «на слободѣ», т. е. на льготныхъ условіяхъ, малорусскихъ поселенцевъ могли привлекать сюда и географическія особенности

[1]) *Костомаровъ.* Руина, стр. 475. СПб.—М. 1882.

мѣстности, представляющей удобства для укрывательства: такъ, сосѣдній Джулынскій яръ, по разсказамъ, получилъ свое названіе оттого, что въ немъ укрывались отъ турокъ люди изъ Джулина (вѣроятно, Джурина) О такомъ смѣшанномъ составѣ населенія свидѣтельствуютъ также фамиліи мѣстныхъ старожиловъ («осадчихъ»), въ числѣ которыхъ встрѣчаются и такія извѣстныя въ исторіи Поднѣстровья малорусскія фамиліи, какъ Наливайко, Гоголь, Кифа, Медвѣдь, и друг. Вотъ съ какого собственно времени усиливается молдавскій элементъ въ данной мѣстности, какъ и вообще въ Побережьи [5]).

Но и болѣе распространенное преданіе о разрушеніи старой Успенской церкви наводненіемъ (мѣстное преданіе знаетъ собственно старую церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, день котораго доселѣ почитается, какъ храмовой праздникъ) глубоко достовѣрно. Именно, наводненіе могло послужить мотивомъ не только къ перенесенію церкви на незатопляемое возвышенное мѣсто правой стороны рѣчки, но и къ самому переименованію церкви во имя св. Николая Чудотворца—покровителя на водахъ... Какъ-бы то ни было, но уже ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ извѣстнаго нападенія турокъ, какъ видно изъ надписи на церковномъ колоколѣ—«1774 Anno Domini»..,—на правой сторонѣ находилась небольшая деревянная церковь («зрубъ, якъ хата») во имя св. Николая. Съ этого времени заселеніе правой стороны рѣчки и дальнѣйшая судьба населенія отмѣчаются уже болѣе или менѣе опредѣленными датами. Возлѣ церкви постепенно возникаетъ «Нове Мисто», т. е. Новое Мѣстечко, до сихъ поръ не получившее оффиціальнаго признанія и населенное частью евреями, которые имѣютъ здѣсь и свое старое кладбище, и синагогу. Вблизи мѣстечка, на берегу Днѣстра находятся, такъ называемыя, «бурты» или «замокъ»—слѣды земляного укрѣпленія, по преданію, построеннаго поляками (еще «за Польщи»), съ цѣлью помѣшать переправѣ русскаго войска,—вѣроятно, во время извѣстной барской конфедераціи и одновременной съ нею турецкой войны (нужно думать, что съ этого времени получила свое названіе и, такъ называемая, «Козацка дорога»)...

Вообще память о набѣгахъ турокъ и татаръ («разгоненія»), объ уводѣ ими жителей въ неволю, «полонъ»—стоитъ во главѣ

---

[1]) *Батюшковъ.* Подолія, стр. 147 и друг. Спб. 1891 г.

мѣстныхъ преданій того періода. Память объ этихъ набѣгахъ связана и съ такъ называемыми «могилами» (курганами), которыя десятками возвышаются на мѣстныхъ поляхъ и, по преданію служили сторожевыми пунктами для наблюденія за движеніемъ турокъ и особенно татаръ. Даже млечный путь называется «дорогою у туречину». Точно также частыя въ старину и опустошительныя наводненія («потопы») могли способствовать возникновенію мѣстнаго повѣрья, по которому «Нистеръ не руше, покы живои души не озме», т. е. Днѣстръ не вскроется безъ человѣческой жертвы. Особое представленіе могла вызывать здѣсь и мѣстная поговорка: «Де вода була, тамъ и прибуде»...

Съ присоединеніемъ Подоліи къ Россіи (въ 1793 г.), наша мѣстность успокаивается, и населеніе въ ней довольно быстро выростаетъ. Въ 1815 г., вмѣсто и подлѣ старой церкви, построена новая, каменная церковь, во имя св. Николая. Около того-же времени «казенное» селеніе Косница, принадлежавшее «Цекиновскому повѣту», было пожаловано въ 50-лѣтнее владѣніе кн. Ипсиланти,—это-то время («за князивъ») и сохранилось въ народной памяти, какъ время «панщины», отъ котораго осталась пословица: «До пана хвалятся два, а видъ пана—одинъ»... Населеніе продолжаетъ пополняться бѣглецами и выходцами изъ разныхъ мѣстъ Подоліи, на которыя указываютъ иногда самыя фамиліи или «призвыска» (прозванія), какъ напр., «Высланецъ», «Закардонскій», «Рашкованъ», «Подлѣсовскій», «Цекиновкеръ» и т. п. Къ названію села Косница дѣлается прибавка «великая», (вѣроятно, въ отличіе отъ Малой Косницы, у верховьевъ р. Марковки): уже въ 1849 г. въ ней числится до 2 тыс. жителей, въ томъ числѣ 120 евреевъ. Наконецъ послѣ «люстраціи» 1861 г., стала заселяться и послѣдняя часть, такъ называемая «Нове село».

Изъ событій этого послѣдняго періода, кромѣ различныхъ физич. бѣдствій,—какъ-то сильнаго наводненія отъ грозы, во время котораго одна женщина спаслась на такъ называемыхъ «островкахъ», засуха, саранча («сарана»),—сохраняется память о первой холерной эпидеміи въ Россіи. На памятникахъ стараго кладбища есть въ родѣ слѣдующей надписи: «1831 г., умеръ на холерію», отчего и самое кладбище называется также холернымъ.

Таковы вкратцѣ историческія судьбы описываемой мѣстности, причемъ опустошенія ея отъ турокъ и послѣдовавшій съ конца 17 в

приливъ молдавскаго элемента, какъ мы видѣли, являются чертами общими для всего Побережья. Къ этому надо добавить, что районъ мѣстныхъ сношеній сосредоточивался, главнымъ образомъ, въ такъ называемой Молдовѣ (Бессарабіи), гдѣ находили себѣ удовлетвореніе не только матеріальныя (чумачество, ярмарка въ Сорокахъ), но и нравственныя потребности мѣстнаго населенія, какъ напримѣръ, посѣщеніе бессарабскихъ монастырей и т. п.

Соотвѣтствено представленнымъ выше историческимъ условіямъ, и мѣстная культура (славянская, въ своей основѣ) носитъ на себѣ болѣе или менѣе значительные слѣды молдавскаго вліянія, замѣтнаго во всѣхъ сторонахъ домашняго быта.

Это молдавское вліяніе бросается уже въ глаза во внутренней обстановкѣ мѣстной хаты, неизмѣнно обращенной къ югу, устланной, завѣшенной разнаго рода коврами—«келимъ», «палатари»,—въ орнаментѣ которыхъ преобладаютъ любимые цвѣта молдаванъ—черный и желтый.

Въ народной одеждѣ обыкновенно характерны длиннополая мужская сорочка на выпускъ съ широкими, косыми рукавами,—чисто молдавская «манта»—епанча, затѣмъ «нафрама"—повязка въ видѣ полотенца, «гицы», или кнха—головной уборъ, украшенный турецкою мелкою монетою (пари), также, такъ назыв. «кабаныца» греч. kaƀadion?)—бурнусъ на мѣху изъ бѣлыхъ барашковъ, который, обыкновенно, носятъ со спущеннымъ лѣвымъ рукавомъ; дѣвушки непремѣнно покрываютъ голову платкомъ («шаликъ»), а мѣстныя богачки въ изобиліи носятъ на шеѣ серебряные рубли и другія украшенія (отсюда поговорка: «молдованы дукачи»)...

Только немногіе оставшіеся еще въ живыхъ старики понимаютъ «по волоски», но вліяніе этого языка отразилось въ цѣлой группѣ чисто молдавскихъ словъ, конечно, въ мѣстной передѣлкѣ. Таковы нѣкоторыя слова для выраженія понятій родства— «бунулъ», «мошулъ», «невотъ», «матуша»; —названія нѣкоторыхъ предметовъ домашняго быта, домашнихъ животныхъ— «фурка» —прялка, «шипокъ» —бутылка, «малай», «кассоя»—комора, «сусуякъ», «жвря»,—собака, «гарамы»—волы;— общеупотребительныя восклицанія— «бре», «брей», «мой», «вальліо», «сарака» (несчастный), частица «май», для выраженія сравнительной степени («май добрый»), и другія слова, получившія право мѣстнаго гражданства, какъ «пацыты» (patior), «саманаты»

(отъ similis), «марпкуваты» (быть недовольнымъ) и т. п. Это же вліяніе сказалось и въ передѣлкѣ личныхъ именъ (напримѣръ, Сѝнивонъ, Якубашъ, Трошинъ, Андривуца, Докица), а также и въ общей твердости мѣстнаго выговора (акцента). Но рядомъ съ этимъ, здѣсь особенно выступаетъ черта русскаго полногласія—„хоромы"—сѣни, «соромъ»,—также замѣна ч буквою ц—«цистый» вмѣсто чистый и т. п. Интересны также, по точной передачѣ мѣстныхъ бытовыхъ особенностей, выраженія: „заткнуты хату", т. е. затворить домъ, «класты вогонь», т. е. развести огонь и т. п.

Въ погребальныхъ и свадебныхъ обрядахъ, общеславянскихъ въ своей основѣ, также можно указать нѣкоторыя отличительныя черты, развившіяся не безъ молдавскаго вліянія.

Особенно развито здѣсь почитаніе умершихъ («отцы наши»). Не останавливаясь на многихъ любопытныхъ чертахъ погребальнаго обряда (хожденіе безъ шапки, съ непокрытою головою, въ знакъ траура, проводы покойника на саняхъ), укажемъ обычай куренія ладономъ на гробахъ, производимаго женщинами, и особенно мѣстный обычай совершать свои собственныя поминки при жизни, что носитъ названіе «класты столыкъ» или «грижаты» (сравн. болг. грижа-печаль, санскр. grihas-домъ), т. е. вообще совершать поминки на дому, причемъ пьютъ «за умершую душу»... Сорокъ заказанныхъ заупокойныхъ службъ называется «сарандакъ», и т. п.

Въ свадебныхъ обрядахъ преобладаетъ, повидимому, намекъ на древнюю куплю невѣсты, на что указываютъ, напр., *обязательные* «дары» (подарки) во время свадьбы, бросаніе денегъ невѣстѣ и ея роднымъ, свадебный поѣздъ, въ которомъ участвуютъ, такъ назыв., «конокари» и «ворныкъ». На свадьбахъ молдаванъ, особенно въ старину, мѣстные спеціалисты произносили отъ лица невѣсты прощаніе на молдавскомъ языкѣ,—такъ назыв. «эртечуне».

Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ почти полное отсутствіе здѣсь свадебныхъ и, вообще, бытовыхъ пѣсенъ, за исключеніемъ такъ назыв. *колядокъ и щедривокъ*—остатковъ древнѣйшаго русскаго славословія «богамъ» (въ одной мѣстной колядкѣ солнце, дождь и мѣсяцъ называются «святыми»), а также—общую малопѣвучесть мѣстнаго населенія, по мнѣнію котораго только пьяные поютъ... Въ этомъ могло сказаться, между прочимъ, особенное развитіе здѣсь погре-

бальныхъ обрядовъ, которые, за исключеніемъ монотонныхъ причитаній, обыкновенно совершаются въ тиши, молча [1]).

Въ мѣстной музыкѣ, за исключеніемъ старинной славянской дудки («сопилка»), мы встрѣчаемъ уже неизбѣжный «бубенъ» съ металлическими «тарелками»,—словомъ, молдавскую, вѣрнѣе сказать, цыганскую музыку (мѣстные музыканты большею частью цыгане),—которую называютъ «русской», «булгаряску», но особенно распространенъ здѣсь такъ назыв. «дансъ», т. е. молдавскій джогъ. Кромѣ свадебъ музыка играетъ также на «толокахъ» или «клакахъ» (клака—добровольное исполненіе какой-нибудь работы за угощеніе).

Въ Подоліи обращаетъ на себя также вниманіе обиліе крестовъ и колодцевъ («керныца»), вызываемыхъ прежде всего, конечно, мѣстными потребностями. Кресты (судя по надписямъ на нихъ—это *«знаки»* въ смыслѣ дорожной примѣты, охраняемой самимъ Богомъ; затѣмъ уже «щиты вѣрнымъ» и т. д.) и колодцы нерѣдко ставятся «за поману», т. е. за поминъ души, и имѣютъ значеніе чисто восточной благотворительности.

Религіозность выражается, между прочимъ, въ обиліи чисто мѣстныхъ праздниковъ, постовъ. Есть, напримѣръ, такъ назыв. «жиночи свята», когда празднуютъ однѣ женщины, есть «громови свята», празднуемые во славу грозы; въ день на св. Козьмы и Демьяна не работаютъ... Рядомъ съ этимъ живутъ вѣрованія въ заговоры, въ «нявкы» (ходячіе мертвецы), въ вѣдьмъ и т. п. Съ цѣлью открыть вѣдьму, произведшую, якобы, засуху, еще въ 60-хъ гг. бросали проходящихъ женщинъ въ рѣчку, на основаніи повѣрья, что «котора видьма» «то сплыне», т. е. всплыветъ...

Въ нравахъ мѣстнаго населенія, кромѣ общихъ малорусскихъ чертъ, замѣтна нѣкоторая мягкость, условная вѣжливость (напр., обязательныя извиненія по произношеніи такихъ словъ, какъ собака, свинья, даже... «жинка»), чисто восточная церемонность. Несоблюденіе всего этого этикета ведетъ за собою укоръ въ «простотѣ», которому нерѣдко подвергаются истые руснаки... Особенно развито здѣсь сохранившееся отъ патріархальныхъ временъ почтеніе къ старшимъ: за столомъ строго наблюдается своего рода мѣстничество,

---

[1]) *Котляревскій*, Погребальн. обычаи славянъ М. 1888. *Антоновичъ и Драгомановъ*. Историч. пѣсни малорусскаго народа (въ введеніи).

нарушеніе котораго считается обидою, безчестьемъ; даже старшему брату, сестрѣ («бадя», «лиля») младшіе говорятъ «вы» и въ извѣстныхъ случаяхъ цѣлуютъ у нихъ руку. Сохранилась также особая форма привѣтствія: поднесеніе собственной руки къ своимъ губамъ, въ родѣ воздушнаго поцѣлуя. Въ то же время въ мѣстныхъ нравахъ наблюдается скрытность и любовь къ широкому разгулу: участвовать въ попойкѣ («буты въ горивци») считается особою честью. Въ отношеніяхъ къ женщинѣ замѣчается нѣсколько презрительно-снисходительный оттѣнокъ: въ церкви женщины становятся позади мужчинъ въ такъ называемомъ «бабныку»; жена идетъ нѣсколько позади мужа и т. п. По мѣстной пословицѣ: «жинка—край, ничего не знай».

Наконецъ, преобладающій смуглый цвѣтъ лица, темные волосы, лѣнивыя, медленныя движенія, рѣчь, даже особенности походки (говорятъ—«ходятъ не по нашему»)—все это указываетъ на особенности физическаго склада побережанъ.

Подобнымъ же характеромъ отличается и цѣлая группа указанныхъ выше сосѣднихъ поселеній, въ которыхъ молдавское вліяніе—это отличительная черта мѣстной культуры—замѣтно, такъ сказать съ перваго взгляда. Возможно, поэтому, что хотя нѣкоторыя изъ приведенныхъ особенностей окажутся общими и для всего такъ называемаго побережья.

Къ вопросу о малорусскомъ языкѣ въ Галичинѣ. Недавно въ газетѣ «Спб. Вѣд.» (№ 100) было помѣщено письмо г. В. Драгомірецкаго, выходца изъ Галичины, въ которомъ онъ проводилъ ту мысль, что еще потребуется работа въ теченіе всего нѣсколькихъ лѣтъ—и русская рѣчь будетъ раздаваться въ Галичинѣ такъ же, какъ въ Петербургѣ. Это тенденціозное извращеніе дѣйствительности вызвало со стороны одного виднаго галицкаго публициста О. Маковея горячую отповѣдь, которой редакція той-же газеты дала мѣсто (въ № 144), исходя изъ тѣхъ соображеній, что относительно галичанъ и Галичины многіе у насъ судятъ на основаніи иллюзій, навѣваемыхъ выходцами изъ нея, и что самообманъ въ такомъ дѣлѣ всегда печаленъ. Письмо г. Маковея также начинается съ указанія

на то, что невѣрное изображеніе жизни галицкихъ малороссовъ едва ли полезно русскому обществу. «Нужно сознаться, говоритъ онъ, что великоруссамъ трудно имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи вещей въ Галичинѣ, такъ такъ изъ Австріи въ Россію допускаются лишь изданія партіи, къ которой принадлежитъ г. Драгоміредкій, *доступъ же малорусскимъ изданіямъ изъ Австріи въ Россію совсѣмъ возбраненъ.* Вотъ почему противники малорусскуго языка позволяютъ себѣ писать по этому вопросу все, что имъ на умъ взбредетъ.

Обращаясь затѣмъ къ существу спора, г. Маковей напоминаетъ о томъ, что въ нынѣшнемъ году австрійскіе малороссы празднуютъ столѣтній юбилей появленія «Энеиды» Котляревскаго, первой книжки на чистомъ малорусскомъ языкѣ. Этотъ годъ малороссы считаютъ началомъ эпохи своего національнаго возрожденія. Такимъ образомъ, малорусская литература—далеко не новая «выдумка», такъ какъ существуетъ уже 100 лѣтъ.

Много разъ осуждаемая на смерть людьми, не имѣющими отношенія къ наукѣ (большая часть ученыхъ признаетъ за ней право на существованіе), продолжаетъ развиваться наперекоръ всякому доктринерству—искреннему и лукавому.

Со стороны ученыхъ не было доказательствъ въ пользу неспособности малорусскаго языка и литературы къ развитію; но ложно понятый патріотизмъ,—будто бы для націи имѣетъ больше значенія элементъ количественный, чѣмъ качественный,—придумалъ разнаго рода стѣсненія для малорусскаго языка и литературы.

Въ 1837 году Маркіанъ Шашкевичъ поставилъ вопросъ малорусскаго языка въ Галичинѣ такъ же ясно, какъ Котляревскій въ Россіи въ 1798 году. Уже въ 1848 году, когда въ Австріи установлена была конституція и уничтожено крѣпостное право, галицкіе малороссы выступили на арену политической дѣятельности, какъ самостоятельный *малорусскій* народъ. Но приблизительно въ то же самое время славянофилы подыскивали общеславянскій языкъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ бы быть русскій, и вотъ, часть немногочисленной галицкой интеллигенціи, еще не пришедшая къ ясному національному самосознанію, слишкомъ лѣнивая для того, чтобы позаботиться о самостоятельномъ національномъ существованіи,—да притомъ поддавшись разнымъ внѣшнимъ вліяніямъ,—ухватилась за идею готоваго русскаго языка, какъ за спасательный якорь. Въ 1866 году они выступили съ лозунгомъ: одинъ

народъ—одинъ языкъ (великорусскій) и стали изъ себя корчить «галицкихъ великоруссовъ», хотя русскаго языка не знали и по сіе время пишутъ третьяковщиной. Благодаря этимъ «quasi-великоруссамъ», русская культура лишь теряла свой престижъ въ глазахъ галичанъ, такъ какъ галицкіе малороссы и поляки по этимъ образцамъ составляли сужденіе о характерѣ русской культуры вообще, какъ, съ другой стороны, русскіе дѣлали свои заключенія о Галицкой Руси по этимъ галицкимъ «великоруссамъ», пріѣзжающимъ очень часто въ Россію, съ цѣлью выклянчить денежную помощь ради народныхъ, будто бы, интересовъ. Такое сужденіе съ обѣихъ сторонъ было (и есть) заблужденіемъ.

Изъ письма г. Драгоміредкаго можно вывести заключеніе, будто гг. галицкіе «великоруссы» создали какую-то свою культуру. Не можемъ позавидовать великоруссамъ по поводу пріобрѣтенія такой «культуры»...

За полстолѣтіе существованія его партіи г. Драгоміредкій могъ назвать только 12 дѣятелей, и то дѣятелей прежняго времени, изъ молодыхъ же не назвалъ ни одного. Изъ нихъ Головацкій, Наумовичъ, Зубрицкій, Хилякъ и Николай Устіановичъ умерли; Добрянскій, Дѣдицкій и Гушалевичъ—инвалиды; Петрушевичъ—историкъ въ средневѣковомъ духѣ, безъ всякаго значенія въ научномъ мірѣ; Свистунъ—партійный публицистъ, но отнюдь не ученый; Шараневичъ и Залозецкій пользуются извѣстностью лишь въ тѣсномъ кругу своей партіи. Эта семерка оставшихся въ живыхъ «великорусскихъ» дѣятелей въ Галичинѣ въ общей сложности имѣетъ около 500 лѣтъ жизни—цифра внушительная и показывающая, что ихъ дѣятельность осталась позади. Замѣстителей себѣ они не оставили. Если и найдется нѣсколько молодыхъ ихъ послѣдователей, то они рѣшительно не стоютъ даже и того, что стоютъ вышеупомянутые инвалиды. Нужно быть оптимистомъ, подобно г. Драгоміредкому, чтобы такъ возвеличивать своихъ «дѣятелей». Нѣкоторые изъ этихъ «дѣятелей» создали миніатюрную и въ то же время довольно странную литературу, которую г. Пыпинъ окрестилъ «особой русской литературой». Но въ наши дни въ Галичинѣ уже некому создавать и подобную «великорусскую» литературу; поэтому «Галичанинъ», «Русская Бесѣда» и другія изданія этого направленія живутъ почти исключительно перепечатками русскихъ авторовъ.

Г. Драгоміреций утверждаетъ, что въ изданіяхъ его партіи производится «постепенное сближеніе мѣстнаго книжнаго языка съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ». Это—правда. Дѣйствительно, объ этомъ сближеніи уже 50 лѣтъ хлопочутъ гг. галицкіе «великоруссы» въ своихъ изданіяхъ, и можно надѣяться, что, быть можетъ, нѣкоторые правнуки ихъ будутъ въ состояніи правильно писать по-русски, если они этого еще пожелаютъ. Теперь же и сами галицкіе «великоруссы» этого не желаютъ и въ своихъ изданіяхъ пишутъ на особомъ русскомъ языкѣ, представляющемъ странную смѣсь малорусскаго, польскаго, церковно-славянскаго и русскаго языковъ, причемъ авторы комбинируютъ эти языки на разные лады. Ихъ изданія на всевозможныхъ «русскихъ» языкахъ могли бы въ Россіи вызывать у читателей настроеніе, сходное съ тѣмъ, которое вызываетъ «Стрекоза».

Этихъ изданій г. Драгоміреций насчиталъ цѣлыхъ 15, не упоминая, что большая часть ихъ—это маленькія книженки («метелики»), выходящія 1 или 2 раза въ мѣсяцъ или нѣсколько разъ въ годъ, и по достоинству своему не стоятъ и добраго слова.

Партія г. Драгоміреццкаго въ Галичинѣ имѣетъ только одну политическую ежедневную газету «Галичанинъ». «Православная Буковина» ведетъ борьбу противъ созданныхъ ея воображеніемъ враговъ православія въ Буковинѣ, забывая, что злѣйшій врагъ православія—сама церковная іерархія, пользующаяся церковью, какъ средствомъ для румынизаціи русиновъ. Газета эта заполнена перепечатками изъ русскихъ «Епарх. Вѣд.»: живого въ ней ничего не найти. «Бесѣда», помянутый «Галичанинъ» (беллетристическій отдѣлъ) и «Русская Библіотека» существуютъ перепечатками русскихъ авторовъ. «Сборники Русской Матицы» выходятъ 1 разъ въ нѣсколько лѣтъ и цѣликомъ заполняются «средневѣковымъ» лѣтописцемъ Петрушевичемъ. «Вѣсникъ Народнаго Дома», кромѣ замѣтокъ того же лѣтописца, печатаетъ ежемѣсячно лишь цифровые отчеты и постановленія общества «Народнаго Дома». Когда-то популярная «Наука» давно потеряла свое значеніе; выходитъ неправильно, нѣсколько разъ въ годъ. «Селянинъ» за деньги готовъ помѣстить портретъ африканскаго каннибала и будетъ величать его, какъ «коренного» русскаго патріота. Купчанко въ своемъ «Просвѣщеніи» изъ года въ годъ перепечатываетъ свои давнишнія географическія и этнографическія изслѣдованія да помѣщаетъ біографіи русскихъ генераловъ.

Унгварскій «Листокъ» и «Русская Рада»—полное ничтожество. „Буковинскія Вѣдомости“ состоятъ на службѣ у буковинскихъ румынъ, враговъ какъ великорусского, такъ и малорусскаго народовъ. Менѣе всего тредьяковщина по формѣ и содержанію—въ изданіяхъ общества имени Качковскаго. Всѣ помянутыя изданія отрицательно относятся къ малорусскому народу, положительная же сторона ихъ дѣятельности ничтожна. Единомышленники г. Драгомірецкаго безпрестанно повторяютъ, что въ Галичинѣ, будто бы, есть говоры, близкіе къ великорусскому языку (съ равнымъ правомъ можно утверждать, что польскій языкъ близокъ къ русскому), что малорусскій литературный языкъ есть „невозможная смѣсь малорусскаго языка съ польскимъ“. Аргументы старые и ни для кого неубѣдительные! Малорусскій литературный языкъ создался на почвѣ живой народной рѣчи и, какъ языкъ живого многомилліоннаго народа, развивается на нашихъ глазахъ на зло ренегатамъ, вродѣ г. Драгомірецкаго. Наоборотъ, искусственно созданное „язычіе“ ренегатовъ не можетъ имѣть будущности, такъ какъ основано не на живой рѣчи народа, но на чисто искусственной смѣси церковно-славянскаго, русскаго, польскаго и малорусскаго языковъ. Это „язычіе“ гг. „общерусы“ выдаютъ за русскій литературный языкъ. Русскій языкъ не можетъ замѣнить собою малорусскаго языка въ Галичинѣ, на которомъ говоритъ народъ и на которомъ идетъ преподаваніе въ 2,500 народныхъ школахъ, въ пяти гимназіяхъ (въ Львовѣ, Перемышлѣ, Коломыѣ, Черновцахъ и въ новооснованной въ Тырнополѣ) и въ университетѣ (нѣсколько каѳедръ).

Въ параллель съ изданіями, перечисленными г. Драгомірецкимъ, г. Маковей приводитъ списокъ національныхъ малорусскихъ изданій.

Три политическія ежедневныя газеты: «Діло», «Руслан», «Народна Часопись»; далѣе: «Буковина» (3 раза въ недѣлю), «Свобода» (одна во Львовѣ, другая въ Америкѣ), «Руська Рада», «Громадський Голос», «Прапор», «Душпастир», журналъ «Літературно-науковий Вістник» (ежемѣсячный), «Записки наукового товариства імени Шевченка» (1 разъ въ два мѣсяца; кромѣ того, отдѣльныя изданія секцій общества), популярныя изданія общества «Просьвіта» (до сихъ поръ 216 книжечекъ, разошедшихся въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ), нѣсколько «Библіотекъ» («Бібліотека повістий», «Історична», «Універзальна», «Дрібна», «Для молодіжи», «Хлоп-

ська»), газета «Дзвинок» для дѣтей, газета «Учитель» (изданіе педагогическаго общества), газета для «дяків», нѣсколько изданій религіознаго характера и т. д.

Я не хочу, говоритъ г. Маковей, придавать этимъ изданіямъ значеніе большее, чѣмъ они заслуживаютъ,—но если принять во вниманіе, что всего малоруссовъ въ Галичинѣ и Буковинѣ только 3 милліона, что интеллигенціи у нихъ не болѣе 5000, раздѣленной притомъ на партіи національную и ренегатовъ,—то и такое національное *малорусское* движеніе нужно назвать значительнымъ. Національное самосознаніе настолько уже распространено въ массѣ галицкаго малорусскаго населенія, что попытки галицкихъ «общеруссовъ» столкнуть галичанъ съ національнаго пути не могутъ имѣть успѣха. Только передъ людьми, совершенно незнакомыми съ положеніемъ дѣлъ въ Галичинѣ, можно утверждать противное.

Замѣтимъ еще, что малорусскій литературный языкъ въ Галичинѣ и Украинѣ одинъ; нѣкоторыя несущественныя различія устранены, и въ настоящее время нѣтъ основанія опасаться раздвоенія между русскими и австрійскими украинцами на почвѣ литературнаго языка.

«Въ Галиціи, говоритъ г. Драгомірецкій, можно и слѣдуетъ поддерживать одинъ только общерусскій литературный языкъ, который распространяется тамъ все болѣе и болѣе (все менѣе и менѣе!) и который при нынѣшнихъ роковыхъ условіяхъ русскаго Прикарпатья единственно (!) можетъ сохранить его для всего русскаго міра».

Все это въ общемъ и въ частности совершенно невѣрно. Наоборотъ, «при нынѣшнихъ роковыхъ условіяхъ русскаго Прикарпатья», если бы галицкіе малороссы не противопоставили польскому языку родной малорусскій, то увеличили бы только польскій міръ, но не русскій.

Сторонники г. Драгомірецкаго, отлично понимая, что въ Австріи нельзя ввести въ школы преподаванія на немъ, выступаютъ противниками малорусскихъ школъ (агитируютъ противъ малорусскихъ гимназій!) и, конечно, ихъ «обрусительная» работа въ Галичинѣ на-руку полякамъ, въ Буковинѣ—румынамъ, въ Угорщинѣ—мадьярамъ. При этомъ, конечно, и имъ кое-что перепадаетъ.

По поводу этого письма г. Маковея, въ 184 № «Спб. Вѣдом.» помѣщена интересная замѣтка г. А. Башкирова, подъ заглавіемъ: «Великорусскій языкъ въ Галичинѣ». Въ ней заслуживаетъ вниманія слѣдующее: «г. Маковей катеторически заявилъ, что галицкіе малоруссы говорятъ и хотятъ говорить и писать на языкѣ малорусскомъ. Желаніе вполнѣ законное. Никому вѣдь не придетъ и въ голову вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ пишутъ словаки или словинцы, на какомъ языкѣ говорятъ кашубы или резьяне? [1]). И поэтому казалось бы излишнимъ само письмо г. Маковея. Но вопросъ о галицкихъ малоруссахъ стоитъ въ нѣсколько иномъ положеніи.

Далѣе г. Башкировъ, въ подтвержденіе замѣчанія г. Маковея, что «галицкіе великоруссы» великорусскаго языка не знаютъ и «по сіе время пишутъ тредьяковщиной», приводитъ нѣсколько выписокъ изъ галицкой газеты «Галичанинъ» (органа великорусской партіи), по своему «язычію» дѣйствительно напоминающихъ творенія Тредьяковскаго, и заканчиваетъ эти выписки такъ: „Вотъ какимъ «великорусскимъ» языкомъ пишутъ галицкіе великороссы, народомъ не признаваемые и имъ не понимаемые. Ради чего этотъ маскарадъ?“

Разоренная могила. Проводя лѣто въ Чигиринѣ, я поставилъ себѣ священнымъ долгомъ посѣтить могилу Богдана Хмельницкаго въ Субботовѣ. Церковь въ Субботовѣ въ ясный день видна въ Чигиринѣ съ Каменоломной горы.

Но нанять подводу въ Чигиринѣ въ лѣтнее время трудно, не только въ будни, но и въ праздникъ, потому что нужно отдохнуть лошадямъ. Уже въ концѣ лѣта удалось нанять одного крестьянина съ удобнымъ экипажемъ.

Путь въ Субботово въ объѣздъ Каменоломной горы—ровный, степной. Только подъ самымъ Субботовымъ появляются балки, и наконецъ мы спускаемся съ Протопоповой горы въ глубокую долину, которая ведетъ къ селу. Это названіе крутого, дѣйствительно головоломнаго спуска нашъ кучеръ объяснилъ такъ: однажды ѣхалъ по этой дорогѣ протопопъ; при спускѣ съ этой горы забыли затормозить; тяжелый экипажъ, безъ помѣхи катившійся съ горы, застав-

---

[1]) Беремъ въ примѣръ болѣе мелкія славянскія племена.

лялъ лошадэй мчаться, что есть духу; экипажъ былъ разбитъ, а протопопъ расшибся до смерти.

Далѣе путь идетъ длинной, нескончаемой долиной. По сторонамъ дороги тянутся на цѣлыя версты сады и огороды съ превосходными грушами и яблонями, а за ними открываются, съ правой руки поемные луга и огороды. И среди этой благодати Божіей, то тамъ, то здѣсь, утонувшая въ садахъ хата, убранная, словно дивчина подъ вѣнецъ: съ китыцями на кровлѣ, съ нарядно раскрашенными окнами и съ гостепріимнымъ ганочкомъ. Повсюду и во всемъ видѣнъ достатокъ: трудъ, бережливость и жизнь на старый ладъ, которому не угрожаютъ перемѣны.

Послѣ нѣсколькихъ верстъ ѣзды по этой цвѣтущей долинѣ, наконецъ мы пріѣхали въ центръ села, и прежде всего на высокой горѣ намъ бросился въ глаза древній каменный храмъ. У батюшки на квартирѣ намъ сказали, что онъ служитъ вечерню въ новой церкви, и мы вошли въ церковь, которая стоитъ противъ дома священника. Нѣкоторое время церковь была совершенно пуста: въ эту пору даже старухамъ некогда отлучиться,—надо смотрѣть за дѣтьми, т. к. всѣ въ полѣ. Но потомъ понемногу пришли бабы и дивчата;—молодицы и дивчата въ красивыхъ головныхъ уборахъ изъ живыхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ лентъ. Старый священникъ дребезжащимъ голосомъ творилъ молитвы, дьячокъ и сторожъ громко и развязно подхватывали эктеніи, прихожане молились, кланялись въ поясъ и падали на колѣни, когда батюшка выходилъ съ кадиломъ изъ алтаря. Склонявшееся къ закату солнце врывалось въ окна золотыми лучами, все навѣвало покой и внушало молитвенное настроеніе.

Но вотъ кончилась вечерня. По моей просьбѣ дьячокъ присѣлъ къ намъ на повозку, позвалъ церковнаго старосту, мы поднялись по крутому подъему, вырубленному въ массивѣ горы, съ трудомъ разъѣзжаясь съ многочисленными возами, полными съ верхомъ золотистыми снопами. Передъ нами открылась возвышенная площадка, на которой стояла небольшая церковь XVII ст., съ колокольнею позднѣйшей постройки, извѣстная по рисункамъ. Отперли церковь. Стѣны ея необыкновенно толсты. Разваливающаяся драбына на колокольню, разъѣхавшіяся доски пола—первое печальное впечатлѣніе притвора. Въ самомъ храмѣ также полъ со щелями и слоемъ пыли. Стѣны покрашены масляной краской съ панелью. Въ притворѣ не видно портрета храмоздателя, какъ водилось повсюду въ

козацкія времена. А вотъ и могила: на южной стѣнѣ прибита бронзовая дощечка, вродѣ тѣхъ, которыя привинчиваются къ дверямъ квартиры, съ краткой надписью:

«Здѣсь покоится прахъ
Богдана Хмѣльницкаго».

И ни званія покойнаго, ни года почившаго не обозначено. Прахъ его дѣйствительно покоится здѣсь, но путешественникъ не найдетъ въ ней могилы Хмельницкаго: польскій полководецъ Чарнецкій, захвативши Субботово, приказалъ выбросить на поруганіе кости человѣка, такъ упорно боровшагося противъ шляхетскаго своеволія.

Въ церкви сумракъ и тишина. Не слышно пѣнія, не видно свѣчей. Иконостасовъ два—хорошей работы (одинъ—должно быть древнѣйшій—въ алтарѣ). Передній украшенъ шитыми рушниками. На вопросъ мой: нѣтъ ли чего нибудь древняго среди утвари, былъ полученъ отвѣтъ: „были древнія церковныя книги, но взяты въ Кіевъ“.

Мы помолились о рабѣ Божіемъ Богданѣ и вышли. За алтаремъ торчали изъ земли покосившіеся и вросшіе въ землю кресты забытыхъ козаковъ, а прямо—обрывъ съ широкимъ, роскошнымъ видомъ на долину.

— А не можете ли вы показать мѣсто усадьбы Богдана Хмельницкаго?

Дьячекъ показалъ мнѣ расположенную пониже церкви небольшую площадку съ грушей, составляющую теперь дворъ одного крестьянина.

Грустныя думы пришли мнѣ въ голову. Въ Кіевѣ, на почетномъ мѣстѣ, противъ Софійскаго собора сооруженъ величественный памятникъ козацкому гетману,—а у него на родинѣ, въ Субботовѣ, старая церковь запущена и забыта. Развѣ много нужно для того, чтобы перемостить полы и поправить деревянныя части, хорошенько обмыть иконы и стѣны, сдѣлать на стѣнѣ, надъ могилой, приличную надпись, наконецъ, написать въ притворѣ портретъ Богдана Хмельницкаго, а передъ могилой поставить подсвѣчникъ, для того что бы каждый могъ поставить свѣчу и помолиться. Почему бы мѣстному священнику не устроить подписку между мѣстными крестьянами?

Неужели мѣстное населеніе забыло батька Богдана?...

В. Я.

О назначеніи въ Кіевскую губернію провинціалъ-фискала.

(1727 г.). Извѣстно, что до 1782 г. мѣстное губернское управленіе въ Кіевѣ представляло не мало особенностей сравнительно съ другими русскими губерніями, какъ по личному составу, такъ и по кругу своего вѣдомства. Въ составъ Кіевскаго губернскаго управленія, между прочимъ, никогда, какъ видно, не входила должность провинціалъ-фискала. Такъ, въ 1727 году Кіевская Губернская Канцелярія была, очевидно, удивлена, что въ составѣ ея *числится* какой-то провинціалъ-фискалъ Блаженковъ. Получивши указъ Главной Фискальной Канцеляріи о выборѣ на мѣсто этого Блаженкова, *переведеннаго* въ Бѣлогородскую губернію, кого либо другого изъ шляхетства, она отвѣчала, что де «въ Кіевѣ и въ приписныхъ къ нему городахъ ни одного человѣка изъ шляхетства не обрѣтается». На повторительный же указъ отъ 30-го іюня того же 1727 года на имя вице-губернатора Штока «съ товарищи», предписывавшій «въ провинціалъ-фискалы (который имѣетъ быть въ классѣ капитаномъ) выбрать вамъ изъ другихъ чиновъ, изъ коихъ кто, по усмотрѣнію вашему, будетъ достоинъ», Кіевская Губернская Канцелярія отвѣчала, что де «въ Кіевѣ и въ приписныхъ къ нему городахъ, въ Нѣжинѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ и въ Переволочной, въ которыхъ точію одни командированные изъ кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ оберъ и ундеръ-офицеры и солдаты, да малороссійскіе обыватели, которые во всякомъ вѣдомствѣ зостаются въ Малороссійской Коллегіи, кого бъ опредѣлить въ помянутые городы въ провинціалъ-фискалы, ни одного человѣка, какъ изъ шляхетства, такъ и не изъ шляхетства изъ великороссійскихъ людей», которые бъ были въ неопредѣленіи, никого не имѣется». Въ заключеніе же Кіевская Губернская Канцелярія заявляла: «да и помянутого провинціалъ-фискала Блаженкова съ начала росписанія губерніи въ приписныхъ къ Кіеву городахъ не бывало и въ которой провинціи или городѣ обрѣтался и нынѣ гдѣ обрѣтается, о томъ въ Кіевской Губернской Канцеляріи никакова извѣстія не имѣется».

А. А.

Библіографія.

Е. Тимченко. *Русско-малороссійскій словарь. Т. I. А—О. Кіевъ, 1897.*

Передъ нами довольно объемистый 1-ый томъ „Русско-малороссійскаго словаря" Е. Тимченка, являющійся новымъ вкладомъ въ словарную литературу Украйны. Прежде всего приходится замѣтить, что въ этой литературѣ, начиная отъ Котляревскаго, недостатка у насъ не было, хотя выходившіе украинскіе словари являлись иногда похожими больше на словарные опыты. Это обстоятельство, принимая во вниманіе немалый срокъ существованія украинской національной идеи, положительно печально, такъ какъ словарная работа является однимъ изъ цѣннѣйшихъ продуктовъ нашего народничества. И этотъ печальный фактъ долженъ стать урокомъ для всѣхъ народниковъ, которые пожелали бы послужить родинѣ хоть составленіемъ словаря. Приступая поэтому къ составленію словаря, каждый лексикографъ Украины долженъ, конечно, представить себѣ ясно состояніе предшествовавшихъ ему продуктовъ лексикографіи и постараться восполнить тѣ существенные пробѣлы, которые тамъ замѣчаются. То-же требованіе приложимо, конечно, и къ г. Тимченку, какъ человѣку, судя по двумъ изданіямъ его словаря, настоятельно преслѣдующему лексикографическія цѣли и сознающему, очевидно, важность изданія украинскаго словаря. Но какъ-же г. Тимченко выполнилъ свою задачу и что представляетъ изъ себя продуктъ его работы? Основными чертами каждаго научнаго словаря, кромѣ правильной пе-

редачи значенія словъ, являются слѣдующіе два признака: 1) полнота лексическаго матеріала и 2) аргументированіе послѣдняго образцами, взятыми изъ народной поэзіи или изъ произведеній писателей, знатоковъ духа народнаго языка. Обращаясь ко всѣмъ существовавшимъ до г. Тимченка украинскимъ словарямъ, мы можемъ безошибочно сказать, что первое условіе научности не соблюдено ни однимъ изъ словарей, за то второе выполнялось уже въ 60-хъ годахъ Шейковскимъ и въ настоящее десятилѣтіе поучительнымъ образомъ проводится составителями словаря подъ редакціей г. Науменка: въ этомъ отношеніи послѣдній словарь является образцовымъ [1]). Имѣя въ виду названный историческій недостатокъ, равно какъ и достоинство старой украинской лексикографіи, завѣщанной ею новой, легко сообразить, чѣмъ долженъ быть трудъ современнаго составителя украинскаго словаря, слѣдовательно—и г. Тимченка.

Отвѣчая запросу современныхъ національныхъ стремленій, еще въ 1893 г. гг. Уманецъ и А. Спилка издали во Львовѣ большой украинскій словарь, гдѣ, кромѣ неточной подчасъ передачи значенія словъ [2]), является на лицо яркое невыполненіе обоихъ условій словарной научности. Словарь Уманца и Спилки могъ, значитъ, послужить отрицательнымъ примѣромъ для всякаго будущаго лексикографа, который, даже пользуясь формально названнымъ трудомъ, долженъ былъ-бы реформировать его въ двухъ направленіяхъ: въ смыслѣ полноты матеріала и аргументированія послѣдняго. Это нужно было сдѣлать и г. Тимченку, и этого, къ сожалѣнію, онъ и не сдѣлалъ. Не всегда вѣрно передавая оттѣнокъ значеній русскаго слова, словарь г. Тимченка прежде всего отличается неполнотой, которую впрочемъ, мы не ставимъ въ большой упрекъ автору, создавшему свой трудъ единоличными усиліями. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе послѣднее, оправдывающее г. Т—ка обстоятельства, мы можемъ сдѣлать другой болѣе серьезный упрекъ, стоящій въ связи съ неполнотой даннаго словаря. Упрекъ нашъ заключается въ томъ, что къ своему предмету г. Т—ко отнесся не съ надлежащимъ вниманіемъ: жалуясь въ предисловіи на недостатокъ бывшаго у него въ рукахъ лексическаго матеріала, г. Т—ко совершенно, однако, не исчерпалъ

[1]) Чѣмъ явится въ цѣломъ словарь подъ редакціей г. Науменка, сказать пока нельзя, ибо напечатана въ приложеніяхъ къ „Кіевской Старинѣ" только одна микроскопическая его часть.

[2]) Словарь этотъ „росийсько-украінський".

и того матеріала, который находился у него въ рукахъ. Лучше всего можно это замѣтить на сличеніи систематизированнаго уже лексическаго матеріала, т. е. предыдущихъ словарей, съ трудомъ г. Т—ка. Послѣдній, напримѣръ, совершенно игнорировалъ словарь Пискунова, являющійся въ лексическомъ отношеніи столь-же, если не болѣе, цѣннымъ, какъ и всѣ прочіе украинскіе словари. Не ставя г. Т—ку въ минусъ того, что онъ многаго не взялъ изъ словаря Уманца, матерьялъ котораго не разъ является сомнительнымъ, мы не понимаемъ, почему нашъ лексикографъ опустилъ не мало словъ изъ словаря Шейковскаго, изъ документированнаго матерьяла Левченка и, наконецъ, даже изъ образцовъ словаря „Кіев. Старины" [1]).

Непонятнымъ пробѣломъ въ количествѣ лексическаго матеріала является также пропускъ многихъ словъ, принадлежащихъ языку австро-венгерской Украины: вводя вообще подобныя слова, почему однимъ изъ нихъ давать преимущество передъ другими?

Немало погрѣшилъ г. Т—ко и противъ второго условія научной лексикографіи—именно въ отношеніи аргументированія своего матеріала. Изрѣдка только указывая на серьезный источникъ, авторъ словаря вполнѣ идетъ, такимъ образомъ, по стопамъ своего преемника—Уманца и совершенно не слѣдуетъ научному образцу составителей словаря Кіев.-Старины. Игнорированіе этой стороны дѣла очень умаляетъ достоинства труда г. Т—ка, труда вообще цѣннаго. Чѣмъ руководился въ данномъ случаѣ г. Т—ко, — совершенно непонятно, ибо никакія теоретическія и практическія соображенія подобнаго промаха не оправдываютъ. Главное условіе научнаго труда, удовлетвореніе требованіямъ научнаго скептицизма, въ отношеніи словаря г. Т—ка отсутствуетъ, такъ какъ для массы словъ его матеріала вполнѣ имѣетъ мѣсто вопросъ,—да откуда-же они, эти слова, взяты? Разумѣется, г. Т—ко для большинства приводящихъ въ недоумѣніе словъ можетъ,—мы въ этомъ не сомнѣваемся,—подыскать и указать соотвѣтствующій литературный источникъ, но вѣдь дѣло не въ этомъ: для г. Т—ка должно было быть важнымъ, чтобы его трудъ самъ опровергалъ всякія недоумѣнія, а не заставлялъ дѣлать вполнѣ законныя сомнѣнія. Тѣмъ болѣе послѣднія основательны, что самъ г. Тимченко одни литературныя

---

[1]) Всѣ наши положенія мы готовы, въ случаѣ нужды, аргументировать точными данными.

слова бралъ въ свой словарь, другихъ не бралъ, дѣйствуя въ данномъ случаѣ вполнѣ произвольно. Но, поступая такимъ образомъ, онъ просто лишилъ науку возможности рѣшить вопросъ, насколько основательно пропущены имъ одни слова и насколько прочно значеніе введенныхъ имъ въ словарь другихъ неологизмовъ. Быть можетъ, что г. Т-комъ опущены настоящія лексическія драгоцѣнности? Отсутствіе ссылокъ на источники и полноты синонимовъ ставитъ на этотъ счетъ критику словаря г. Т-ка въ довольно затруднительное положеніе. Устойчивость словаря г. Т-ка и возможность полнаго довѣрія къ нему уменьшаются еще и потому, что г. Т-комъ, какъ мы увѣрены на основаніи данныхъ его же труда, введены въ послѣдній слова собственнаго творчества. Мы отнюдь, разумѣется, не противъ такого творчества и относимся къ нему съ полнымъ почтеніемъ, но вѣдь нужно-же г. Т-ку бояться, чтобы о его трудѣ не сказали, что это словарь не украинскаго языка, а языка г. Тимченка,—чего мы лично, понятно, не говоримъ! Намъ кажется неудобнымъ введеніе въ словарь самостоятельно созданныхъ словъ, безъ указанія на это, совершенно по другой причинѣ, именно по слѣдующей. Судя по морфологіи приводимыхъ г. Т-комъ неологизмовъ, очень часто представляющихъ аляповатую передѣлку словъ великорусскихъ—явленіе очень печальное,—мы можемъ рѣшительно утверждать, что многія слова, созданныя г. Т-комъ, совершенно безжизненны и введенія въ словарь такъ-же мало достойны, какъ и выброшенныя имъ самимъ слова, вродѣ, напримѣръ «згукъ» (звукъ) и т. п. Мы убѣждены, что многія свои слова г. Т-ко вполнѣ замѣнилъ-бы соотвѣтствующей народной лексикой, если-бы только порылся въ ней поглубже, а при такомъ положеніи дѣла легко можно ввести въ обманъ и новичковъ въ нашемъ литературномъ дѣлѣ, и ужъ, разумѣется, представителей другихъ націй, которые все могутъ принимать въ словарѣ г. Т-ка за чистую украинскую монету. Мало похвальнымъ является и тотъ пріемъ г. Т-ка, въ силу котораго онъ иногда ссылается на неаргументированный матерьялъ другихъ лексикографовъ. Скептикъ въ данномъ случаѣ столь-же мало довѣритъ различнымъ авторамъ словарей, какъ г. Т-ку, поэтому ихъ свидѣтельства опять таки будутъ мало внушительны. И этотъ грѣхъ г. Т-ка, какъ и другіе его грѣхи данной категоріи, возникли именно въ силу выпуска его словаря безъ фирмы народной поэзіи или художественныхъ авторитетовъ.

Указавъ недостатки словаря г. Т-ка, мы отнюдь, конечно, не думаемъ умалять достоинствъ этого труда, вызваннаго требованіями жизни. Пользуясь имъ нѣсколько осторожно, знакомые болѣе или менѣе съ украинскимъ языкомъ найдутъ тамъ несомнѣнно богатые матеріалы, ибо настоящій словарь является во всякомъ случаѣ единственнымъ въ своемъ родѣ по сравнительно большой полнотѣ и обстоятельности. Сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи не можетъ ни одинъ изъ существующихъ нынѣ украинскихъ словарей; поэтому рекомендовать его вполнѣ возможно. Особенно важной, даже настоятельной книгой долженъ онъ явиться для украинскихъ писателей: выросши на почвѣ русской, они прекрасно должны понимать состояніе своего собрата по перу, когда ему нужно передать оттѣнки изображенія, особенно при переводахъ, въ формахъ украинской рѣчи. Въ этомъ смыслѣ словарь г. Т—ка имѣетъ несомнѣнное, если не прямое, то наводящее на мысль значеніе, и даже за это одно, помимо всего прочаго, мы должны искренно пожелать ему возможно большаго распространенія!

И. Стешенко.

Василій Ляскоронскій. *Иностранные карты и атласы XVI и XVII вв., относящіеся къ Южной Россіи.* Изслѣдованіе. Кіевъ, 1898. Стр. 22+4 листа картъ. In fol.

Въ настоящемъ трудѣ изданы, по англійскимъ копіямъ Мозеса Питта, карты извѣстнаго французско-польскаго инженера XVII. в. Боплана: 1) генеральная—Украины,—и спеціальныя: 2) Брацлавщины, 3) Покутья и 4) Подоліи.

Въ предисловіи авторъ даетъ перечень и краткое описаніе картъ Южной Россіи, разсмотрѣнныхъ имъ въ Кенигсбергѣ и Парижѣ.

Болѣе подробно описаны изданія генеральной карты Боплана, исполненныя Гондіусомъ въ Данцигѣ и затѣмъ Питтомъ въ Англіи.

На основаніи этой карты авторъ съ нѣкоторой запальчивостью оспариваетъ мнѣніе г. А. Лазаревскаго о пустынности Посулья въ началѣ второй половины XVI в.

Если взять во вниманіе, что матеріалы для карты Боплана собирались послѣ 1630 г., и что подробной карты кіевскаго воеводства у автора подъ рукой не было, то, кажется, столь категорическія утвержденія едва-ли могутъ быть признаны убѣдительными безъ дальнѣйшихъ доказательствъ и разслѣдованій. Но этого мало. Самое достоинство генеральной карты Боплана въ исполненіи Гондіуса возбуждаетъ сомнѣнія. 11 іюля 1651 г. съ Гондіусомъ видѣлся въ Данцигѣ шведскій дипломатическій агентъ Майеръ, путешествовавшій въ 1650 г. въ Крымъ, а въ слѣдующемъ году возвращавшійся обратно. Первымъ долгомъ Майеръ указалъ Гондіусу на errores въ его малой картѣ Украины. Гондіусъ объяснилъ, что разспрашивалъ многихъ поляковъ, посѣщавшихъ эти мѣста, но никто изъ нихъ не могъ дать ему никакихъ свѣдѣній на этотъ счетъ (Дневникъ Майера, хранящійся въ шведскомъ гос. архивѣ, отд. *Tatarica*).

Мнѣ кажется, поэтому, что самая метода работы Боплана требовала-бы еще подробнаго изученія.

Нельзя не выразить автору благодарности за его въ высшей степени добросовѣстное и полезное изданіе, которое должно облегчить поиски изслѣдователей южно-русской исторической географіи.

Н. М.

Józef Dunin Karwicki. *Ze starego autoramentu.* Typy i obrazki wołyńskie Warszawa, 1899. Стр. 249.

Въ живыхъ, безпритязательныхъ очеркахъ авторъ даетъ рядъ характеристикъ, типовъ и воспоминаній изъ волынской крѣпостной эпохи: это галлерея портретовъ людей стараго закала изъ шляхетской среды—наполеоновцы, крѣпостники, прихлебатели, ханжи, оффиціалисты, „балагулы" и т. д. Конечно, новаго тутъ мало; мемуарная польская литература разработала этотъ сюжетъ даже съ нѣкоторою роскошью. Дѣло понятное, что всѣ люди стараго поколѣнія представляются автору въ какомъ-то грустно-поэтическомъ и симпатичномъ освѣщеніи, но именно это освѣщеніе представляетъ грустный оптическій обманъ. Правда, авторъ не скрываетъ отъ себя, что почва, на которой выросли эти поэтическіе цвѣты, была довольно безплодная, но онъ пытается найти смягчающія обстоятельства: если мужикамъ

у польскихъ владѣльцевъ приходилось круто, то виноваты были главнымъ образомъ оффиціалисты и суровые законы, словомъ, время было такое—объясненіе, конечно, очень удобное. Но авторъ въ своихъ объясненіяхъ явно увлекается. Сваливая всѣ неприглядныя дѣла эпохи на панскихъ оффиціалистовъ, авторъ даже выдумываетъ пословицу яко-бы сложенную мужиками: Богъ высоко, панъ далеко (стр. 59), которая будто-бы доказываетъ, że lud zawsze bardziej polegał na sprawedliwości samego dziedzica. Далѣе, авторъ серьезно утверждаетъ, że gromady włościańskie szanowały, a nawet kochały panów, choć surowych, lecz wzorowo sprawiedliwych, и т. п. Такія и подобныя разсужденія несомнѣнно показываютъ, что нашъ авторъ черпаетъ воспоминанія изъ эпохи, когда самъ онъ находился въ моментѣ жесточайшей иллюзіи, въ каковой и донынѣ остается. Авторъ легко могъ-бы подновить свои воспоминанія и привести ихъ въ надлежащую ясность, позанявшись въ какомъ-нибудь провинціальномъ правительственномъ архивѣ. Я не сомнѣваюсь, что въ такомъ случаѣ онъ предпочелъ-бы ограничиться фактическими справками, избѣгая рискованныхъ общихъ характеристикъ: тогда и оффиціалисты получили-бы надлежащее мѣсто, и всѣ нѣжно-поэтическіе крѣпостные цвѣтки увяли-бы.

Съ этой оговоркой, книжка г. Дунина-Карвицкаго можетъ быть прочтена не безъ интереса.

Н. М.

А. Я. Кониссkій. *Жизнь украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка.* Критико-біографическая хроника. Съ портретами Т. Г. и его друзей и видами хаты и могилы его. 1814—1861. Одесса, 1898. (Стр. 728. Ц. 1 р. 75 к.).

По мнѣнію автора, для написанія біографіи такой выдающейся личности, какъ Т. Г. Шевченко, вышедшей изъ темной закрѣпощенной массы «мужиковъ», тѣмъ болѣе для оцѣнки его произведеній въ связи съ исторіей культуры—у насъ еще не настало время. Поэтому, настоящая книга—лишь опытъ критическаго изслѣдованія того біографическаго матеріала о Шевченкѣ, который въ продолженіе 37-ми лѣтъ появлялся въ русской и иностранной печати и который все-

таки далеко еще не весь опубликованъ. Авторъ не считалъ возможнымъ касаться критическаго анализа произведеній Шевченка, во-первыхъ, потому, что такой работѣ долженъ предшествовать особый трудъ, изображающій исторію творчества поэта; во-вторыхъ, потому, что лучшія произведенія Шевченка, какъ «Кавказъ», «Марія» и др., у насъ еще не были напечатаны, а потому и разбирать ихъ критически неудобно во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ, для полной біографіи Шевченка недостаетъ еще и фактическаго матеріала, хранящагося въ архивахъ Кіева, Петербурга и Оренбурга, да и вообще не настало еще время для всесторонняго, подробнаго описанія жизни поэта.

Авторъ строго придерживается намѣченныхъ такимъ образомъ рамокъ, видимо избѣгаетъ широкихъ характеристикъ и общихъ выводовъ, стремясь дать читателю критически сведенный матеріалъ біографическій. Рѣдкое знакомство съ литературой предмета, значительное количество использованнаго неизданнаго матеріала, удовлетворительно исполненные многочисленные портреты и снимки, наконецъ, хорошій языкъ изложенія—все это дѣлаетъ новую книгу г. Кониcскаго весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ литературѣ о малорусскомъ поэтѣ. Если нѣкоторые частные выводы автора и могутъ представляться спорными, то въ книгѣ читающій найдетъ достаточно матеріала для самостоятельнаго сужденія, а ссылки на источники облегчатъ самостоятельные поиски для интересующихся предметомъ.

Признавая крупную заслугу автора, столь много потрудившагося надъ изученіемъ біографіи Шевченка, нельзя не пожелать, чтобы настоящая книга послужила основаніемъ для сокращеннаго, популярнаго разсказа о трагической судьбѣ поэта, такъ тѣсно связанной съ условіями его эпохи.

Н. М.

Обзоръ изданій разныхъ обществъ естествоиспытателей. *Труды общества естествоиспытателей при Харьковскомъ университетѣ 1897 г. т. XXXI.*

М. Алексенко. Лиственные мхи (Musci frondosi) сѣверной части Харьковской губ. и смежныхъ уѣздовъ Курской губ. Райономъ изслѣдованій автора была долина р. Псла, окрестности м. Лебедына, съ

характерными смѣшанными лѣсами, отчасти на песчаной, отчасти на торфяной почвѣ, окрестности Нижней Сыроватки, сумскаго уѣзда, долины рр. Сейма и Клевани, рыльскаго и путивльскаго уѣздовъ. Такъ какъ флора мховъ Россіи изучена мало, то авторъ не дѣлаетъ выводовъ про ихъ географическое распространеніе въ зависимости отъ геоклиматическихъ данныхъ. Онъ только даетъ списокъ съ указаніемъ мѣста и субстрата, гдѣ было растеніе найдено, а также времени его плодоношенія. Списокъ составленъ по системѣ Limpricht'a. Г. Алексенку удалось найти довольно рѣдкія формы, какъ напр. Dicranella heteromalla Sch. Philonotis fontana Br., Fontinalir hypnoides Hort.

А. Потебня. Къ вопросу о exobasidium vitis Prillieux. Авторъ первый констатировалъ этотъ грибокъ на виноградникахъ Мелитопольскаго уѣзда и въ своей статьѣ подробно описываетъ его.

А. Скориковъ. Матеріалы для изученія распредѣленія безпозвоночныхъ животныхъ въ р. Удахъ. Распространеніе фауны безпозвоночныхъ и жизнь ихъ въ рѣкахъ—совершенно неразработанный вопросъ; авторъ посвящаетъ ему свой трудъ; кромѣ того онъ выясняетъ распредѣленіе этой фауны на различной глубинѣ.

А. Скориковъ. Списокъ Thysanura окрестностей Харькова.

Тимоѳеевъ. Списокъ многоножекъ (myriapoda) г. Харькова и его окрестностей.

В. Таліевъ. Къ вопросу о реликтовой растительности ледниковаго періода. Авторъ указываетъ, что въ вопросѣ объ остаткахъ растительности ледниковаго періода обыкновенно упускаютъ изъ вида дѣйствіе одного важнаго фактора—вліяніе на растительность человѣка. Литвиновъ и Красновъ въ своихъ работахъ высказываютъ мнѣніе, что Уралъ, среднероссійское центральное возвышеніе, Волго-Донской водораздѣлъ, Донецкій кряжъ представляютъ изъ себя мѣста, гдѣ сбереглась in situ растительность со временъ ледниковаго періода. Они основываютъ это мнѣніе главнымъ образомъ на совмѣстномъ существованіи сосны и растеній, которыя по біологическому и систематическому характеру относятся къ субъальпійской флорѣ. Но по мнѣнію автора эта совмѣстность есть продуктъ современной эпохи. Реликтовой растительностью, по автору, нужно считать хвойные лѣса, но не мѣловую растительность, такъ какъ хотя послѣдняя вездѣ побѣждаетъ своего конкурента—лѣсную формацію, но только потому, что ее также уничтожаетъ и человѣкъ. Еслибъ этихъ конкурентовъ

предоставить самимъ себѣ, то побѣда осталась бы за лѣсомъ. Значитъ, вѣроятнѣе всего, что и во время ледниковаго періода вездѣ господствовалъ лѣсъ, остатки котораго существуютъ теперь только по отдѣльнымъ мѣстамъ.

Въ концѣ XXXI тома находится указатель статей, помѣщенныхъ въ трудахъ, содержаніе ихъ найбольше относится къ природѣ Малороссіи.

Записки Кіевскаго общества естествоиспытателей т. XIV 1897 г.

Радкевичъ. Библіографическій указатель литературы по геологіи губерній Кіевскаго учебнаго округа: Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской.

Кудрицкій. Климатъ Коростышева. Статья заключаетъ въ себѣ метеорологическія наблюденія Коростышевской учительской семинаріи 1883—1892 г.

Лукьяновъ. Списокъ пауковъ (araneina, Pseudoscorpionia, Phalangina), водящихся въ юго-западномъ краѣ и смежныхъ съ нимъ губерніяхъ Россіи.

Записки Новороссійскаго общества естествоиспытателей т. XXI. 1897 г.

Куликовскій. Матеріалы для фауны Coleoptera Южной Россіи. Авторъ для своей работы пользовался не только собственнымъ матеріаломъ, но еще 50 чужими коллекціями. По изслѣдованіямъ г. Куликовскаго, общее число coleoptera южной Россіи достигаетъ 2000.

Записки Императорскаго Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи. Одесса, 1897 г. 12 книж. Въ этихъ запискахъ помѣщено нѣсколько статей, которыя рисуютъ правовыя и экономическія отношенія крестьянъ между собою, напр. *Олексенко* «Народное обычное право въ общинномъ землевладѣніи Бердянскаго уѣзда Таврич. губ.», *Осадчій* «Крестьянское и товарищеское землевладѣніе въ Херсонской губ.», *Осадчій* «Крестьянское землепользованіе въ Херсонской губ.». Помѣщена здѣсь также статья, рисующая экономическія отношенія между крестьянами и другими сословіями— Гальперина. Краткая характеристика способовъ аренды земли и испольщины въ Херсонской губ., наконецъ докладъ о земледѣльческихъ артеляхъ въ Херсонской губ.

Остальныя статьи носятъ спеціальный характеръ и относятся къ шелководству, виноделію, садоводству, посвящаются описанію различныхъ болезней винограда и т. п. Наконецъ теоретическая часть содержитъ въ себе несколько переводныхъ статей.

Труды С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей Т. XXVII 1897 Отделеніе ботаники.

Пачоскій. Флора Полесья и прилежащихъ местностей. Изследованія автора захватываютъ губерніи: Могилевскую, Минскую, часть Волынской, Радомысльскій уездъ Кіевской, северо-западную часть Черниговской. Авторъ, кроме пересчитыванія местностей, где растетъ на Полесье каждое растеніе, указываетъ еще географическое распространеніе даннаго вида по Европе.

Ѳедосьевъ. Къ флоре Полесья. Авторъ собралъ 432 вида растеній около г. Ровно и нашелъ, что флора этихъ местъ не отличается отъ флоры остального края. Передъ спискомъ растеній авторъ приводитъ найболее характерныя растенія для лесовъ, озеръ, балокъ и т. д.

А. Черняховскій.

Новыя малорусскія книги.

Недавно появились въ продаже следующія книжки на малорусскомъ языке:

1. *Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый).* Розумный и дурень. Комедія въ 5 діяхъ. 72 стр. 16°. Цена 8 коп. Черкассы, 1898.

2. *Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый).* Сто тысячъ. Комедія въ 4 діяхъ. 75 стр. 16°. Цена 8 коп. Черкассы, 1898.

3. *Дмытрій Васылёвычъ Кулида.* Лірни творы 1890—1897 року, частына перша. 38 стр. 16°. Цена 30 коп. Кременчугъ, 1898.

4. *Грыцько Грыгоренко.* Наши люды на сели. I—Сватання, II—Ось яка сторія. 45 стр. 8°. Цена 15 коп. Юрьевъ, 1898.

О первыхъ двухъ книжкахъ, т. е. о комедіяхъ г. Тобилевича, мы не считаемъ нужнымъ говоритъ въ этой заметке ничего: намъ интересно только отметить фактъ выхода этихъ двухъ книжекъ въ

дешевомъ изданіи, которое съ симпатіей встрѣчено будетъ не только интеллигентнымъ читателемъ, но и простолюдиномъ. Этотъ послѣдній чрезвычайно любитъ читать драматическія произведенія, но вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на собраніе сочиненій нашихъ лучшихъ малорусскихъ драматурговъ, читаетъ пока бездарныя произведенія гг Винниковыхъ, Бораковскихъ, Ванченковъ и проч. Года полтора назадъ изданъ былъ дешевымъ изданіемъ водевиль г. Кропивницкаго «По ревизіи»; изданіе выпущено было въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, а между тѣмъ въ настоящее время трудно уже добыть хотя бы одинъ экземпляръ. Не мало расходится ежегодно и «Наталки Полтавки» Котляревскаго, а все это подтверждаетъ мысль о томъ, что въ сельскомъ быту есть интересъ къ чтенію подобныхъ изданій. Можно сказать съ увѣренностью, что точно такъ-же встрѣчены будутъ читателями и комедіи г. Тобилевича, одного изъ самыхъ выдающихся драматурговъ и артистовъ на малорусской сценѣ.

Подъ третьимъ номеромъ помѣчены у насъ «лирни (лирични) творы» г. Кулиды. Творы эти отличаются нѣкоторой новизной, не только потому, что авторъ ихъ впервые выступаетъ въ литературѣ, но и потому, что съ перваго же шага обставляетъ себя оригинальными предосторожностями: на первыхъ страничкахъ своей брошюры онъ печатаетъ: «каждый экземпляръ, не имѣющій собственноручной подписи издателя и его печати, считается поддѣльнымъ и *преслѣдуется по закону*». И дѣйствительно, далѣе слѣдуетъ собственноручная подпись «Д. Кулида» и каучуковый штемпель съ изображеніемъ лиры» лавроваго вѣнка и «Д. В. Кулида». Интересно только знать, какъ это г. Кулида будетъ *преслѣдовать по закону экземпляръ*!

Что-же представляютъ изъ себя эти творы? Расположены они въ книжкѣ въ хронологическомъ порядкѣ и датированы мѣстомъ творчества, вслѣдствіе чего читатель наглядно видитъ, что г. Кулида въ теченіе восьми лѣтъ переживалъ, или вѣрнѣе пережилъ, 43 вдохновенія, при чемъ 36 вдохновеній посѣтили его въ городѣ Кременчугѣ, а 7—въ другихъ мѣстечкахъ и селахъ. Но это сторона внѣшняя; что же касается стороны внутренней, т. е. поэтическихъ красотъ и содержанія «лирнихъ творивъ», то, говоря по совѣсти, поддѣлывать экземпляры изданія ихъ никто не захочетъ, т. к. они не только блещутъ полнымъ отсутствіемъ таланта, но просто-таки, въ смыслѣ поэзіи, безграмотны.

Вотъ небольшія выписки:

До брата (стр. 15)

Видчыны виконце, може я засну,
Може соловейко мени заспива,
Може свое горе я перенесу,
Може мылый облыкъ зновъ побачу я» и т. д.

Или «У-ранци» (стр. 23). Стихотвореніе это есть образецъ аляповатости.

Зъ дымаривъ поднявся дымъ (бо бабы
Затопылы пичкы), у садку
Заспивала «соловейка» Галя,
За садкомъ—пидтягуе Васыль,
(Бравый хлопець, тилько що вернувся
Зъ москаливъ).... Рябко уже проснувсь
И гоняе поросятъ по шляху;
Въ барлози кабанчыкъ розвернувсь,
И пышается, и стогне бидный,
На перыни наче виддыха
Винъ писля обиду, й поросятко
Гарне та биленьке улиза
У барлигъ; побачившы тамъ батька,
И соби рядкомъ пишло,—лягло,
Хрюкае, видкынуло свій хвостыкъ,
И маленьки нижкы протягло и т. д.

Да не прогнѣвается г. Кулида, что я позволю себѣ отступить отъ принятой имъ хронологіи и закончу замѣтку о его лирныхъ творахъ его же стихотвореніемъ, помѣщеннымъ на первой страницѣ книжки, какъ девизъ автора; вотъ оно:

Браты, даремне хлибъ не їжте!
(Цёго зъ васъ кожный не забудь).
Зробы богато хто зъуміе,
А то—зробы хоть що нибудь.

Лучше ужъ ничего не дѣлать, чѣмъ писать такіе стихи!

Теперь перейдемъ къ послѣдней брошюркѣ.

Книжка г. Григоренка—«наши люды на сели» хотя и раздѣлена на два разсказа: «Сватання» и «Ось яка сторія», но въ сущности она не представляетъ собою двухъ разсказовъ съ извѣстной округленностью и выдержанностью,—это, скорѣе всего, рядъ небольшихъ

сценокъ, картинокъ, или набросковъ изъ жизни малорусскаго народа. Если отбросить на этомъ основаніи всякія заглавія и разсматривать данную брошюру, какъ небольшой сборникъ набросковъ изъ народной жизни, то мы несомнѣнно найдемъ въ ней и слѣды незаурядной наблюдательности автора, и близкое знакомство его съ народной жизнью и, наконецъ, способность изображать короткими штрихами интересныя и вполнѣ правдоподобныя картинки. Если книжка «Наши люды на сели» первая проба пера г. Грыгоренка, то она указываетъ на несомнѣнную талантливость автора, и можно ожидать, что изъ подъ его пера будутъ являться далеко не безъинтересныя литературныя произведенія изъ жизни малорусскаго народа. Такъ напримѣръ, въ разсказѣ «Сватання» есть много мѣстъ, не только свидѣтельствующихъ о наблюдательности и знаніи авторомъ народной жизни, но отличающихся еще и простымъ, ненапыщеннымъ слогомъ, реальной правдой и ясностью описываемаго.

Поправки. Въ № 7—8, въ рецензіи В. П. „Die Kosaken von Kobeljaki" вкрались слѣдующіе недосмотры:

Стр.:	Строчка:	Напечатано:	Должно быть:
38	2 св.	купчей	куплей
—	14 —	изъ безразличной массы	изъ всей массы
—	10 сн.	желательной группы	значительной группы
39	10 св.	находится	находились
—	15 сн.	приписываемы имъ	приписываемыя имъ
—	13 —	go hilft	so hilft
40	10 сн.	„ein Band des Brutes,	„ein Band des Blutes,

ВЕРГИЛІЕВА ЭНЕИДА,

НА МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. П. КОТЛЯРЕВСКИМЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 13 іюля 1898 года.

Предисловіе.

Приступая къ изданію исправленнаго текста Энеиды, мы считаемъ своимъ долгомъ сообщить нѣсколько словъ вообще объ изданіяхъ Энеиды и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ произошло появленіе текста здѣсь прилагаемаго. Первыя изданія Энеиды (1798 и 1808 г. г.) напечатаны черниговскимъ помѣщикомъ Парпурой,—который, судя по свидѣтельству одного изъ друзей автора и самого автора, попросилъ у Котляревскаго три ея первыя части для прочтенія и безъ его вѣдома издалъ ихъ. Объ этомъ казусѣ въ „Біографическомъ очеркѣ Котляревскаго", написанномъ однимъ знакомымъ автора, Стеблиномъ-Каминскимъ, и напечатанномъ въ №№ 46 и 47 Полтавскихъ Вѣдомостей за 1866 г., читаемъ мы слѣдующее:—„Замѣчательно слѣдующее обстоятельство: лицо, напечатавшее Энеиду, безъ соизволенія автора, былъ нѣкто Парпура, помѣщикъ Черниговской губ.; раздосадованный авторъ, въ отмщеніе за похищеніе его собственности, въ описаніи ада, въ 3-й части Энеиды, прибавилъ нарочито нѣсколько энергическихъ стиховъ, ясно указывающихъ на неблаговидный поступокъ самозванца издателя:

„Якусь особу мацапуру.
Тамъ шкварылы на шашлыку;
Горячу мидь лылы за шкуру
И роспыналы на быку:
Натуру мавъ винъ дуже брыдку,
Крывывъ душею для прыбытку,

Чужое отдававъ въ печать;
Безъ сорома, безъ Бога бувши,
И восьму заповидь забувши,
Чужимъ пустывся промышлять".

Изъ этой строфы видно, что Парпура выдалъ Энеиду за собственное произведеніе, выпросивъ у довѣрчиваго автора только переписать" — [1]).

И самое качество изданій (1798 и 1808 г.) Парпуры вполнѣ соотвѣтствуетъ неблаговидному мотиву ихъ напечатанія: оно отличается крайнею небрежностью, частымъ непониманіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ рукописи и самовольной передѣлкой и, кромѣ того, частыми типографскими ошибками. Наконецъ, въ немъ, какъ въ неисправленномъ изданіи, отражается вся сущность черновой работы поэта: мѣстами неточность выраженій, часто непоэтичность, нехудожественность,—словомъ слабость отдѣлки,—свойственная первоначальнымъ наброскамъ работы. Слѣдующее изданіе было въ 1809 году,—оно было выпущено самимъ авторомъ и напечатано на счетъ полтавскаго помѣщика Семена Михайловича Кочубея, которому и было посвящено. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ-же біографъ И. П. Котляревскаго.—„Исправивъ три части и написавъ четвертую, Котляревскій посвятилъ свой трудъ полтавскому помѣщику Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ котораго была напечатана Энеида, въ 4-хъ частяхъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1809 г., съ добавленіемъ къ ней, въ концѣ книги, краткаго малороссійскаго словаря съ переводомъ и обозначеніемъ словъ по-русски".—Какъ просмотрѣнное и исправленное самимъ авторомъ, оно исключаетъ недостатки предыдущихъ изданій и можетъ смѣло назваться образцовымъ. Многія

---

*) Соглашаясь, что этотъ поступокъ дѣйствительно некрасивъ, мы должны отмѣтить одну неточность въ свидѣтельствѣ Стеблинъ-Каминскаго, которая далеко уменьшаетъ вину Парпуры. Стеблинъ-Каминскій самаго изданія Парпуры не видалъ, о чемъ онъ и упоминаетъ въ своемъ очеркѣ, между тѣмъ въ одномъ изъ этихъ изданій—1808 г. именно и напечатано въ заглавіи,—что Энеида перелицована *Котляревскимъ*,—поэтому главное обвиненіе, падающее на Парпуру въ томъ, что онъ выдалъ Энеиду за собственное произведеніе, должно рухнуть совершенно.

мѣста передѣланы, стихъ сглаженъ,—словомъ Энеида была, такъ сказать реставрирована отъ тѣхъ руинъ, въ которыя была приведена Парпурой. Слѣдующее изданіе Энеиды было выпущено въ свѣтъ въ 1842 г., уже послѣ смерти автора. О подробностяхъ этого изданія Стеблинъ-Каминскій говоритъ (въ № 47 Полт. Вѣд. за 1866 г.) слѣдующее: — „окончивъ 5 и 6 части, около 1824 и 25 годовъ, онъ только незадолго до смерти передалъ право напечатанія всѣхъ частей Энеиды (за 2 т. руб. ассиг.) надворному совѣтнику Волохинову, который и напечаталъ ее въ Харьковѣ только въ 1842 г.“—Это изданіе также можно назвать вполнѣ удачнымъ,—не уступающимъ изданію 1809 г., хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и можно замѣтить своеволіе издателя, исправлявшаго стихи, казавшіеся ему циничными. Послѣдующія изданія, предпринимаемыя начиная съ 1862 г. Кулишомъ, Катрановымъ и др., не представляютъ ничего особеннаго, потому мы объ нихъ и не станемъ говорить.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ установленіи нами настоящаго текста.

При повѣркѣ текстовъ всѣхъ важнѣйшихъ изданій Энеиды, мы къ сожалѣнію не имѣли самой рукописи И. П. Котляревскаго, которая изъ Импер. Публичной библіотеки исчезла неизвѣстно куда. По необходимости мы должны были пользоваться по крайней мѣрѣ тѣми печатными экземплярами Энеиды, которыя могли найти. Но и здѣсь мы потерпѣли маленькую неудачу, хотя и мелочную и для полноты дѣла не представляющую ущербъ, а именно: мы совершенно не могли достать изданія 1798 г., безъ котораго и произошла наша свѣрка текстовъ. Для этой послѣдней мы воспользовались изданіями 1808, 1809 и 1842 годовъ, не трогая позднѣйшихъ, которыя являются сколками, а иногда и весьма неудачными исправленіями одного изъ текстовъ перечисленныхъ изданій.

Существенными прототипами намъ послужили изданія 1809 и 1842 г.—первое потому, что исправлено и затѣмъ издано самимъ авторомъ,—второе издано также опытной рукой и притомъ, очевидно, редактировано согласно съ текстомъ самой рукописи. Помимо этого, упомянутыя изданія важны въ томъ отношеніи, что они въ сущности

составляютъ одинъ текстъ или дополняютъ одно другое,—такъ какъ въ изданіи 1809 г. находится только четыре части Энеиды, а остальныя двѣ находятся именно въ изданіи 1842 г. Свѣрять, собственно говоря, приходилось только 4 части—притомъ 4-ую часть только въ изданіяхъ 1809 и 1842 года, такъ какъ въ изданіи 1808 г. имѣется только три части; часть же пятая и шестая цѣликомъ взяты нами съ изданія 42 г. почти безъ всякихъ измѣненій. При повѣркѣ первыхъ 4 частей за основное изданіе принята была Энеида 1809 г., при чемъ, если въ изданіяхъ 1808 и 1842 гг. встрѣчались разночтенія, то мы брали редакцію 1809 г., болѣе вѣрную потому, что она, какъ мы уже упоминали, была санкціонирована самимъ авторомъ. Въ таблицѣ контръ-текстовъ мы отмѣчаемъ только дѣйствительныя разночтенія; и если таковыя оказываются между изданіемъ 1808 г. и съ другой стороны 1809 и 1842 гг., то мы безъ оговорки беремъ редакцію общую двумъ послѣднимъ изданіямъ, если-же разночтенія оказываются между всѣми тремя изданіями; то мы опять таки въ большинствѣ случаевъ принимаемъ редакцію 1809 г., если-же избираемъ текстъ 1842 г., то мотивируемъ это въ таблицѣ контръ-текстовъ. При указаніи разночтеній, мы пропускаемъ, разумѣется, несходныя слова или выраженія, которыя стали таковыми благодаря небрежности типографіи, и кромѣ того пренебрегаемъ въ большинствѣ случаевъ мелочными разночтеніями, вродѣ „куды“ или „куда“, „у“ или „и въ“ и т. п.,—какъ неимѣющими вліянія на полноту работы. Словарь, приложенный къ старымъ изданіямъ Энеиды, мы не считаемъ необходимымъ,—такъ какъ въ немъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ провинціализмовъ, содержатся слова, знакомыя всему малорусскому племени и трудностей для пониманія не представляющія.

ЕНЕИДА,

на малороссійскій языкъ переложенная.

ЧАСТЬ ПЕРВА.

Эней бувъ паробокъ моторный
И хлопецъ —хоть куды козакъ!—
Удавсь на всее зле проворный,—[1])
Завзятійшый одъ всихъ бурлакъ.
Но Грекы якъ спалывши Трою,
Зробылы зъ нею скырту гною,
Винъ, взявши торбу, тягу давъ,
Забравши де-якыхъ Троянцивъ—
Осмаленыхъ, якъ гыря, ланцивъ,
Пьятамы зъ Трои накывавъ.
Винъ швыдко поробывши човны,
На сыне море поспускавъ,
Троянцивъ насажавшы повни [2]),
И куды очи почухравъ.
Но зла Юнона, суча дочка,
Розкудкудакалась, якъ квочка,—[3])
Енея не любыла страхъ!
Давно уже вона хотила,
Его щобъ душка полетила
Къ чортамъ и щобъ и духъ не пахъ! [4])

* * *

Еней бувъ тяжко не по серцю [5])
Юнони—все іи гнивывъ:
Здававсь гирчишымъ ій одъ перцю—
Ни въ чимъ Юноны не просывъ!
Но гиршъ за те ій не любывся,

---

[1]) На лыхо здався винъ проворный—изд. 1808 г.

[2]) Троянцивъ посадывши повни—тамъ-же.

[3]) Розкудкудакталась—тамъ-же.

[4]) У пекло щобъ и духъ не пахъ—тамъ-же.

[5]) Эней болячка бувъ Юнони,
Якъ жорна, серце ій давывъ,—
Тугійшый бо бувъ видъ супоня. . . —тамъ-же.

Що, бачышъ, въ Трои народывся [1])
И мамою Венеру звавъ
И що його покійный дядько—
Парысъ,—Прыямове дытятко,
Путивочку Венери давъ.
Побачыла Юнона зъ неба,
Що вже Эней на поромахъ...
А те шепнула сука Геба...
Юнону взявъ велыкый жахъ.
Впрягла въ грынджолята павычку, [2])
Сховала пидъ кыбалку мычку,
Щобъ не свитылася коса;
Взяла спидныцю и шнуривку
И хлиба зъ силлю на тарилку,—
Къ Эолу мчалась, якъ оса.

* *
*

—„Здоровъ Эоле, пане свату!
О! якъ ся маешъ, якъ жывешъ!"
Сказала, якъ ввійшла у хату,
Юнона—,,чи гостей ты ждешъ?"—
Поставыла тарилку зъ хлибомъ
Передъ старымъ Еоломъ дидомъ,
Сама-же сила на ослинъ.
,,Будь ласковъ, сватоньку старыку,
Избый Енея зъ пантелыку,—
Теперъ плыве на море винъ!
Ты знаешъ, винъ якый суцига,
Палывода и горлоризъ, [3])
По свиту якъ ище побига,
Чыихсь багацько выльє слизъ.
Пошлы на його лыхо злее,
Щобъ люде вси, що пры Энеи
Послызлы и щобъ винъ и самъ...
За сее-жъ дивку чорнобрыву
Смашную, гарну, уродлыву,
Тоби я, далыби, що дамъ.

* *
*

—,,Гай-гай! Ой-дей-же його кату!
Еолъ, насупывшысь, сказавъ:
Я все-бъ зробывъ за сюю плату
Та витры вси пороспускавъ:
Борей недужъ лежыть съ похмилля
А Нордъ поихавъ на весилля,
Зефиръ-же, давній негодяй,
Зъ дивчатамы заженыхався.

---

[1]) А гиршъ за те ій не злюбывся,
Що, бачъ, у Трои народывся—тамъ-же.

[2]) Кужилку кынула пидъ лаву,
Впрягла у тарадайку паву
И, кылымомъ синце заславъ,
Взяла спидныцю и шнуривку
И бублыкивъ за шагъ въ талирку,
Стругнула, де Еолъ живавъ.—тамъ-же.

[3]) Палывода и коновидъ,
По свиту якъ ище побига,
Багато винъ наробыть бидъ;
Пошлы ты въ море злую тучу;
Щобъ всю Энейську челядь сучу
Пустыть на дно изъ нымъ къ чортамъ!—тамъ-же.

А Эвръ въ поденщики панявся; [1])
Якъ хочешъ такъ и помышляй!
Та-вже для тебе обищаюсь
Энееви я ляпасъ дать;
Я хутко, миттю постараюсь
Въ трыстя його къ чортамъ загнать.
Прощай-же,—швыдче убырайся,
Обицянкы не забувайся,
Бо пиcля, чуешъ, ни чычыркъ!
Якъ збрешешъ, то хоча надсядься,
На ласку пиcля не понадься;
Тогди видъ мене визьмешъ чвыркъ

*
* *

Еолъ оставшысь на господи,
Зибравъ всихъ витривъ до двора,
Веливъ поганій буть погоди...
Якъ разъ на мори и гора!
Все море заразъ спузырило, [2])
Водою, мовъ въ ключи забыло,
Еней тутъ крыкнувъ, якъ на пупъ.
Заплакався и зарыдався
Пошарпався, увесь подрався,
На тимьи начесавъ ажъ струпъ.
Прокляти витры роздулыся,
А море зъ лыха ажъ реве,
Слизьмы Троянци облылыся,
Энея за жывитъ бере.
Вси човныкы ихъ росчухрало;
Багацько війска тутъ пропало,—
Тогди набралысь вси сто-лыхъ! [3])
Эней крычыть, що „я Нептуну
Пивкопы грошей въ руку суну,
Абы на мори штурмъ утыхъ!"—

*
* *

Нептунъ издавна бувъ дряпичка, [4])
Почувъ Энеевъ голосокъ,
Шатнувся заразъ изъ запичка,—
Пивкопы для його кусокъ.

---

[1]) А Эвръ у вынныкы нанявся,
Якъ хочешь—такъ соби смякай!
Та вже для тебе обищаюсь
Энееви я ляпасъ дамъ,
Я хутко, разомъ постараюсь
Загнать його въ багно къ чортамъ—тамъ-же.

[2]) А дали потимъ яръ глубокый,
Еней стоявъ въ води по бокы,
Злякався, крыкнувъ, якъ на пупъ—тамъ-же.

[3]) Козацьки головы ляглы!
Эней крычыть, що я Нептуну
Пивкопы грошей въ руку суну,
Колыбъ що фыли поляглы—тамъ-же.

[4]) Нептунъ-же давній бувъ драпика,
Почувъ Енеевъ голосокъ;
Рошухавшы, його що клыка,
Пивкопы —для його кусокъ!—тамъ-же.
и далѣе: Чого вы дуете такъ ризно? и далѣе „И далы драла до норы".

И мыттю осидлавшы рака,
Схватывсь на його, мовъ бурлака,
И вырнувъ зъ моря, якъ карась,—
Загомонивъ на витривъ гризно:
—„Чого вы гудете такъ ризно!
До моря, знаете, вамъ зась!"
Отъ тутъ-то витры схаменулысь,
И ну вси драла до норы,
До лиса мовъ Ляхы метнулысь,—
Або одъ ижака тхоры.
Нептунъ-же заразъ взявъ мителку
И море вымывъ, якъ свителку,
То сонце глянуло на свитъ.
Еней тогди, якъ народывся,
Разивъ изъ пьять перехрыстывся;
Звеливъ готовыты обидъ.

***

Поклалы шаліовкы соснови, [1])
Кругомъ наставылы мысокъ:
И страву всякую безъ мовы
Въ голодный пхалы все кутокъ.
Тутъ зъ саломъ галушкы лыгалы,
Лемишку и кулишъ глыталы
И брагу кухлыкомъ таглы;
Та и горилочку хлысталы,
На сылу изъ-за столу вcredit
И спаты посля вси ляглы.
Венера,—не послидня шльоха,
Проворна, врагъ іи не взявъ,
Побачыла, що такъ полоха
Еолъ сынка, що ажъ захлявъ,—
Умылася, пречыпурылась
И якъ въ недилю нарядылась,
Хоть бы до дудки на танець!
Взяла очипокъ грезетовый
И кунтушъ зъ усамы люстровый
Пишла къ Зевесу на ралець.

***

Зевесъ кружавъ тогди сывуху, [2])
И оселедцемъ заидавъ;

---

[1]) Поставылы столы дубови,
Багацько зъ стравою мысокъ;
За стилъ вси силы и безъ мовы
Въ голодный пхалы все кутокъ.
Галушкы зъ саломъ тутъ лыгалы,
Лемишку и кулишъ трепалы,
Хваталысь бражкой запывать,
Да и горилочку хлысталы,
На сылу зъ-за стола усталы
И посли полягалы спать...
Венера, якъ на все швыдкая,
Проворна, врагъ іи не взявъ,
Побачила, що такъ лякае
Еней сынка, що ажъ захлявъ.
и далѣе: Зъ усамы кунтушъ саетовый—тамъ-же.

[2]) Зевесъ тогди лыгавъ вышнявку,
Маковнычкамы заидавъ;
И пьятую ище кондійку
Одъ Гебы зъ льоху дожыдавъ.

Винъ, сьому выпывшы восьмуху,
Послидкы зъ кварты вылывавъ.
Прыйшла Венера искрывывшысь,
Заплакавшысь и завискрывшысь
И стала хлыпать передъ нымъ:
—„Чымъ передъ тобою, мылый тату,
Сынъ заслужывъ таку мій плату?
И йонъ, мовъ въ свынкы, грають
нымъ.
Куды ему уже до Рыму?
Хиба якъ здохне чортъ въ рови!
Якъ вернется панъ-Ханъ до Крыму,
Якъ женытся сычъ на сови!
Хиба-бъ то вже та не Юнона, [1])
Щобъ не вказала макогона,
Що й доси слухае чмеливъ!
Колыбъ вона та не бисылась,
Замовкла и не комезылась, [2])
Щобъ ты се сам ій изведивъ!"

* * *

Юпитеръ, все допывшы съ кубка,
Погладывъ свій рукою чубъ:
„Охъ, доцю, ты моя голубка! [3])
Я въ правди твердый такъ, якъ дубъ.
Эней збудуе сыльне царство
И заведе свое тамъ панство;
Немалый буде винъ панокъ;
На панщыну ввесь сьвитъ погоныть,
Багацько хлопцивъ тамъ наплодыть
И всимъ имъ буде ватажокъ.
Заиде до Дидоны въ гости
И буде тамъ бенькетовать;
Полюбыться іи винъ мосци
И буде бисыкы пускать. [4])
Иды, небого, не журыся,
Попоподилкуй, помолыся,
Все буде такъ, якъ я сказавъ".
Венера нызько поклонылась
Изъ панотцемъ своимъ простылась,
А винъ іи поцилувавъ.

* * *

Эней прочумався, проспався,
И голодрабцивъ позбыравъ, [5])
Зо всимъ зибрався и уклався
И скилько выдно, почухравъ.
Плывъ, плывъ, плывъ, плывъ,—що
ажъ обрыдло [6])

Прыйшла Венера изкрывывшысь
Заслынывшись и завизгрывшысь
и далѣе:
Або якъ Ханъ долизе Крыму

[1]) Хиба-бъ то вже та не Юнона—изд. 1808 и 1809 г.
Хиба-бъ уже та не Юнона—изд. 1842 г.

[2]) Замовкла-бы и не кавылась—изд. 1808 г.

[3]) Охъ, донько, ты моя голубко—тамъ-же.

[4]) И стане бисыка пускать—тамъ-же.

[5]) Голодрапцивъ... въ 1808 г, голодрабцивъ.. въ 1842 г.

[6]) Плывъ, плывъ, плывъ винъ, що ажъ обрыдло—въ взд. 1808 г.
Плывъ, плывъ, винъ плывъ, що ажъ обрыдло—въ изд. 1842 г.

И море такъ ему огыдло, [1])
Що бисомъ на його дывывсь.
—„Колыбъ, каже, умеръ я въ Трои,
То вже-бъ не пывъ сеи гиркои
И марно такъ не волочывсь.
Потимъ до берега прыставшы
Зъ Троянствомъ голымъ всимъ своимъ [2]),
На землю съ човнивъ повстававшы,
Спытавсь, чи е що исты имъ?
И заразъ чогось попоилы,
Щобъ на пути не ослабилы, [3])
Пишлы, куды хто запопавъ.
Еней по берегу попхався
И самъ не знавъ, куды слонявся, [4])
Ажъ гулькъ, — у городъ прычвалавъ.

***

Въ тимъ городи жыла Дидона,
А городъ звався Карфагенъ,
Розумна пани и моторна,
Для неи трохы сыхъименъ:
Трудяща, дуже працьовыта,
Весела, гарна, сановыта,—
Бидняжка, що була вдова;
По городу тогди гуляла,
Колы Троянцивъ повстричала,
Таки сказала имъ слова:
—„Видкиль таки се гольтяпаки? [5-а])
Чи рыбу зъ Дону везете?
Чи може выходци, бурлакы?
Куды, прочане, вы йдете?
Якый васъ врагъ сюды направывъ?
И хто до города прычалывъ?
Яка-жъ ватага розбышакъ!
Троянци вси замурмоталы,
Дидоли нызько въ ногы впалы,
А, ставшы, ій мовлялы такъ: [5-б]).

***

„Мы вси, якъ бачъ, народъ хрещеный,
Волочымся безъ талану,
Мы въ Трои, знаешъ, порожденни, [6])
Эней пустывъ на пасъ ману;
Далы намъ Грекы прочухана
И самого Энея пана
Въ тры-вырвы выгналы видтиль;
Звеливъ покынуты намъ Трою,
Пидмовывъ плаваты зъ собою,
Теперъ ты знаешъ, мы видкиль.
Помылуй, пани благородна!
Не дай загынуть головамъ!

---

[1]) И море такъ ему огыдло—въ изд. 1808 и 1809 г.
И море такъ ему обрыдло—въ изд. 1842 г.

[2]) Изъ сыльнымъ війскомъ всимъ своимъ—въ изд. 1808 г.

[3]) Щобъ по дорози не зомлили—тамъ-же.

[4]) И самъ не знавъ, куды совався,
Якъ гулькъ, у городъ прычвалавъ—тамъ-же.

[5]) а) Видкиль таки се гольтипакы—въ изд. 1842 г. в) И посли ій мовлялы такъ—изд. 1808

[6]) Мы вси у Трои порожденны—изд. 1808.

Будь мылостыва, будь незлобна,
Эней спасыби скаже самъ!
Чи бачышъ, якъ мы обидралысь!
Убраняя, постолы порвалысь,—
Охлялы, нибы въ дощъ щиня! [1])
Кожухы, свыты погубылы,
И зъ голоду въ кулакъ трубылы,
Така намъ лучылась пеня!"

***

Дидона гирко зарыдала
И зъ билого свого лыця
Платочкомъ сльозы обтырала:
„Колы-бъ,—сказала, молодця,
Энея вашого злапала,
То вже-бъ тоди весела стала, [2])
Тоди велыкдень бувъ-бы намъ!"—
Тутъ плюсь Эней, якъ будто зъ неба:
—„Ось-осьде я, колы вамъ треба!
Дидони поклонюся самъ!"—
Потимъ зъ Дидоною обнявшысь,
Поцилувалысь гарно, въ смакъ,
За рученькы биленьки взявшысь, [3])
Балакалы то такъ, то сякъ.
Пишлы къ Дидони до господы
Черезъ велыки переходы,
Ввійшлы въ свитлыцю да й на пилъ, [4])
Пылы на радощахъ сывуху
И илы симьяну макуху,
Покиль клыкнулы ихъ за стилъ. [5])

***

Тутъ илы розныи потравы,
И все зъ полывьяныхъ мысокъ;
И сами гарныи прыправы
Зъ новыхъ кленовыхъ тарилокъ:
Свынячу голову до хрину
И локшыну на перемину,
Потимъ съ пидлевою индыкъ;
На закуску кулишъ и кашу,
Лемишку, зубци, путрю, квашу [6])
И зъ макомъ медовый шулыкъ.
И кубкамы пылы вышнивку, [7])
Медъ, пыво, брагу, сыривець,
Горилку просту и тернивку;
Курывсь для духу яловець.
Бандура горлыци брынчала, [8])
Сопилка зуба затынала,
А дудка грала по балкахъ;
Санжаривкы на скрыпци гралы, [9])

---

[1]) И нужя повна очкурня—изд. 1808.

[2]) Уже-бъ тоди... изд. 1842.

[3]) За билы рученькы узявшысь—изд. 1808 г.

[4]) ...та й на пилъ—изд. 1842 г.

[5]) Потимъ клыкнулы ихъ за стилъ.—въ изд. 1808 г.

[6]) Лемишку, хлякы,....—изд. 1808 г.

[7]) И кубками пылы сывянку
Медъ, пыво, брагу, сыривець,
Горилку просту и калганку—изд. 1842 г.

[8]) Бандура тутечки брынчала—изд. 1808 г.

[9]) „Ой венька" на цымбалы гралы—изд. 1808 г.

Кругомъ дивчата танцювалы,
Въ дробушкахъ, въ чоботкахъ, въ свыткахъ.

**
*

Сестру Дидона мала Ганну [1])
Навсправжкы дивку хоть куды,
Проворну, чепурну и гарну;
Прыходыла и ся сюды
Въ червоній юпочци баевій,
Въ запасци гарній фаналевій
Въ стёнжкахъ, намысти и ковткахъ,
Тутъ танцювала выкрутасомъ
И предъ Энеемъ выхылясомъ
Пидъ дудку была третяка...
Эней и самъ такъ росходывся, [2])
Якъ на аркани жеребець,
Що трохы не увередывся,
Пишовшы зъ Ганзею въ танець.
Въ обохъ пидкивкы забряжчалы,
Жижкы одъ танцивъ задрижалы,
Выстрыбовавшы гоцака.
Эней, матню въ кулакъ прыбравшы,
И „не до солы" прымовлявшы,
Садывъ крутенько гайдука.

*
**

А посли танцивъ варенухы [3])
По фылыжанци пиднеслы;
И молодыци цокотухы
Тутъ баляндрасы понеслы...
Дидона крипко заюрыла,
Горщокъ зъ вареною розбыла,
До духу вси тогди пылы.
Ввесь день весело прогулялы
И пьяни спаты полягалы;
Энея-жъ ледве повелы.

---

[1]) Сестра була въ Дидоны Ганна—
Моторна дивка хочъ куды,
Проворна, чопорна и гарна,
Прыходыла й вона туды—тамъ-же.

[2]) Эней и самъ такъ розгулявся,
Якъ на аркани жеребець,
Зъ Дидоною за рукы взявся,
Пишовъ изъ нею у танець,
Пидкивкы въ нього забряжчалы,
Жыжкы одъ танцивъ задрыжалы,
Якъ выбывалы гоцака.
А панъ Эней такъ росходывся,
Що трохы не уверeдывся,
Кружкомъ садывшы гайдука—изд. 1808 г.

[3]) А посли танцивъ варенухы
По кухлыку имъ поднеслы,
А молодыци и т. д.—тамъ-же.

Эней на пичъ зибравcя спаты,
Зарывся въ просо, тамъ и лигъ;
А хто схотивъ, побривъ до хаты,
А хто въ хливець, а хто пидъ стигъ. [1])
А де-яки такъ такъ хлыснулы,
Що де упалы, тамъ заснулы,
Соплы, харчалы и хроплы;
А добри молодци кружалы,
Поки ажъ пивни заспивалы —
Що здужалы, то все тяглы.

***

Дидона рано исхопылась,
Пыла съ похмилля сыривець;
А посли гарно нарядылась,
Якъ-бъ въ оренду на танець;
Взяла кораблыкъ бархатовый,
Спидныцю и карсетъ шовковый [2])
И начепыла ланцюжокъ;
Червони чоботы обула,
Та и запаскы не забула,
А въ рукы зъ выбійкы платокъ.
Эней-же съ хмелю якъ проспався,
Иззивъ солоный огирокъ;
Потимъ умывся и убрався,
Якъ парубика до дивокъ.
Ему Дидона пидослала,
Що одъ покійныка украла, —
Штаны и пару чобитокъ,
Сорочку и каптанъ зъ китайкы,
И шапку, поясъ съ каламайкы,
И чорный шовковый платокъ

***

Якъ одяглысь, то изійшлыся,
Съ собою сталы розмовлять;
Наилыся и прынялыся,
Щобъ по вчоряшнему гулять.
Дидона-жъ тяжко сподобала
Энея, такъ що и не знала
Де дитыся и що робыть;
Точыла всякыи балясы
И пидпускала разни лясы,
Энею-бъ тилько угодыть.
Дидона выгадала грыще,
Эней щобъ веселишый бувъ, [3])
И щобъ вертився за нею блыжче,
И лыха щобъ свого забувъ;
Соби очыци завязала
И у панаса граты стала,
Энея-бъ тилькы уловыть.
Эней-же заразъ догадався,
Коло Дидоны терся, мнявся,
Іи щобъ тильки вдовольныть. [4])

***

Тутъ всяку всячыну игралы,
Хто, якъ и въ вищо захотивъ;
Тутъ ынши журавля скакалы,
А хто одъ дудочкы потивъ.

---

[1]) А хто въ хливець, а хто у стигъ — изд. 1808 г.

[2]) Спидныцю и карсетъ люстровый. — тамъ-же.

[3]) Эней бы тамъ ій пидмыгнувъ,
И щобъ изъ нею бувъ поблызче! — тамъ-же.

[4]) Эней... и такъ и сякъ одъ ней хылявся,
Іи щобъ швыдче утомыть — тамъ-же.

И въ хрещыка и въ горюдуба,
Не разъ доходыло й до чуба,
Якъ загулялыся въ джгута;
Въ хлюста, въ пары, въ визка игралы [1])
И дамкы по столу совалы,—
Чортъ мавъ порожнього кута,
Що день було у ныхъ похмилля,
Пылась горилка, якъ вода:
Що день въ Дидоны якъ весилля, [2])
Вси пьяни, хочъ посунсь куда.
Энееви такъ, якъ болячци,
Або лыхій осинній трясци, [3])
Годыла пани всякій день.
Булы Троянци пьяни, сыти,
Кругомъ обути и обшыти, [4])
Хоть голи прыбрелы, якъ пень.

***

Троянци лыхо тамъ курылы [5])
Далы прыману всимъ жинкамъ; [6])
По вечерныцямъ вси ходылы,
Просвитку не було дивкамъ.
Та й самъ Эней, сподарь, и паню
Пидмовывъ парытыся въ баню,—
Уже-жъ було не безъ гриха!
Бо страхъ его вона любыла,
Ажъ глуздъ увесь свій погубыла, [7])
А, бачу я, не була плоха. [8])
Оттакъ Эней жывъ у Дидоны,
Забувъ и въ Рымъ щобъ мандрувать
Тутъ не боявся и Юноны,
Пустывся все бонькетовать;
Дидону мавъ винъ мовъ за жинку
Убывшы добру въ неи грынку,—
Мутывъ, якъ на сели москаль! [9])
Бо—хринъ его не взявъ—моторный,
Ласкавый, гарный и проворный
И гострый, якъ на брытви сталь.

***

Эней зъ Дидоною возылысь,
Якъ зъ оселедцемъ сирый китъ;
Ганялы, бигалы, казылысь,
Ажъ лывся де-колы и питъ.
Дидона мала разъ работу,
Якъ зъ нымъ побигла на охоту,
Да гримъ загнавъ ихъ въ темный лехъ.
Лыхый ихъ зна, що тамъ робылы,
Було не выдно з за могилы, [10])
Въ леху-жъ сыдилы тильки вдвохъ.
Не такъ-то робытся все хутко,
Якъ швыдко окомъ измыгнешъ:

---

[1]) Въ хлюсты, въ шашкы...—изд. 1808 г.
[2]) Що день бенькеты, мовъ весилля.—изд. 1842 г.
[3]) Або осинній лыхорадци.—изд. 1808 г.
[4]) Кругомъ обуты и одиты.—тамъ же.
[5]) . . . добре тамъ курылы.—тамъ-же.
[6]) Далы прыманку. . . —тамъ-же.
[7]) Ажъ розумъ весь свій погубыла.—изд. 1842 г.
[8]) Хотя була и не плоха.—изд. 1808 г.
[9]) Прочумавъ, де зимують ракы
И доброй натрусывъ кабакы,—
Мутывъ, якъ на сели москаль.—тамъ-же.
[10]) . . . спидъ могылы.—тамъ-же.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.